

Валерий Романовский

*И эскулап,
и летописец*

*Душан Петрович
Маковицкий*

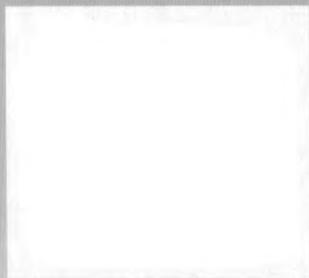
Валерий Михайлович Романовский родился в Ленинграде 2 декабря 1943 г.

Работал станочником на промышленных предприятиях. В 1973 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Участвовал в подготовке к изданию первого тома «Аграрной истории Северо-Запада России» под редакцией д. и. н., проф. А. Л. Шапиро. Имеет несколько публикаций о статистической обработке писцовых книг конца XIV — начала XVII в. по Ореховскому уезду Водской пятины Новгородской земли.

В газете «Невское время» 11 февраля 2011 г. опубликована его статья «Татьяна Ларина. Кто она?». Два десятилетия работал экскурсоводом в Бюро путешествий, Бюро экскурсий, в Петергофе и в музее-памятнике «Исаакиевский собор». Водил пешеходные, автобусные и теплоходные экскурсии по 23 темам.

В настоящее время, будучи пенсионером, занимается активной концертной деятельностью в качестве ведущего и чтеца.

Валерий Романовский

*И эскулан,
и летописец*

*Душан Петрович
Маковицкий*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

Р69

Р69 Романовский Валерий

И эскулап, и летописец. Душан Петрович Маковицкий. —
Изд-е 2-е, испр. и доп. — СПб. : Нестор-История, 2022. —
188 с.

ISBN 978-5-4469-1974-1

В историю словацкой, русской и общеевропейской культуры Душан Петрович Маковицкий вошёл не только как домашний врач писателя Льва Николаевича Толстого, но и как автор «Яснополянских записок», в которых он с возможной полнотой изложил высказывания Толстого по различным вопросам политического и социально-экономического положения России, о литературе и искусстве. Маковицкий сопровождал Толстого во время его ухода из Ясной Поляны и, как врач, вместе с коллегами сделал всё, что было в его силах, для сохранения здоровья и жизни писателя. После кончины Толстого Маковицкий на протяжении десятка лет продолжал активную врачебную практику в Ясной Поляне.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Валерий Романовский, 2022

Это ужасно, но жить прекрасно.

Лев Толстой

Вступление

Эта книга — о Душане Петровиче Маковицком — слове, последнем домашнем враче семьи Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Она не претендует на полное изложение религиозных взглядов Л. Н. Толстого. Автор предпринял попытку показать, какое влияние оказали жизнь и творчество Толстого на судьбу Д. П. Маковицкого. Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий — вот главная тема книги. Читатель найдет здесь многочисленные высказывания писателя о социально-экономической и политической обстановке в тогдашней России, о литературе и искусстве. Многие из того, что говорил Л. Н. Толстой, дошло до нас именно в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого.

Значительную часть книги составляют воспоминания не только членов семьи Льва Николаевича, но и друзей Толстого и самого Д. П. Маковицкого.

В работе представлены как уже опубликованные материалы, так и документы, хранящиеся в Центральном Государственном историческом архиве, Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Вниманию читателей предлагается самое полное на данный момент (41) собрание фотографий и живописных и скульптурных портретов Душана Петровича Маковицкого.

Компилятивный характер изложения материала, который для части читателей, возможно, покажется непривычным, по мнению автора, вполне приемлем и исключает субъективизм в трактовке упоминаемых событий. Работая над книгой, автор помнил завет Толстого: «Не договаривать всё до конца». Нет сомнения, что думающий читатель сумеет дочитывать и домысливать всё между строк. Многие высказывания Толстого, записанные Маковицким, не утратили своей актуальности и в наши дни. Книга рассчитана на широкий круг читателей, и её ни в коей мере не следует воспринимать как научное исследование.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе Валентине Александровне Барсуковой, Людмиле Александровне Яковлевой, Леониду Евгеньевичу Виноградову, Михаилу Борисовичу Кипрянскому, Даниилу Александровичу Лапину, Алексею Леонидовичу Яковлеву. За существенную финансовую поддержку в издании книги автор с благодарностью обращается к руководителям Шахматного клуба гор. Майнца (ФРГ), и также лично к господину Каспару Вернеру. За чёткую организацию поездки в Словацкую республику автор считает своим долгом поблагодарить Генерального Консула Словацкой Республики в Санкт-Петербурге пана Августина Чисара и Консула пана Максима Пацека.

Особую признательность за радушный приём автор выражает главе администрации словацкого города Ружомберока пану Яну Павлику, а также за исчерпывающие ответы научным сотрудникам Липтовского музея в Ружомбероке пану Каролу Дзурияку, пану Петру Рачко и научному сотруднику Словацкой национальной библиотеки в городе Мартине пану Зденко Дюришке.

Глава I

ВРАЧЕБНАЯ ПРАКТИКА Д. П. МАКОВИЦКОГО

О Льве Николаевиче Толстом знают все, а вот о Душане Маковицком, находившемся в ближайшем окружении писателя, знает далеко не каждый, разве что те, кто серьёзно интересовался жизнью и творчеством Толстого. Между тем этот человек своим отношением к здоровью Льва Николаевича, к подробному, каждодневному описанию встреч, бесед и высказываний писателя по праву снискал уважение и его современников, и благодарных потомков.

О Маковицком оставили свои воспоминания хорошо знавшие его люди. Это биограф писателя П. И. Бирюков, секретарь Льва Николаевича в первые годы XX в., издатель трудов Толстого В. Г. Чертков, секретарь Толстого в 1910 г. В. Ф. Булгаков, друг Толстого А. Б. Гольденвейзер, жена Льва Николаевича Софья Андреевна Толстая, их дети Александра Львовна Толстая, Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, Сергей Львович Толстой, Илья Львович Толстой и многие другие люди, встречавшиеся с ним. На основе записей Маковицкого секретарь писателя с 1907 по 1909 г. Н. Н. Гусев составил «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого», в которой Маковицкий упоминается более ста раз.

О Душане Маковицком Эрвином Галеци написан биографический роман с символическим названием «Смотри-ка, человек» (1941 г.). Деятельность Маковицкого в доме Толстого осветили И. Ротнагл и В. Булгаков в брошюре «С Толстым» (1946 г.). Свою точку зрения на жизнь и деятельность

Маковицкого предложил Томаш Винклер в книге «Душан Маковицкий» с подзаголовком «Трагический поиск жизни» (1991 г.)

Но самая большая заслуга в изучении жизненного пути Д. П. Маковицкого принадлежит чешскому учёному, доценту Стефану Калафе (1931–2004), сначала преподававшему на кафедре чехословацкой истории философского факультета Карлова университета, а затем ставшему научным сотрудником Чехословацко-Советского института Чехословацкой академии наук в Праге. Калафа по этой теме опубликовал целый ряд научных и научно-популярных статей. Стефан Калафа стал последователем идей и идеалов толстовцев, а в 1991 г. — основателем Общества друзей Л. Н. Толстого, учреждённого в Братиславе, членами которого стали прежде всего родственники Душана Маковицкого и Альберта Шкарвана.

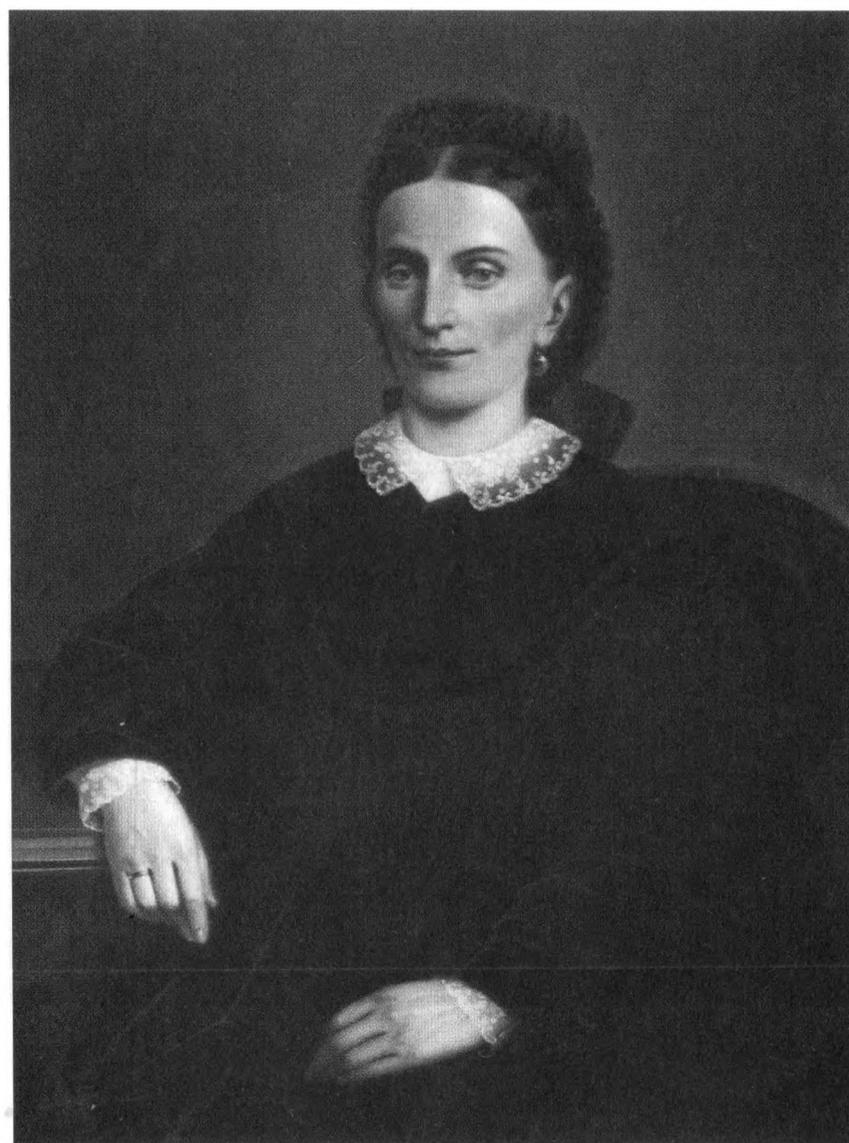
Душан Петрович Маковицкий родился 10 декабря ст. ст. (22 декабря н. ст.) 1866 г. в словацком городе Ружомбероке. Отец его, образованный человек, был представителем молодой словацкой буржуазии, недовольной господством в стране венгерских правящих кругов, проводивших политику ассимиляции словацкого народа. Взгляды своего отца впоследствии унаследовал Душан. С юных лет Маковицкий любил Россию. Его друг Альберт Шкарван писал в своих воспоминаниях: «В годы моей юности к России были устремлены упования словацкой молодежи, жестоко лишенной, как известно, под венгерским ярмом, всех возможностей для развития. Вдобавок все видные словацкие деятели издавна указывали нам на северного брата не только как на представителя великой внешней силы, но и как на щедро одаренный народ. Нас вдохновляла Россия как страна великого будущего и свободы. Мы, словацкие юноши, все без исключения, придерживались русофильских взглядов». В русле этих настроений находился и Маковицкий, с отрочества увлекавшийся русской литературой, изучавший русский язык, мечтавший побывать в Москве.

Душан Петрович Маковицкий

*Портрет Петра Маковицкого — отца Душана Маковицкого.
1869–1870 гг.*

*Портрет Анны Маковицкой (урожд. Палковой) —
матери Душана Маковицкого. 1869 г.*

*Дом на улице Подгора в городе Ружомбероке,
в котором родился Д. П. Маковицкий*

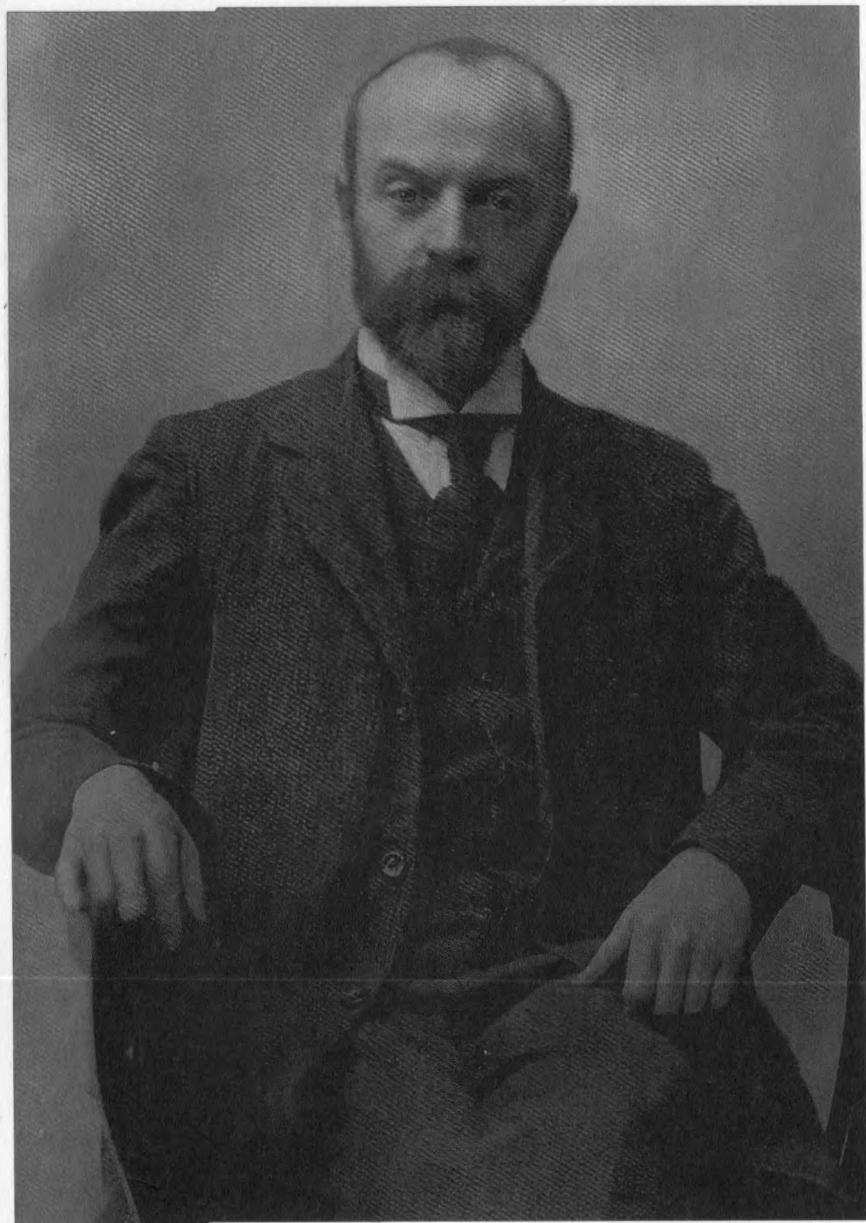
*Д. П. Маковицкий. Жилина, 1905 г. Фото Матильды Рек.
Собрание С. Колафы, Прага*

Д. П. Маковицкий и А. А. Шкарван. Жилина, 1896 г. Фото М. Рек

Д. П. Маковицкий. Жилина. Фото М. Рек

Д. П. Маковицкий. Словакия, нач. 1990-х гг.

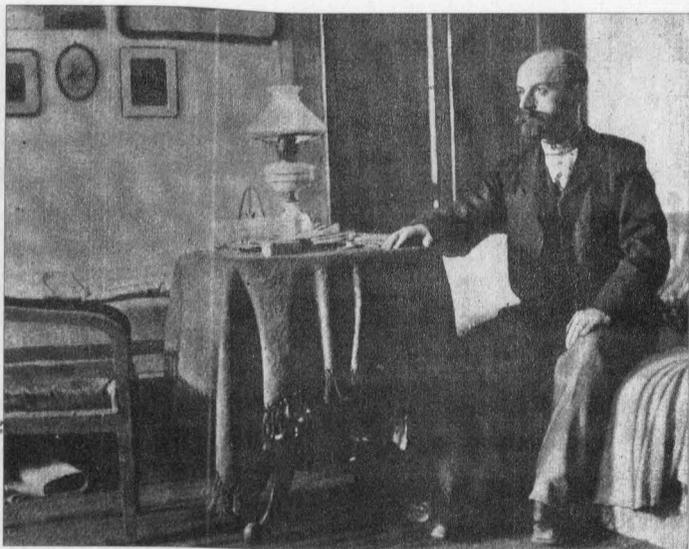
Дом Д. П. Маковицкого в городе Жилина

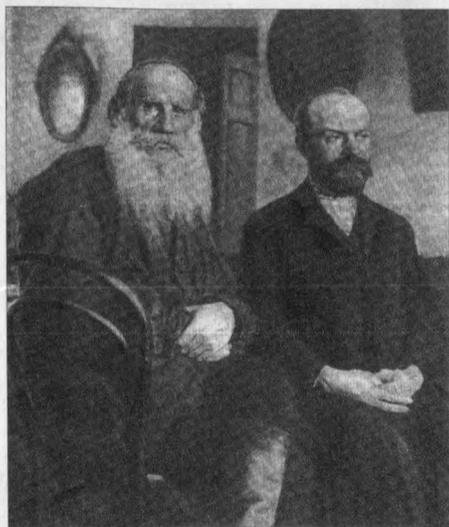
Памятная доска на доме Д. П. Маковицкого в Жилине

- Фотография гласистов по случаю заседания у доктора Ивана Галека в Жилине, на котором обсуждали программу журнала «Глас». Слева направо: Иван Галек, Йозеф Минарик, книгопечатник Шрекр, Ян Бербен, Душан Маковицкий, Вавро Шробар, Йозеф Грегор-Тайовский

Д. П. Маковицкий в «комнате для приезжающих». Ясная Поляна, 1905 г. Любительская фотография

Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий. Ясная Поляна, 28 марта 1905 г. Фото М. Л. Оболенской

*Л. Н. Толстой в кругу родных и знакомых.
• Слева направо: Л. Н. Толстой, Н. Л. Оболенский,
А. И. Архангельский, Т. Л. Сухотина, Н. Л. Оболенская,
М. Л. Оболенская, П. А. Буланже, Е. В. Оболенская,
Д. П. Маковицкий, А. Л. Толстая. Гаспра, 27–31 декабря 1901 г.
Фото С. А. Толстой*

После окончания гимназического курса Маковицкий уехал в Прагу и поступил на медицинский факультет Карлова университета¹. В университете ему пришлось задержаться на один год дольше. На выпускном экзамене Душан, исходя из своих убеждений, отказался препарировать живую лягушку. И только на следующем выпускном экзамене в 1891 г. он был удостоен диплома врача.

В Москву Маковицкий впервые приехал в марте 1890 г. и прожил там около трёх недель. Эта первая встреча с Россией оставила в нём неизгладимый след, впечатления его были разнообразны.

С этого 1890 года в мировоззрении и деятельности Маковицкого начинает проявляться влияние этических взглядов Толстого.

По возвращении из Москвы Душан некоторое время работал ассистентом, а затем врачом-ассистентом в Инсбруке и Будапеште. Его жизненным идеалом стало стремление как можно больше помогать людям, поэтому он хотел открыть свою клинику в восточной Словакии. Но под давлением семьи, прежде всего отца, Душан в 1894 г. обосновался в центральной Словакии, в городе Жилине. Кроме частной практики некоторое время он исполнял обязанности курортного врача в Раецких Теплицах. Очень быстро Душан Маковицкий стал известным и популярным среди пациентов врачом. Пациенты ходили к нему из соседних и дальних деревень и селений. В духе своей жизненной философии он предоставлял бедным кроме бесплатной медицинской помощи ещё и лекарства, одежду, продукты и даже деньги.

Личность и философия Л. Н. Толстого привлекала Душана Маковицкого настолько, что он захотел познакомиться с писателем лично. 25 августа 1894 г. он писал своей двоюродной сестре Богдане Шкультеты: «Завтра я отправляюсь в Россито к Толстому. Еду туда не из любопытства, не для развлечения, а по велению сердца — еду туда потому, что должен, потому, что что-то непреодолимо влечёт меня туда».

Маковицкий пробыл в Ясной Поляне в 1894 г. 7 дней — со 2 по 8 сентября. В напечатанной спустя 4 года статье-дневнике

¹ *Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. М., 1979. Кн. 1. Биографический очерк С. Калафа (Прага). С. 32.*

«У Толстого» он так описал свой первый приезд в Яснополянскую усадьбу и свою первую встречу с Толстым: «Было 9 часов. Навстречу мне вышел слуга и спросил, чего мне нужно. „Лев Николаевич еще не встали (или не вышли)“ — заявил он мне. Вдруг вышел Толстой и заговорил со мной (не знаю, как). Я сказал, кто я, словак из Венгрии, приехал, чтобы увидеть его. „Мне очень приятно“, — сказал он и пожал мне руку. Предложил мне оставить вещи на лавочке, т.к. в доме ещё не окончена уборка, и провел меня на веранду. Перемолвился несколькими словами с крестьянином во дворе, о чём-то его просившем. Вырвал листок из записной книжки, набросал несколько слов и отдал крестьянину, который пошел с ним к управляющему. Потом он вернулся ко мне. „Вы хорошо говорите по-русски; где вы научились?“ Задал мне ещё несколько вопросов и затем заметил: „Я скоро вернусь, только несколько минут погуляю“. Он спустился с другой стороны и, пройдя вдоль фасада, повернул в парк. Я не спускал с него глаз, пока он не скрылся за деревьями.

И только тогда очнулся от забытья. Ощущение блаженства охватило меня: „Ну вот, досталось тебе счастье увидеть Толстого... Какой простой, тихий и милый человек“².

Толстой с первой встречи полюбил молодого словака. Он был человеком невысокого роста, блондином, очень скромным, немногословным, серьёзным, замкнутым, с тихим, ровным по интонации голосом. Позднее один из гостей Толстого после знакомства с Маковицким отмечал, что это «весьма любезный, ширококультурный, симпатичный человек»³. Зимой он был «одет в шубу коричневого цвета — фасона тулуна с потертым воротником, какие можно видеть на картинах Маковского у престарелых чиновников-пенсионеров. На голове круглая валяная шапочка, жёлто-коричневая»⁴. Валентин Фёдорович Булгаков, секретарь

² *Маковицкий Д. П.* У Толстого. С. 34.

³ Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. Баскин-Серединский С. «Биржевые ведомости». С. 234.

⁴ *Апостолов Н. Н.* Живой Толстой. М., 2001. С. 695–696. Семёновский А. П.

Толстого в 1910 г., писал, что «...Душан Петрович... поражал всех своей молчаливостью. Однако в приятельской беседе наедине это был очень разговорчивый, живой и весёлый человек. Тогда всё лицо его озарялось простодушной, детской, насквозь искренней улыбкой»⁵. Сам Лев Николаевич 23 января 1910 г. в своем дневнике записал: «Душан всё больше и больше привлекает меня своей серьезностью, умом, знанием и добротой»⁶.

Душан Петрович Маковицкий рассказал Толстому «много интересного о том зловредном влиянии, которое производит патриотизм в маленьких народностях Австрии („они грызутся между собой и с верхней властью, и им кажется, что они заняты очень важными делами“), о единомышленниках в Венгрии и о сектантах назаренах, отказывающихся от военной службы. Толстой советовал ему сблизиться с ними и навещать сидящих в тюрьмах»⁷.

Кроме Ясной Поляны в эту поездку Душан побывал у приятелей и родственников Толстого в Москве, в селе Ивановском и в Костроме, познакомился с издательством книг для народа и избранного чтения для интеллигенции «Посредник», а пребывание в Ясной Поляне он описал в журнале «Словенские Погляды». В этом литературном журнале, а также в других газетах и журналах («Народне новины», «Глас» и др.) он публиковал собственные и переводные статьи о Толстом, а также небольшие переводы его произведений. С Толстым он вёл активную переписку.

27 октября 1894 г. Душан Петрович Маковицкий писал В. И. Ламанскому: «Месяц тому назад я был у Толстого в Ясной Поляне. Между прочим, он расспрашивал меня о политическом положении западных славян, о нашей борьбе и программе. В этих беседах он несколько раз интересовался нашими делами и говорил, что он с удовольствием прочитал бы сочинения

⁵ Булгаков В. Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1964. С. 267.

⁶ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Дневники и записные книжки 1910 года, М. 1935. С. 11.

⁷ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1960. С. 149.

о западных славянах и, главным образом, о будущем западных славян, — для того именно, чтобы, знакомясь со взглядами, противоположными своим, уяснить себе свои взгляды, мысли. Когда я говорил Л.Н. о наших трех мирах (западно-европейского материка), он выразил удивление, что не знает этого произведения, и говорил, что достанет и прочитает его»⁸.

В это же посещение Татьяна Львовна Толстая сообщила Душану Петровичу Маковицкому, что Александр III был очень раздражен против Толстого за его «Царство божие внутри вас». Он пришел в кабинет одного из своих сыновей, которому в это время профессор В.О. Ключевский преподавал историю. «Это ужасно, что Толстой пишет, — сказал царь, — следовало бы его наказать. Вы, господа, — обратился он к профессору, — не дадите мне его выслать». Еще раньше, когда царю советовали употребить репрессии против Толстого, он ответил: «Я не желаю увеличивать его славу короной мученика». «Мы, — прибавляла Татьяна Львовна Толстая, — ожидали, что нас все-таки куда-нибудь вышлют. Но правительство знает, что если бы оно выслало отца за границу, это лишь увеличило бы его влияние»⁹.

О первом приезде Душана Петровича в Ясную Поляну оставила свои воспоминания и ещё одна дочь Льва Николаевича — Александра Львовна: «...Из Австро-Венгрии в Ясную Поляну приехал последователь Толстого, словак, доктор Д.П. Маковицкий».

Маковицкий читал изданные за границей религиозно-философские сочинения Толстого и горячо воспринял взгляды его. Молчаливый, скромный, с кроткими, выпуклыми, серыми глазами, острой белокурой бородкой, Маковицкий очень понравился Толстому и его семье. «Только молодёжь и дети едва сдерживали смех, когда Душан говорил по-русски, такие он делал смешные ударения»¹⁰. Маковицкий рассказал Толстому про

⁸ *Кораблев В.Н.* Лев Толстой и славянство. Сборник статей к столетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. М., 1934. С. 415.

⁹ *Гусев Н.Н.* Летопись... С. 149.

¹⁰ *Толстая А.Л.* Отец. Жизнь Льва Толстого. Т. 2. М., 1989. С. 320.

своего друга Шкарвана, готового отказаться от военной службы по своим религиозным убеждениям. После отъезда Маковицко-го у Толстого завязалась переписка с ним и его друзьями.

В начале февраля 1895 г. Толстой писал Маковицкому: «Получил вчера ваше письмо, дорогой Душан Петрович, и очень был тронут и поражён сообщаемым вами известием о поступке нашего общего друга Шкарвана (т.е. о его отказе от военной службы по религиозным убеждениям — *В.Р.*). Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смешанное чувство страха, торжества, сострадания и радости»¹¹.

После возвращения на родину Маковицкий приступает к врачебной деятельности в городе Жилина (Северо-Западная Словакия). По совету Толстого он пишет брошюру «Назарены в Венгрии». Толстому было известно, с какими трудностями приходилось встречаться Маковицкому в своей переводческо-издательской деятельности. 11 сентября 1895 г. Толстой писал ему: «Не унывайте о том, что жизнь наша не такая, какую бы вы желали её видеть»¹².

«Одним из лучших переводчиков произведений Л. Н. Толстого на словацкий язык был Иозеф Шкультеты, наиболее активно переводивший в 80-е—90-е гг. XIX в. По мере того как И. Шкультеты из-за своей занятости постепенно отходил от переводческой деятельности, его стала заменять его жена Богдана Шкультеты. В 1900-е гг. она стала главным переводчиком Толстого для журнала «Словенские погляды».

Если супруги Шкультеты ориентировались прежде всего на художественные произведения Толстого, то другие два известных переводчика произведений Толстого — Д. Маковицкий и А. Шкарван — преследовали другие цели. Для них главная задача была в распространении идей Толстого среди словацкого населения.

Этому подчинялся как выбор произведений для перевода, так и сами переводческие приемы. Они ориентировались пре-

¹¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 68–69. Письма 1894–1895. М., 1954. С. 29.

¹² Там же. С. 175.

имущественно на этико-религиозные идеи Толстого и на его теоретические статьи и трактаты.

«О значении издательской деятельности Маковицкого ярко говорит то, что изданный им перевод романа „Воскресение“ (1900 г.) является первым нецензурным иностранным переводом вообще»¹³.

Когда Д. П. Маковицкий поселился в Ясной Поляне, Альберт Шкарван продолжал быть за границей одним из деятельных переводчиков произведений Л. Н. Толстого на словацкий и немецкий языки.

Выражая мысли русских людей, благодарных Д. П. Маковицкому и А. А. Шкарвану за их деятельность, их современник и друг Х. Н. Абрикосов справедливо писал: «Они были первые распространители Толстого в Венгрии, и мы их называем словенскими Кириллом и Мефодием»¹⁴.

Маковицкий противостоял не только ожесточенным нападениям со стороны всех словацких партий — консервативной, либеральной, клерикальной, — против него ополчились и венгерские власти, пуская в ход репрессии. В 1903 г. в доме Маковицкого полиция дважды произвела обыск, у него конфисковали множество книг (среди которых могли быть и книги с дарственными надписями Толстого).

Но чем больше суживалась для Маковицкого возможность работы в своей стране, среди своего народа, тем активнее он сотрудничает с Толстым и его русскими и зарубежными последователями.

Историк А. Н. Сиротинин в 1913 г. писал: «Искренний, прямой, последовательный Маковицкий в Толстом полюбил простоту жизни и благородную последовательность славянского ума, который, не останавливаясь перед препятствиями, смело отвергает всё то, что считает за предрассудок, всякую мысль развивает

¹³ Черкасов Д. Б. Форум о Словакии. «Яснополянский сборник»... № 52.

¹⁴ Яснополянский сборник. Тула, 1984. Архангельская Т. Н. «Чешская и словацкая литература в личной библиотеке Л. Н. Толстого». С. 152–162.

до конца и не любит сделок с совестью. Сам Маковицкий — один из тех людей, у кого нет пропасти между словом и делом, между убеждением и жизнью. Уверовав в истину учения Толстого, он всю жизнь перестроил по толстовскому идеалу»¹⁵.

• 28–29 ноября 1897 г. Толстого вторично посетил Душан Петрович Маковицкий, «милый, кроткий, чистый». «Много радостного рассказал про друзей»¹⁶. «Толстой его ещё больше полюбил»¹⁷.

В конце 1901 г. Маковицкий, находясь в Жилине, получил просьбу секретаря Толстого Владимира Григорьевича Черткова немедленно отправиться в Крым к больному Льву Николаевичу. Маковицкий имел цель побудить Толстого, чтобы он велел изготовить копии всего того, что он написал за последние два года, и выслать их Черткову, который бы с финансовой помощью какого-нибудь московского купца смог бы издать произведения Толстого.

Маковицкий выехал из Жилины в ночь на 19 декабря. 26 декабря он приехал из Алушты в Ялту, где провёл декаду — до 4 января 1902 г. За это время он посетил Толстого в Кореизе 5 раз: 27, 28, 29 и 31 декабря и 1 января. 31 декабря Маковицкий посетил Горького, жившего по соседству в Олеизе. Горький отнёсся к Маковицкому с тёплым вниманием и подарил ему свои книги с дарственными надписями.

В Ялте Маковицкий познакомился с Чеховым. Чехов подарил Маковицкому свою фотографию, на которой он снят с Горьким.

В июле–августе 1903 г. Маковицкий побывал у Черткова в Англии, где познакомился с Петром Алексеевичем Кропоткиным. В 1904 г. он отправился в Швейцарию, затем опять к Черткову в Англию. По просьбе Черткова он снова выехал к Толстому в Ясную Поляну и прожил здесь 8 дней — с 26 октября по 2 ноября.

¹⁵ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Т. 1. С. 37–38.

¹⁶ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Дневники и записные книжки. 1895–1896. М., 1953. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 168.

В этот приезд Маковицкого в Ясную Поляну в связи с тем, что прежний домашний врач Толстых Дмитрий Васильевич Никитин был призван в армию на русско-японскую войну, жена Льва Николаевича Софья Андреевна предложила Душану Петровичу остаться в Ясной Поляне в качестве врача. Маковицкий с радостью согласился. Он съездил на родину для устройства дел и, возвратившись в Россию, поселился в усадьбе Толстого. Маковицкий приехал в Ясную Поляну 18 по ст. ст. (30 по н. ст.) декабря 1904 г. и прожил бок о бок с Толстым 6 лет, до самой кончины писателя. А затем оставался здесь ещё 10 лет, до 1920 г.

В Яснополянском Доме-музее Л. Н. Толстого ныне всё сохраняется таким, как это было в начале XX в. «Из передней дверь ведёт в маленький коридор, заставленный книжными шкафами. Налево по коридору — бывшая буфетная, направо — дверь в так называемую комнату Маковицкого.

С 1902 г. здесь стали жить домашние врачи Дмитрий Васильевич Никитин, Григорий Моисеевич Беркенгейм, а с 1904 г. — Душан Петрович Маковицкий»¹⁸. С начала 1910 г. в этой комнате жил и последний секретарь Л. Н. Толстого Валентин Фёдорович Булгаков. Из его воспоминаний мы также многое узнаем о Душане Петровиче Маковицком.

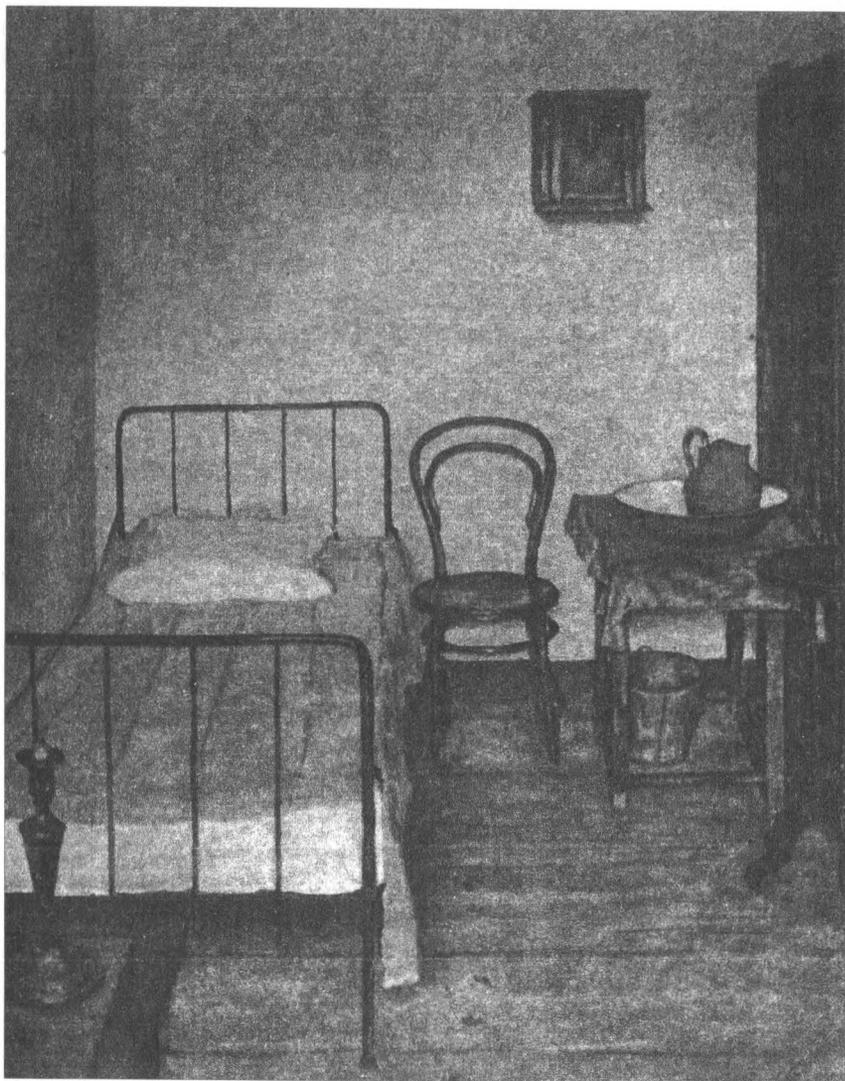
В комнате Маковицкого обстановка чрезвычайно скромная: два простых шкафа, стол, складная кровать, ширмы, висячий шкафчик с медикаментами, полка для книг. Он был глубоко предан Толстому, а тот ценил Душана Петровича за его исключительное бескорыстие и самоотверженность и считал его своим другом. Любим был Душан Петрович и всеми членами семьи Льва Николаевича, а в деревне называли его, мило сокращая словацкое имя, не Душан, а «Душа Петрович»¹⁹.

«По желанию Толстого, Маковицким был открыт также приём больных окрестных крестьян, для чего была снята изба в деревне»²⁰.

¹⁸ Ясная поляна. Заповедник. Дом-музей. Литературный музей. Путеводитель. Тула, 1963. С. 78–79.

¹⁹ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 178.

²⁰ Гусев Н. Н. Летопись... С. 496.

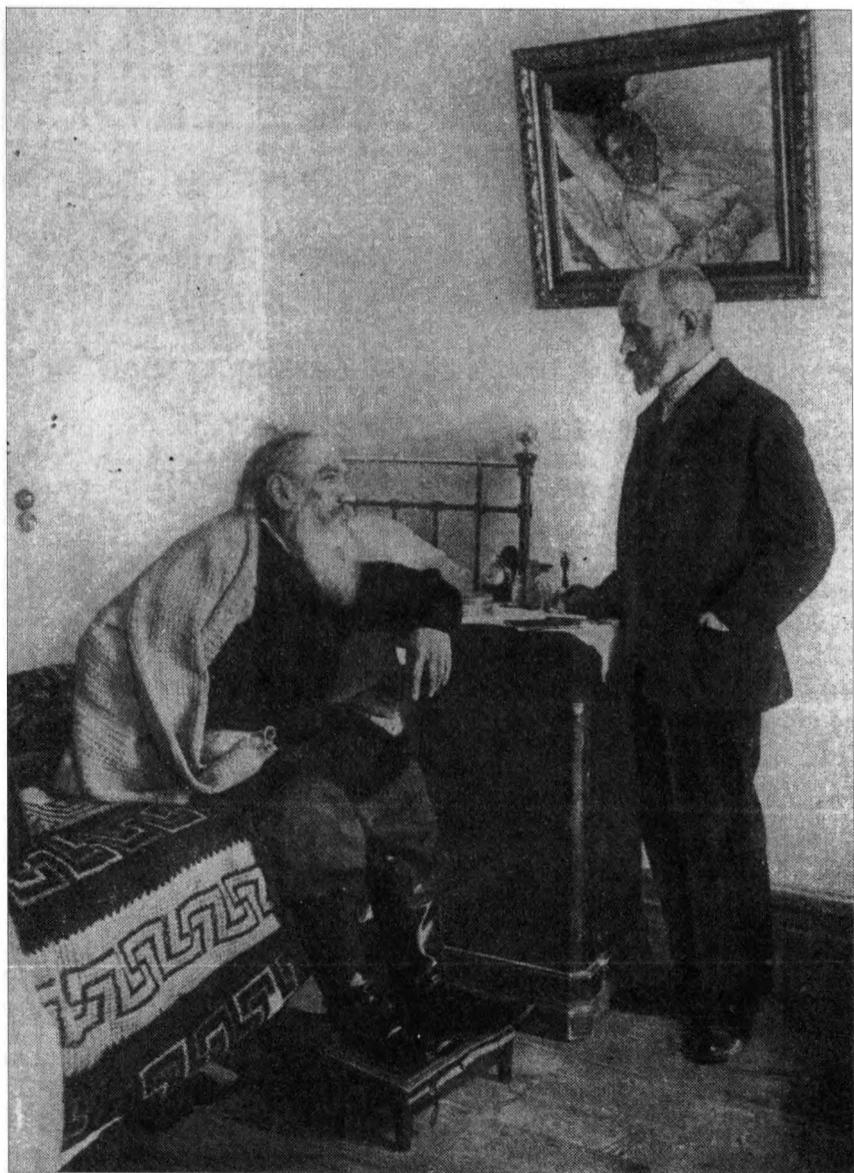
Комната Д. П. Маковицкого

Душан Маковицкий в своей комнате

Л. Н. Толстой и доктор Д. П. Маковицкий. 1908 г.

*Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий в спальне Толстого.
Ясная Поляна, 27 марта 1909 г. Фото В. Г. Черткова и Т. Танселя*

«Его скоро здесь все полюбили, начиная со Льва Николаевича, хотя медицинскому его авторитету никогда слишком не доверяли. Но у этого врача, помимо профессиональных, медицинских познаний в том или ином объеме, было еще другое не менее ценное свойство: способность бескорыстного самоотверженного служения своему делу. Маковицкий с честью представлял собственно русскую, пироговскую традицию медицинского служения, как служения гуманного, служения общественного. Он как врач-подвижник не изменил себе ни разу: на тряской телеге разъезжал по округе с радиусом верст в сорок и совершенно бескорыстно или за пятикопеечные гонорары лечил крестьян многих деревень, бесплатно раздавая лекарства, делая перевязки, оперируя, помогая роженицам.

Ни дождь, ни снежная вьюга, ни недомогание или утомление, ни приятное общество Льва Николаевича и избранных гостей последнего не могли ни на минуту задержать Душана Петровича, если приходил лакей и докладывал, что „за доктором приехали“ из какой-нибудь далекой деревни. Будь это за обедом и Душан Петрович ест суп, он тотчас кладет ложку, извиняется перед Софьей Андреевной и, несмотря ни на какие уговоры „не торопиться“, „подождать“, „докончить обед“, встает и исчезает — иногда на много часов. Самоотверженность Душана Петровича поражала»²¹.

С 8 утра до 2 часов дня прием больных. Затем визиты к больным на дом. «Много больных», «множество больных», «наплыв больных» — записывает он в дневнике. «Я весь день был занят больными и вернулся только к вечеру». «У меня было 24 новых и 20 старых больных». «Сегодня в амбулаторию приехало больных на 20 санях».

Когда Д. П. Маковицкий был занят лечением писателя или членов его семьи, Толстой беспокоился: «А как там другие больные?» Душан Петрович сопровождал писателя во время его пребывания в Кочетах в 1909 г. Там врачу сообщили из земской управы о распространении холеры в Тульской губернии.

²¹ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 268.

Толстой беспокоился, не упрекают ли Маковицкого за отъезд из Ясной Поляны, не зовут ли его. «Ему, видно, — записывает в дневнике Маковицкий, — неловко из-за меня, он помнит, что я бросил больных»²².

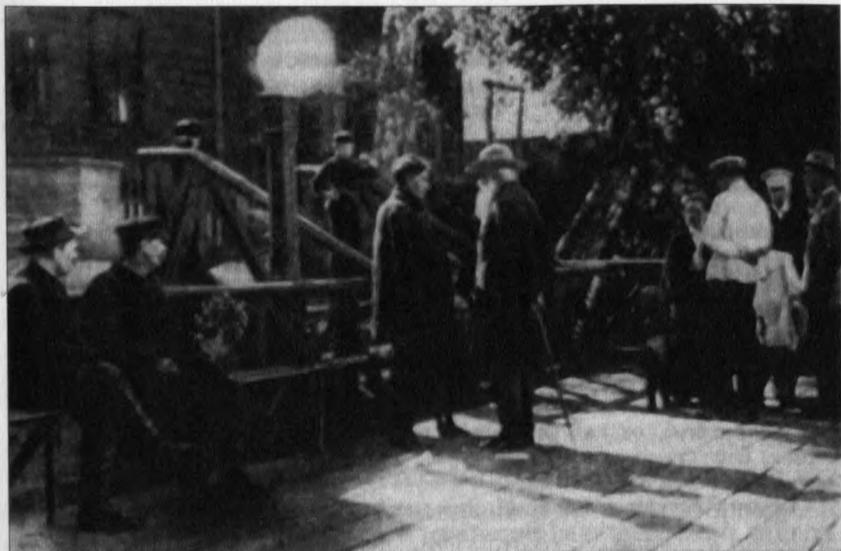
• Дочь Л. Н. Толстого Александра Львовна позднее вспоминала: «Душан Петрович скоро сделался незаменимым в доме... как помощник отцу. При составлении „Круга чтения“ отцу приходилось перечитывать много книг, отмечая карандашом то, что должно было войти в сборник. Душан Петрович помнил, какие книги надо было достать из библиотеки, какие выписать. Помогал Душан Петрович и с посетителями, стараясь, как врач отвлечь их от отца, и как единомышленник разъясняя его взгляды. Иногда отец поручал ему отвечать на письма, что Душан Петрович делал охотно и весьма кратко. Но главная заслуга Душана Петровича состояла в том, что он был необычайно точным летописцем. Всё, что он делал, он делал добросовестно, с каким-то тяжелым упорством. За отцом записывали многие: Гольденвейзер, Гусев, Булгаков, но никто не записывал так точно и так систематически и беспристрастно, как Душан Петрович. Я как сейчас вижу его напряженное, до жуткости неподвижное и страстное лицо, склоненную лысую, белую голову, опущенную в карман руку. В кармане у него были наготовлены маленькие, остро наточенные карандашики и крошечные, твердые бумажки, которые он перелистывал ощупью. Он записывал, опустив руку в карман»²³.

«С Душаном я снова стала ходить в амбулаторию, но способы его лечения были такие странные, что интерес мой к медицине быстро пропал. Русский язык он так коверкал, разговаривая с крестьянами, что я, стоя в аптекарской, где я развешивала порошки или готовила какую-нибудь мазь, хохотала до слёз»²⁴.

²² Яснополянский сборник. Тула, 1988. Свадковский Б. С. «Домашние врачи Толстого». С. 239.

²³ В гостях у Льва Толстого. М., 2012. С. 175–176.

²⁴ Толстая А. Л. Отец. Т. 2. М., 2001. С. 343.

*Отъезд Л. Н. Толстого в Кочеты. Станция Засека, 2 мая 1910 г.
Толстой разговаривает с П. Н. Лепехиным.
Справа Е. Е. Горбунова-Посадова с детьми, В. Ф. Булгаков,
Д. П. Маковицкий и П. А. Буланже. Фото Т. Тапселя*

«Александра Львовна, очень любившая Душана и не перестававшая умиляться его наивностью и простотой, иногда просила его спеть. И он пел, всегда одно и то же — поначалу меланхолическую и затем переходящую в плясовой темп песенку венгерских цыган:

Фароэс. Фароэс,
Керда чинига фенгуэс...

Кончал он её притоптывая и припрыгивая и потом весь сиял и простодушно, по детски заливался тихим, мелким, захлебывающимся смешком, а младшая дочь великого Льва вторила ему по-русски раскатисто, громко и заразительно.

Александра Львовна сама потом выучила „Фароэс“, но никогда ни в чьём исполнении она не имела такого успеха, как в исполнении тихого, бледного и сухонького Душана, сначала

наивно закатывающего бело-голубые глаза, а потом весело пускающегося в пляс»²⁵.

«Лев Николаевич не раз повторял Душану Петровичу, что нуждается не столько в его медицинской помощи, сколько в его дружбе. Так понимал свою роль возле Толстого и сам Маковицкий. Он и лечил Толстого и помогал ему всем, чем только мог. Маковицкий, всегда кроткий и спокойный, видел в Толстом божество»²⁶.

Самой страшной болезнью Толстой считал веру в докторов. Врачебной помощи он предпочитал дружбу с ними²⁷.

Лев Николаевич любил и уважал Душана Петровича Маковицкого. «Желал бы быть Душаном Петровичем», — сказал он 17 июля 1906 г.²⁸ «Ах, он всё знает, всем нужен». «Что за милый, удивительный по добродетели человек. Учиться у него надо. Я не могу без любовного умиления о нём думать». Толстой неизменно называл Маковицкого «милым Душаном», говоря, что это законно принадлежащий ему эпитет²⁹.

Еще один дифирамб в свой адрес Душан Петрович услышал из уст Толстого ранее, 3 февраля 1905 г. «Приехал Х. Н. Абрикосов. Говорил со Львом Николаевичем про своё предполагаемое свадебное путешествие. Я (Маковицкий. — В.Р.) отговариваю его ехать в Геную, а советую поехать лучше на берег Адриатического моря к словенцам и хорватам. Лев Николаевич одобряет мой совет.

„Поезжайте, серьёзно, в славянские земли, — сказал Лев Николаевич. — Лизанька будет против, а вы всё-таки только туда поезжайте. Италия, Ривьера — всё это избито. А тут новые места, сохранившийся народ, интересный. Я бы на вашем месте туда поехал. Я благодарен Душану Петровичу за всё, но особенно за то, что он поучает нас о славянах“»³⁰.

²⁵ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 270.

²⁶ Зверев А. М., Туниманов В. Д. Лев Толстой. М., 2006. С. 667.

²⁷ Никитина Н. А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М., 2007. С. 336.

²⁸ Кулижников Г. Д. Л. Н. Толстой и медицина. М., 1999. С. 341.

²⁹ Яснополянский сборник. Тула, 1955. Брейтбург С. М. С. 293.

³⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1955. С. 180.

Александра Львовна Толстая свидетельствует о вызывавшем уважение необычайно высоком ритме жизни Душана Петровича. «Соседи „темные“ приходили к отцу каждый вечер. Они рассаживались вокруг него полукругом и ждали, что он им скажет. Душан записывал в кармане. Когда отец читал вслух, Душан более или менее точно рассчитывал, сколько времени будет продолжаться чтение, бежал к себе в комнату. Заводил будильник, ложился и немедленно засыпал. Поездки по больным, приём в амбулатории сильно утомляли его. Когда через несколько минут будильник звонил, Душан вскакивал и поспевал как раз вовремя к обсуждению прочитанного»³¹.

Когда весной 1910 г. после тяжелой болезни Александра Львовна была вынуждена уехать на лечение в Крым, Лев Николаевич и она ежедневно обменивались письмами. Свое письмо дочери, написанное 21 апреля, Толстой закончил словами: «Люблю тебя так, как не следует любить. Л. Т. Душан, как всегда, радуется»³².

О домашнем враче Толстых сохранились воспоминания гостя писателя Петра Алексеевича Сергеенко, датированные 1906 годом: «Тут я вспомнил о докторе Маковицком, который безвыездно живет у Толстых. Я прошёл к нему. Доктор, к счастью, был дома и, по обыкновению, писал. У него в комнате тоже пахло яблоками, и чувствовался тот особенный, напоминающий турецкую мечеть или синагогу, степенный порядок, который всегда сопутствует людям с уравновешенным внутренним миром. Доктор Маковицкий — словак и довольно известен в Венгрии как самоотверженный искусный врач и популярный общественный деятель. Приехал несколько лет тому назад в Россию погостить в Ясную Поляну, доктор крепко привязался к ней, слился с её интересами и незаметно пустил из своей благородной души во все стороны такие крепкие корни, что их трудно было бы и разорвать теперь без страданий для окружающих».

³¹ Толстая А. Л. Отец. Т. 2. М., 2001. С. 381–382.

³² Там же. С. 443.

Доктор Маковицкий постоянно в труде или в думе и заботе о Льве Николаевиче. Он чутко следит за здоровьем нашего бесценного писателя и ещё более чутко относится к его духовной деятельности.

* Прекрасный, незаменимый член Ясной Поляны, между прочим, доктор Маковицкий, быть может, единственный человек, которому постоянно завидует Л. Н. Толстой.

„Я все завидую Душану Петровичу, — говорил он, — завидую его драгоценному качеству — молчаливости. У меня это никак не выходит“.

И действительно, доктор Маковицкий говорит только тогда, когда это необходимо.

И милый доктор начал приветливо рассказывать мне о яснополянских событиях.

Не вполне владея русской речью и затрудняясь иногда над некоторыми ударениями в выражениях, доктор, тем не менее, передавал свои мысли ясно, с умственным изяществом, и всегда с отсветом европейской культурности. Вот приблизительно содержание его речи: Лев Николаевич чувствует себя хорошо. Очень хорошо. Было как-то недомогание, были некоторые перебои в здоровье. Но теперь всё прошло. Он бодр и светел. Ежедневно совершает продолжительные прогулки то пешком, то верхом. Много отдает времени общению с людьми и усиленно работает. Особенно хорошо работал вчера (22 июля) и закончил наконец свою работу „Два пути“. Кроме Александры Львовны (меньшей дочери Л.Н.), переписывающей рукописи отца, никто ещё ничего не знает о последней работе Л. Н. Вчера ему так хорошо работалось, что он сам удивлялся своей продуктивности. Давно так не работал. Вообще вчерашний день можно назвать историческим в яснополянских анналах: не было гостей. Просители, дачники и разные посетители, разумеется, были. Но из приезжих никого не было. Удивительный день!»³³

Об отношении Толстого к Маковицкому свидетельствует и эпизод, произошедший 2 января 1908 г. «Сегодня Душан Пе-

³³ «Интервью и беседы с Львом Толстым», М., 1986. «Искры». Сергеев П. А. «В Ясной Поляне». С. 243.

трович Маковицкий, как это часто с ним бывает, уехал в дальнюю деревню к больному. Возвращаясь с послеобеденной прогулки, около пяти часов, Лев Николаевич, всходя по лестнице, спросил меня (я был внизу в передней):

— А Душан ещё не возвратился?

— Нет.

— Завидная его участь, — сказал Лев Николаевич»³⁴.

Интересно свидетельство уже упоминавшегося П. А. Сергеевко «Знаете, — говорил он Д. П. Маковицкому, — вы первый врач, к которому Л. Н. относится дружески»³⁵.

Не только профессиональную, но и чисто человеческую заботу со стороны Душана Петровича ощущали на себе обитатели Ясной Поляны и гости Толстых. Характерный случай произошёл осенью 1907 г. со Н. Страховой: «На другой день я немного заболела — схватила сильный кашель. И милый, добрый доктор Душан Петрович Маковицкий принёс мне лекарство, яблок и трогательно ухаживал за мной»³⁶.

Верную характеристику Душану Петровичу Маковицкому даёт в своём стихотворении наш современник, тульский поэт Валерий Ходулин.

Друг

*Душану Петровичу Маковицкому —
домашнему врачу и другу Л. Н. Толстого*

Появился он в Ясной Поляне
В самый трудный и сложный момент.
А в его небольшом чемодане
Медицинский лежал инструмент.

³⁴ Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1907–1908 годы. Издание Толстовского музея. М., 1928. С. 54.

³⁵ Яснополянский сборник. Тула, 1988. Свядковский Б. С. «Домашние врачи Толстого». С. 237.

³⁶ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 593.

Приглашённый графиней Толстою,
Говоривший по-русски с трудом,
Покорил он своей добротой
От велика до мала весь дом.

Только мир не кончается домом,
И для яснополянских крестьян
Скоро стало родным и знакомым
Необычное имя — Душан.

И когда он по Ясной Поляне
Шёл, к больному ребёнку спеша,
Вслед ему говорили крестьяне:
«Человек. Одним словом — душа».

Что искал он, по свету блуждая?
И зачем его поезд привёз
Из словацкого горного края
В это царство российских берёз?

За богатством приехал? Едва ли,
Разве мог он богатство скопить,
Коль сердился, когда предлагали
За леченье ему заплатить?

И, себя ощущая крылатым,
Понял он своим чувством шестым:
Разве можно считаться богатым
Рядом с тем, кто зовётся Толстым?

Разве можно хватать чаевые?
Разве можно мусолить рубли.
Если вот она — совесть России,
Да, пожалуй, и целой земли.

Не жалея ни сил и ни знаний,
Не стараясь нажать барыши,
Был он лекарем тяжких страданий
Беспокойной толстовской души.

И когда нестерпимая рана
Искажала страданием лик,
Не жену, не детей, а Душана
Звал на помощь великий старик³⁷.

В осажденном Севастополе Толстой встречался со знаменитым русским хирургом Николаем Ивановичем Пироговым. Д. П. Маковицкий передает по этому поводу свой разговор с Толстым, имевший место 8 мая 1906 г.:

«— А дневник Пирогова, Лев Николаевич, знаете?

Л.Н.: — „Части дневника Пирогова читал. Я его знал. В Севастополе он читал лекции по анатомии врачам... Пирогов — умное лицо — секцировал (рассекал) и показывал операцию, какую врачам приходилось делать. Пирогов много доброго сделал“, — говорил Л.Н. о нём с симпатией и уважением»³⁸.

Друг Толстого пианист Александр Борисович Гольденвейзер вспоминал: «За чаем Душан Петрович говорил что-то о медицине. Лев Николаевич сказал: „Я как и умру дурак дураком, а не верю всему этому. Как можно что-нибудь знать? Всё это так многообразно, что исследователь не может ничего узнать: он исследует один ряд явлений, а за этим рядом — сотни рядов, и так бесконечно...“»³⁹

8 марта 1908 г. Александра Львовна (дочь писателя) собиралась в Москву по разным своим делам, между прочим, к дантисту. В этот же день выписывали ветеринара для лошадей. Эти два обстоятельства дали Льву Николаевичу повод заговорить о медицине. «Душан Петрович меня извинит, — сказал Лев Николаевич, — и доктора ничею не знают, а ветеринары тем более не знают. Доктор хоть может спросить. Я вот думаю про свою болезнь — про желудок. Все эти средства, которые я принимал, какое ничтожное влияние они имеют сравнительно с естественным ходом процесса. Если выразить в цифрах это отношение, то, может быть, будет одна десятая к ста»⁴⁰.

³⁷ Ходулин В. Г. Кузнецка: слобода. Тула, 1987. С. 87–88.

³⁸ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 2. С. 134–135.

³⁹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 257.

⁴⁰ Гусев Н. Н. Два года... С 108.

«Лев Николаевич не верил в лекарства, полагая, что они мешают природе организма самой бороться с болезнью, но, когда бывал болен, часто принимал их — частью ради успокоения Софьи Андреевны, которая верила в лекарства и настойчиво требовала, чтобы он принимал их, частью для того, чтобы не обидеть врачей»⁴¹.

«По словам самого писателя, во время болезни он часто думал о курении. Когда ему нездоровилось, то по утрам, встречаясь с кем-нибудь из домашних, он спрашивал: „Как поживаете?“ — для того, чтобы его не спрашивали о здоровье. Когда хворал и у него проявлялся жар, слабость, хрипота, он всегда советовался со своим врачом — другом Д. П. Маковицким, как обыкновенный мнительный человек»⁴².

: 11 января 1908 г. Тоже говорили о болезнях. Софья Андреевна сказала, что у нее инфлуэнца. «Жили мы, жили, никакой инфлуэнцы не знали. А теперь вдруг откуда-то инфлуэнца появилась», — смеясь сказал Лев Николаевич.

Ю. И. Игумнова не поняла его слов и сказала: «Да, эта болезнь совсем недавно появилась». «Вот еще катар недавно появился», — в тон Льву Николаевичу сказал Душан Петрович. «Да, теперь даже мужики говорят: „катар“, — сказал Лев Николаевич. — Недавно мне баба сказала про мужа: „У него катар завелся“, — и я уверен, что она под этим подразумевала какое-нибудь живое существо»⁴³.

16 июля 1910 г. Льву Николаевичу прислали приветствие чешские «соколы» («Сокол» — журнал чешской юношеской общенациональной гимнастической организации). Душан настаивал на ответе им. Лев Николаевич сказал: «Я не могу выражать сочувствие обществу, которое организует гимнастику: гимнастика — занятие, пригодное только богатым классам, освобождающее их от обязательной, нужной для всякого, настоящей работы»⁴⁴.

⁴¹ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 354.

⁴² Никитина Н. А. Повседневная жизнь Льва Толстого... С. 330.

⁴³ Гусев Н. Н. Два года... С. 59–60.

⁴⁴ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М. 1989. С. 287.

«Льва Николаевича могли заинтересовать самые неожиданные вещи, увлечь такие вопросы, которые, казались бы, страшно далеко отстоят от его занятий... 1 сентября 1908 г. У Толстого был слепой; после его ухода писатель долго расспрашивал Д. П. Маковицкого о способах лечения слепоты»⁴⁵.

Из письма Александры Львовны: «...Застала своих стариков в плохом виде. У отца опять воспаление вены на ноге. Он лежит. При ходьбе и ощупывании больно. Общее состояние неплохо; хочет встать, но Душан и все мы умоляем его лежать с поднятой ногой, чему он до сих пор подчиняется»⁴⁶.

6 сентября 1908 г. на вопрос А. Б. Гольденвейзера о ноге Лев Николаевич ответил: «Душан Петрович говорит, что болит. Хорошо было бы, — вот как зубы выпали, — если бы и ноги могли отболеть»⁴⁷.

«В случаях нездоровья Лев Николаевич пользуется советами своего домашнего врача г. Маковицкого, но, как тот говорил мне, не особенно любит принимать лекарства, да я, заметил Маковицкий, — даю их только в самых необходимых случаях»⁴⁸.

«20 июля 1909 г. Лев Николаевич (я слышал это из своей комнаты) говорил в зале Душану Петровичу:

— Душан Петрович, если вы сомневаетесь в болезни Софьи Андреевны, то не вызвать ли нам другого доктора?

Софья Андреевна на это сказала: „Не нужно, умру — туда и дорога“»⁴⁹.

По свидетельству гостя Толстого В. Молочникова, Лев Николаевич называл Маковицкого «святым Душаном»⁵⁰. И все же писатель хорошо понимал, что ни Маковицкий, ни другие врачи не смогут существенно улучшить его состояние как пациента. Предпочитая врачебной помощи дружбу с докторами, Лев Николаевич говорил Маковицкому 7 июля 1908 г.:

⁴⁵ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 28.

⁴⁶ Там же. С. 262.

⁴⁷ Там же. С. 256.

⁴⁸ Интервью и беседы с Львом Толстым. М. 1986. Баскин-Серединский. С. 332.

⁴⁹ *Гусев Н. Н.* Два года... С. 275.

⁵⁰ Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. «Жизнь для всех». В. Молочников. «Сутки в Отрадном с Л. Н. Толстым». С. 448.

«Вы, Душан Петрович, хотите меня лечить. Тут одно только утешение от этого, что смерть близко. Так что если давать, так что-нибудь такое, чтобы поскорее это случилось»⁵¹.

Чуть ранее, 2 июня 1908 г., обращаясь к Маковицкому, Лев Николаевич сказал: «Нет, Душан Петрович, как вы ни хлопчите, а вы всё-таки меня не вылечите. Слава богу, слабею. Надо готовиться к путешествию»⁵².

Как врач Маковицкий молчаливо соглашался с Толстым, понимая, что медицина не всесильна. Но, верный клятве Гиппократу, он в процессе лечения Льва Николаевича и всех других своих пациентов делал всё, что мог. Не всё можно признать безошибочным в действиях Д. П. Маковицкого как врача. После приступа грудной жабы писателю разрешалась прогулка верхом на лошади. Такая же прогулка во время воспаления вен ноги вызывала обострение болезни. Но отнюдь не эти единичные врачебные ошибки Маковицкого стали решающими в событиях осени 1910 г.

Из письма о Толстом художника Михаила Васильевича Нестерова: «Перед тем, как идти спать, чтобы „чем свет“ ехать на поезд, я подал руку доктору Душану Петровичу Маковицкому, он задержал её в своей, заметив у меня жар, поставил термометр, температура была 40°! Ещё днём в холодную ветреную погоду я с Бирюковым ходил гулять... Во время этой прогулки я, вероятно, простудился... Благодаря заботам добрейшего Душана Петровича я хорошо заснул...»⁵³

«Его считали человеком образованным и чуть ли не энциклопедистом, но, по существу, образованность его ограничивалась лишь массой статистических сведений из области политики, геополитики этнографии. Душан в любую минуту мог предоставить вам те или иные данные о количестве населения в той или иной стране, о распределении этого населения по национальностям и вероисповеданиям и т.д., но я никогда не

⁵¹ Гусев Н. Н. Два года... С. 187.

⁵² Там же. С. 176.

⁵³ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 198.

слыхал, чтобы он, например, процитировал какого-нибудь мирового писателя или обнаружил знакомство с той или иной философской системой.

Он слыл также лингвистом. Говорили, что он знает девять или двенадцать языков. Но знание это было недостаточно основательно. Лучше других он владел, по-видимому, кроме своего, словацкого, немецким языком, и Лев Николаевич иногда обращался к помощи Душана, когда ему надо было ответить на немецкое письмо. На других же языках — в частности, — на французском и на английском — Душан Петрович говорил приблизительно так же, как по-русски, т.е. очень плохо. В Ясной Поляне существовал целый ряд забавных анекдотов о комических „русских“ словечках и выражениях Душана Петровича. Он искренне любил, ценил и очень понимал своеобразные меткие словечки и выражения простого русского человека, русско-крестьянина»⁵⁴.

Мария Львовна Толстая фотографировала отца в 1905 г., за год до своей смерти. Вместе с родителями она встречала Новый год в Ясной Поляне, затем приезжала из Пирогово в конце февраля, жила в марте и апреле, помогала Толстому в качестве секретаря, следила за его здоровьем. За это время она сделала несколько снимков, из которых два точно датированы благодаря записи Д. П. Маковицкого от 28 марта 1905 г. «Когда я пришел из лечебницы, Мария Львовна позвала меня в столовую сфотографироваться с Л.Н-чем. Там была и М. А. Шмидт. Одновременно была сделана фотография Толстого с М. А. Шмидт и А. Дунаевым. Оба снимка редкие»⁵⁵.

⁵⁴ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 268–269.

⁵⁵ Яснополянский сборник. Тула, 1976. Поповкина Т. К. «Л. Н. Толстой в фотографиях М. Л. Оболенской». С. 209.

Глава II

ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ЗАПИСКИ

Как ни важна была медицинская практика Душана Петровича, всё же главным делом его жизни, обеспечившим ему благодарную память грядущих поколений, стало ведение записок, в которых он с удивительным трудолюбием и почти протокольной тщательностью воспроизводил всё слышанное и виденное в продолжение нескольких лет в доме Толстого.

До него этим систематически никто не занимался, хотя необходимость подобного дела была очевидна многим современникам.

В первую очередь, конечно, записывались слова самого Толстого. Эти слова Душан Петрович ухитрялся записывать каким-то незаметным способом у себя в кармане, где у него для этой цели всегда были припасены карандаш и куски толстой бумаги. Когда все расходились спать, то есть после 11 часов вечера, Маковицкий садился в своей комнате за расшифровывание ему одному понятных записей и просиживал за этим занятием до глубокой ночи, иногда до утра. Записи велись не на русском и не на словацком языке, а на особом наречии, состоявшем по большей части из русских, но также из словацких, немецких и венгерских слов. Большую помощь в переводе этих записок с «душановского» языка на русский оказал Николай Николаевич Гусев.

«Маковицкий записывал всё, что происходило в знаменитой усадьбе, в том числе и неповторимую „смесь племен, наречий, состояний“, — как сказал однажды Лев Николаевич.

Душан Петрович никогда не пропускал случая умолять каждого близкого Льву Николаевичу человека записывать всё, что он мог вспомнить о Льве Николаевиче или из разговоров с ним»⁵⁶.

«Желание быть полезным Толстому заставляло Д. Маковицкого в течение почти двух тысяч дней, с короткими перерывами браться за карандаш, чтобы „скоросшивать“ яснополянское время. Из „Записок“, информативного кладезя о Толстом, можно узнать обо всем, в том числе и о состоянии здоровья писателя, когда „волосы падали, зубы портились“, когда „хотелось писать художественно, а зубов нет“, когда жизнь его истончалась и таяла. Он узнал писателя, когда тот уже страдал множеством болезней, но, тем не менее, поражал своего доктора уникальной витальностью, бьющей ключом силой жизни. Порой Маковицкому казалось, что не будет конца у этой жизни, рождающей такую энергию»⁵⁷.

«Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого — подробнейшая и правдивая летопись яснополянской жизни. «Со страниц „Записок“ Лев Николаевич предстает не книжным классиком, а живым человеком, абсолютно реальным, земным, пульсирующим»⁵⁸.

«Л. Н. Толстой со временем, конечно, узнал о деятельности своего врача. Но он не только не возражал против составления записок, но даже иногда, когда проходил, по его мнению, важный разговор, делал всё, чтобы его врач смог как следует записать его.

„Я грешен: пишу дневник, этим и оправдываю свое пребывание у вас, может быть, буду полезным“ — сказал 18 апреля 1907 г. Маковицкий Толстому. И эти слова тоже занес на свою карточку»⁵⁹.

⁵⁶ Сухотина-Толстая Т. И. Воспоминания. М., 1981. С. 235.

⁵⁷ Никитица Н. А. Повседневная жизнь Льва Толстого... С. 337.

⁵⁸ Там же. С. 337.

⁵⁹ Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М., 1980. Калафа С. Я. «Словацкий друг Толстого». С. 299.

Ежедневные записи Душана Петровича за годы его пребывания в Ясной Поляне составили более 200 печатных листов⁶⁰.

В качестве примера приведем запись, датируемую 2 июля 1905 г.

«Приехали родные соседки Звегинцевой, князя Черкасские. За столом не было места, я ушел к круглому столу. Через полчаса Л.Н. подсел ко мне. Говорил про письмо к лакею в немецком переводе Адольфа Гесса, что оно плохо переведено. (Письмо к лакею — статья «Как освободиться рабочему народу?».)

— Как это Куропаткин меня совершенно не интересует? — сказал Л.Н., намекая на разговор с Черкасским, который был адъютантом у варшавского генерал-губернатора. Наверное, ему этот великосветский блеск и шум был не по душе.

Потом сказал: „Крестьянская жизнь — теперь работа идет — меня всегда устыжает, особенно чем старше становлюсь, тем больше“.

Спросил меня, и раньше несколько раз спрашивал, умею ли косить, вообще работать, и вижу, что Льву Н-чу во мне не нравится, что по-господски ленюсь, что я даже не пытался работать. Прямо не советует, но видно, что желает мне этого. А я всё откладываю.

Черкасский рассказывал о Варшаве и Лодзи. По его словам немцы, которым выгодно уничтожить Лодзь, подстрекают поляков к забастовкам и мятежам, чтобы в Польшу пошли их товары. В Лодзи убиты и ранены 1500 человек. Л.Н. спрашивал его, есть ли признаки польского восстания, как это было в 1863 г.? На это Черкасский не сумел ответить. Л.Н. вспомнил, что американец Манделькерн рассказывал ему, что за ними — 27 миллионов. Л.Н. спрашивал, подразумеваются ли тут немецкие и австрийские поляки?

Сергей Львович и Черкасский говорили, что теперь самое ужасное было бы, если бы убили царя; что царь не злой, только

⁶⁰ *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Яснополянские записки. М.: За-друга, 1922–1923. Вып. 1, 2. «Голос минувшего», 1923. «Яснополянский сборник», 1955; «Музей-усадьба Ясная Поляна»; «Лев Толстой. Материалы публикации». Тула, 1958.

колеблющийся, безвольный; что надо всей аристократии соединиться, и пусть будет конституция, хотя бы республика...

— Высокопоставленные ... ужасно легкомысленные, — сказал Николай Леонидович (Черкасский. — *В.Р.*).

Сергей Львович (Толстой. — *В.Р.*): „Сипягин какой был ограниченный, и Плеве тупой. А Витте не особенно выдающийся — только как одноглазый между слепыми“»⁶¹.

Приведённый пример записок Маковицкого лишь частично отражает круг тем, которые в ту пору были актуальными в беседах Толстого, его близких и гостей. Львом Николаевичем постоянно велась интеллектуальная работа по осмыслению политической ситуации в стране. «И я, и врач Душан Петрович Маковицкий, сопровождая по очереди Льва Николаевича в его верховых прогулках, знали, что не стоит беспокоить Льва Николаевича разговорами. Он отдыхал и по большей части ехал молча и задумчиво, но иногда сам начинал милый дружеский разговор, вспоминая, рассказывал о чем-нибудь или делился какой-нибудь занимавшей его мыслью. Неизменно восхищался природой; розовой пеленой гречишного поля, ястребом, парящим в небе, воркованием горлинки»⁶².

2 июня 1908 г. в своем дневнике Д. П. Маковицкий записал: «Л.Н. рассказал, как сегодня пролетели мимо него двое военных верхами, его взял задор, и он обогнал их и, очевидно, обидел, потому что потом, когда остановился, они перед самым носом лошади прошли. Л.Н. смущался, когда рассказывал про этот задор свой»⁶³.

А вот ещё один пример физической активности Толстого в 1908 г., когда ему было уже 80 лет. «Игра в городки в этот вечер не обошлась даром Льву Николаевичу; он чувствовал себя усталым и перед сном сказал Д. П. Маковицкому:

— Сегодня я чувствую такую усталость, как будто я уже старик и мне семьдесят лет...»

⁶¹ *Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. М., 1922. Кн. 1. Т. 1904–1905 гг. С. 330.*

⁶² *Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... М., 1978. С. 52.*

⁶³ *Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 3. С. 105.*

Глава III

ЮБИЛЕЙНОЕ УТРО ТОЛСТОГО

О Льве Николаевиче Толстом и Душане Петровиче Маковицком сохранились воспоминания Магомеда Эфендиева. Царскими колониальными властями летом 1907 г. по ложному обвинению в организации убийства он был выслан из Дагестана в Тульскую губернию под надзор полиции. Магомеду Эфендиеву было всего 16 лет. Вскоре после прибытия на место поселения он случайно познакомился с Толстым. Лев Николаевич заинтересовался судьбой юного дагестанца и поручил своему сыну Андрею Львовичу взять Магомеда на поруки и привезти в Ясную Поляну. Далее следуют воспоминания Магомеда Эфендиева:

«25 сентября 1907 г. городской голова Крапивны Юдин взял меня на станцию Щекино, где возле почтовой конторы мы случайно встретились с графом Львом Николаевичем Толстым и доктором Маковицким. Лев Николаевич почему-то обратил на меня внимание и задал мне несколько вопросов.

Дня через два после этой встречи сын Льва Николаевича Андрей Львович по поручению отца приехал в Крапивну, договорился обо мне в полиции, взял на поруки и повёз в Ясную Поляну...

За знакомством с обитателями Ясной Поляны, чтением книг и охотой проходили день за днем. Я всё больше и больше привыкал к семье Льва Николаевича и Ясной Поляне и ко всем людям, обслуживавшим ее.

Учебные занятия со мной проводила Татьяна Львовна, а после того, как она уехала в свое имение Кочеты, со мной занимался

доктор Душан Петрович Маковицкий. Он интересовался жизнью народов Дагестана, их бытом и нравами. Временами он давал мне советы по своей специальности. Я с интересом выслушивал их, и они оказались весьма полезными для сохранения здоровья.

Маковицкий был не только врачом, но и близким другом Льва Николаевича. У Маковицкого был хороший, мягкий характер. Он был умным человеком, преданным Льву Николаевичу Толстому. Несмотря на мой юношеский возраст, он относился ко мне как к равному себе, взрослому человеку»⁶⁴.

Случилось так, что Душану Петровичу Маковицкому и Магомеду Эфендиеву ранним утром 28 августа 1908 г. довелось одними из первых поздравить Льва Николаевича с 80-летним юбилеем. Вот как это было. Вспоминает Магомед Эфендиев:

«Проснувшись утром и быстро одевшись, я вышел на дорожку, спустился к пруду и умылся холодной водой. На свежем воздухе, чувствуя себя особенно бодро, я долго расхаживал по аллеям сада и встретил здесь доктора Душана Петровича Маковицкого. Он издали приветствовал меня, подняв свою любимую серую шляпу, а подойдя вплотную, крепко пожал мне руку.

— Хорошо, что ты рано выходишь на свежий воздух. Это очень полезно для здоровья...

...Гуляя вместе по саду, мы говорили на разные темы. Я был очень доволен этой прогулкой. Мне было очень приятно беседовать с доктором, который часто проводил со мной учебные занятия.

В этот момент мы увидели Льва Николаевича, который медленно шёл по аллее. Временами он останавливался и поднимал голову, рассматривая верхушки деревьев то с одной, то с другой стороны аллеи.

Вдруг Лев Николаевич посмотрел прямо в нашу сторону и, как видно, заметив нас, пошёл навстречу.

Я тихо спросил у Душана Петровича:

— Как нам поступить сейчас? Можно ли поздравить Льва Николаевича с днём рождения?

⁶⁴ Эфендиев М. Я знал Льва Толстого и его семью. Махачкала. 1964. С. 12.

— Нам, своим людям, здешним, можно в любом месте при встрече поздравить его, а посторонним, приедем положено сделать ему визит на дому.

Лев Николаевич обычно любил быть в уединении, поэтому, чтобы не тревожить его во время спокойной утренней прогулки, мы сразу не подошли к нему. Но увидев, что Лев Николаевич идет в нашу сторону, мы с доктором торопливо направились ему навстречу, чтобы облегчить его путь.

Несмотря на преклонный возраст, он держался прямо и медленно шёл по аллее...

Я заметил ласковый взгляд писателя, обращенный на доктора Маковицкого, которого Лев Николаевич очень любил. Подойдя поближе, мы с доктором приветствовали писателя.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ответил Лев Николаевич.

Потом мы по очереди поздравили его с днём рождения.

— Спасибо, спасибо, — сказал Лев Николаевич, окинув нас добрым взглядом.

— Пойду домой, устал очень, много ходил сегодня.

— В ваши годы много ходить не нужно, Лев Николаевич.

— Мне хочется отдохнуть, чтоб никто не тревожил, но семья...

Он, очевидно, что-то ещё имел в виду сказать о семье, но передумал. Круто повернувшись, он отошел от нас.

Мы шли поодаль от него, тихо разговаривая.

Дойдя до дома, он поднялся на ступеньки, оглянулся и, увидев нас близко, что-то хотел сказать. Но в это время со стороны дороги послышался топот лошадей, быстро мчавшихся к усадьбе. Лев Николаевич грустно опустил глаза и направился в комнаты.

Он уходил, и на лице его была заметна какая-то озабоченность, отчего — мне было непонятно. Душан Петрович взял меня под руку и, посмотрев на дверь, закрывшуюся за Толстым, сказал:

— Великая идея у него, для нас это непостижимо.

Мне был непонятен смысл слов, сказанных Маковицким. Я попросил разъяснить их.

— Сегодня, в день рождения Льва Николаевича, многие его друзья и знакомые, люди с мировой известностью, собираются

здесь чувствовать великого юбиляра. Но Лев Николаевич против всяких торжеств. Вот почему он сразу изменился в лице и ушел домой.

— Теперь мне понятно.

В этот момент ехавшие по дороге свернули с нее и двинулись шагом по аллее. Мы вышли из сада, чтобы посмотреть, кто прибыл так рано. И по кучеру, и по лошадям узнали, что гость не посторонний — в пролетке сидел Андрей Львович Толстой»⁶⁵.

⁶⁵ Эфендиев М. Я знал Льва Толстого... С. 34–35.

Глава IV

ЖИЗНЬ: БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Однажды в Ясной Поляне случился и забавный, курьезный эпизод, хотя его участникам в тот момент было не до смеха. 13 августа 1909 г. «Александра Львовна, Варвара Михайловна (Феофритова. — В.Р.), Н. Н. Ге и Душан Петрович были на конюшне и смотрели хромую „Вьюгу“. Туда явился какой-то странный полуинтеллигентный человек и спросил, чье это имение. Когда ему сказали, он стал просить работы и Душан Петрович послал его к управляющему. Мы все заподозрили, что это шпион.

Потом, когда мы уже сидели на балконе и играли со Львом Николаевичем в шахматы, и было уже почти темно, этот человек подошёл к балкону и произнес не без пафоса целый монолог о том, что хотел бы получить работу, но управляющий не счел его годным и т.д. и что он не хочет подачки. Лев Николаевич подошёл к нему и сказал, что ежедневно письменно и лично к нему обращаются десятки людей, и что нет никакой возможности удовлетворить все эти просьбы. Поэтому он просит простить его, но что ему подадут, как всем прохожим, а больше ничего сделать не могут.

В ответ на эти слова Льва Николаевича прохожий снова начал свой монолог, с аффектацией заявляя, что, кажется, имеет счастье беседовать с...

„Да, — перебил его Лев Николаевич, — со Львом Николаевичем“.

Он стал извиняться, а Лев Николаевич сказал, что если он действительно не хочет быть ему неприятен, то пусть лучше уйдет.

Прохожий ушёл, а Софья Андреевна вдогонку ему послала 12 копеек с Ленькой (сыном слуги Толстых И. В. Сидоркова),

которому он сказал, что найдут в саду его бездыханное тело. Софья Андреевна очень переполошилась и послала его искать, но его и след простыл.

Лев Николаевич долго не мог успокоиться, говорил, что жалок этот человек и как он сам в то же время чувствует себя виноватым, сидя тут в удобстве, а тот, может быть, голодный.

Вспоминая неприятное впечатление от этого прохожего, Лев Николаевич позже вечером сказал: „Когда начинается это красноречие — это хуже всего“⁶⁶.

Но как ни огорчительны были такие «мелочи жизни», Лев Николаевич сохранял завидный оптимизм. Вечером 19 июля 1909 г. он сказал Николаю Николаевичу Гусеву и Душану Петровичу Маковицкому:

«Работы-то у меня много, и это хорошо: валяешь подряд, а что не сделаешь, не успеешь сделать, стало быть не нужно»⁶⁷. Эти слова Толстого находят яркое подтверждение в реплике его друга Александра Борисовича Гольденвейзера, зафиксированной 2 сентября 1909 г.: «Завтра Лев Николаевич уезжает... Ему казалось, что дела так много, что ничего не успеешь сделать. Дела оказалось, впрочем, действительно много, так что помогли ему все. Надо было разобрать все его бумаги и отобрать всё, что поедет с ним и что останется. Потом — разобрать его денежные дела и разные книги в его комнате. Наконец, накопилось невероятное количество (за долгое время) писем с просьбами автографов, на которые обычно Лев Николаевич отвечал. Он сел, мы с Душаном Петровичем ему подавали, и он чуть не целый час на всех языках подписывал свою фамилию. Потом моя жена, Душан Петрович и я подписывали адреса, что было также порядочной работой»⁶⁸.

О странной тенденции Душана Петровича Маковицкого предупреждать посетителей Льва Николаевича, чтобы они не задавали ему вопросов, рассказывает поэт из народа Фёдор Поступаев:

⁶⁶ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 291–292.

⁶⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 4. С. 18.

⁶⁸ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 316.

«Помню, во время моих обращений к Толстому меня кто-то подергивал сзади за полу. Когда Лев Николаевич предложил идти наверх к чаю, я, отстав от него, спросил Гусева, не он ли меня дергал и почему.

„Так много нельзя говорить со Львом Николаевичем — без строгости в голосе пояснил мне Душан Петрович Маковицкий. — Его надо только слушать!“

Я высказал доктору, что тогда Льву Николаевичу будет скучно и неизвестно, понимает ли его мысли слушатель.

„Он всё понимает и без наших объяснений“ — возразил Душан Петрович»⁶⁹.

Маковицкий оставил нам не только запись встреч, бесед, высказываний Толстого, но и свои личные наблюдения облика, черт характера и образа жизни писателя. Вот лишь некоторые заметки Маковицкого о Толстом:

«У Льва Николаевича была прямая, бодрая не по летам осанка, окладистая борода, широкий нос и густые, нависшие над глазами, брови, удивительные по своей живости и пронизательности глаза.

Лев Николаевич шагал быстро, большими шагами, а ступал мягко.

Лев Николаевич, разговаривая, не морщился, не проявлял неудовольствия в лице и не жестикулировал руками. Головой чрезвычайно редко делал знак отрицания, медленно покачивая вправо и влево. Вообще он ничего не делал возбужденно, а во всем держал себя тихо, степенно.

В 1904–1908 годах у Льва Николаевича в кабинете были гири: пара по пуду с лишним и пара по 10–12 фунтов. Тяжелые он подарил шестнадцатилетнему внучатому племяннику Нагорному, а тот увёз их в имение своей матери в Чернском уезде. Другие до конца дней Льва Николаевича были у него в кабинете и теперь находятся в яснополянском доме.

Случалось, что Лев Николаевич записывал и диктовал лёжа, но не читал. И лежал только, когда был болен; когда же прихварывал, то превозмогал себя и занимался сидя.

⁶⁹ Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник. М. — Л., 1928. С. 239.

Лев Николаевич аккуратно проветривал себе комнаты (кабинет и спальню). Не забывал и не ленился вовремя уходить из залы, отворять или затворять форточку.

В деревне Ясной Поляне от „Кислого колодца“ на Красном переулке идет широкая лужа, все ее обходят, а Лев Николаевич, бывало, не утерпит, чтобы не перепрыгнуть.

Лев Николаевич был бережлив. Одежду донашивал, не бросал ветхой, свечу сжигал до конца. Любил опрятность, чистоту, но не щегольство, эlegantность. В нем было сильно чувство безгливости.

Лев Николаевич был аккуратный, трудолюбивый, трудоспособный. Он, как китайцы, праздников не признавал, каждый день работал.

Чему я чуть ли не больше всего удивлялся во Льве Николаевиче — это его постоянному усилию над собой. Он принуждал себя к работе, к прогулке, к тому, чтобы утром вовремя встать и днем не ложиться. В нем было в сильной мере развито пренебрежение своим покоем.

Каждый день жизни приносил Льву Николаевичу новые труды, новые заботы и вопросы. Все те, кто приходил к нему в тяжелом материальном или духовном положении, и кто писал ему в таком же состоянии, ставили перед ним задачу. Лев Николаевич часто видел, что помочь сейчас ничем нельзя, например, сыновьям — Льву, Андрею. И это было тяжело.

Лев Николаевич, где бы он ни был, везде вызывал радостное настроение...

Обычный тон Льва Николаевича был спокойный; в нем не слышалось ни огорчения, ни раздражения, ни недовольства, ни упрека, и в работе он был спокоен, не был ни суетлив, ни медлителен.

Я никогда не слышал в голосе Льва Николаевича заискивающего тона, если он просил кого о чем, например, Сергея Львовича, а тот не соглашался. В тоне его голоса слышна была просьба, желание, но никак не упрямивание, заискивание. Когда просил что-нибудь сделать, то обращался со словами „Сделайте милость“.

Лев Николаевич был проникновенен. Понимал, что творится в душе собеседника. Ему были открыты многие тайны.

Видеть и слышать Льва Николаевича — было больше, чем читать его сочинения.

Лев Николаевич говорил негромко, приятно, как-то ласкающе. Когда надо было усилить доводы, он усиливал доводы, но не голос.

Лев Николаевич старался говорить сжато, кратко, художественно, просто.

Лев Николаевич очень хорошо умел слушать, не пропускал без внимания ни смысла, ни выражений, ни жестов говорившего и запоминал слышанное.

Лев Николаевич рассказывал и читал вслух очень просто, но в высшей степени художественно, внешне сдержанно, но внутренне напряжённо. Большой поклонник и чуткий мастер русского языка, он страдал, слыша, как портили язык. Как в его писаниях, так и в разговорах был минимум формы и максимум содержания.

Во Льве Николаевиче было очень сильно чувство жизни всего живого и чувство природы. Он любил всякую перемену в природе — наступление осени, а особенно весны. Делился своими впечатлениями и наблюдениями со всеми окружающими. Его радовало разбухание почек на деревьях, развертывание их, колошение и наливание ржи т.д. Как начнет что-либо распускаться, он сорвет и принесет в дом — медунички, орешник и т.д. Любил собирать цветы, рвал их даже верхом, нагибаясь с лошади. Принесет букет, полюбуется его красотой и запахом, поставит к себе на письменный стол или в залу, иногда кому-либо подарит (в том числе и мне)...

Деньги, какие были в его распоряжении (получавшиеся от императорских театров за постановку его пьес), Лев Николаевич употреблял на помощь заключенным за отказ от воинской повинности и приходившим к нему за помощью.

Книги в последние годы редко покупал; последняя книга, какую он выписал, была сборник русских пословиц Иллюстрова.

Лев Николаевич иногда занимал у меня деньги, обыкновенно несколько рублей, когда по дороге или чаще перед домом просили у него на погрелое место, и ему в зимней одежде нужно было возвращаться домой навверх за нехватяющей суммой.

В тот же день или через несколько дней он всегда вспоминал, что должен, только иногда забывал, сколько. Раз спросил, не должен ли он мне. Я ответил, что нет, не желая его утруждать возвращением денег. Лев Николаевич, очевидно, усомнился и с того времени перестал обращаться ко мне за деньгами.

В мае 1917 г. бабуриная баба рассказывала мне: „Это было тринадцать лет тому назад... у нас в две недели три лошади пало. Граф приезжал к нам верхом. Свекору денег на две лошади дал“.

Об этом Лев Николаевич дома, вероятно, не говорил. Нередко случалось слышать рассказы о том, как Лев Николаевич той или другой вдове покупал корову в те годы, когда я жил в Ясной Поляне, а я об этом не знал.

Гости Льву Николаевичу были тяжелы, но он превозмогал себя и не показывал этого. Был с ними терпелив и ласков. Уезжающих гостей часто провожал вниз в вестибюль.

Я никогда не слышал, чтобы Лев Николаевич осуждал крестьян, когда Софья Андреевна, или Звегинцева, или я, или кто другой осуждал их.

Раз при Льве Николаевиче городской рабочий назвал меня „господин доктор“. Лев Николаевич ему ласково заметил: „Зачем вы его ругаете господином?“

Никто не пророк в своем отечестве. Семейные Льва Николаевича и яснополянские жители только в малой мере понимали, кто такое был Лев Толстой»⁷⁰.

Кроме перечисленных черт характера Толстого, о которых нам поведал Маковицкий, возьмем на себя смелость отметить еще одну черту духовного облика писателя — чувство юмора. Вот что вспоминает С. Н. Дурылин:

В октябре 1909 г. за обедом «речь заходит о лошадях. Александра Львовна подсмеивается над словаком Маковицким, который не понимает какого-то русского выражения, относящегося к верховой езде. А Лев Николаевич с хитрым видом произносит слово, которое никто не понимает: „ослепок“.

⁷⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 353–367.

И объясняет Маковицкому, что оно значит: „это общеизвестно“»⁷¹.

Не умолчим и о еще одном свойстве натуры Толстого — его пристрастии к верховой езде. Конные прогулки совершались им в любое время года и в любую погоду.

Д. П. Маковицкий передает в своем дневнике от 4 августа 1907 г. такой рассказ Толстого о его поездке к далеким оврагам, известным под названием Провалы: «Я нынче выехал 79-ти лет, приехал к Засеке — стало лет 70, потом чудная дорога, тишина, лес, солнце, Провалы — стало лет 40, я благодарил Бога. Потом — 13. Чудная прогулка. Это удовольствие верхом, смиренная лошадь, солнце, зелень, живой души не встретишь, круг — верст пятнадцать!»⁷²

О том, что верховая езда для Толстого была таким же привычным занятием, как и работа за письменным столом, можно судить по воспоминаниям художника А. В. Моравова. Ноябрь 1909 г. «После завтрака Л. Н. верхом на Делире (конь Л. Н.) в сопровождении Д. П. решил прогуляться. Мы все спустились на крыльцо, чтобы посмотреть, как отъедут наши всадники. Л. Н. подвели Делира, и он, взявшись за луку седла, по-молодецки сел на лошадь. Проехав несколько шагов и повернув её обратно к дому, остановился и стал с улыбкой смотреть, как садился на лошадь Д. П. Потом, расхохотавшись, сказал: „Вот нет у вас, Д. П., настоящей казацкой посадки“»⁷³.

Среди многих черт характера Толстого выделяется и его особенность всегда, при любых обстоятельствах оставаться самим собой. Об этом наглядно и очень эмоционально свидетельствует присяжный поверенный в Тульском окружном суде Б. О. Гольденблат.

16 января 1910 г. «Приходит ко мне курьер и говорит, что меня просит вниз какой-то мужичок, которого не пропускают

⁷¹ Примечание Дурылина С. Н.: «Увы, я не знаю, что означает это слово. В 1909 году я упустил записать объяснение Толстого, а теперь не могу вспомнить. Когда я развернул словарь Даля, то оказалось, что в нем нет слова „ослепок“ (примечание 1928 г.). Прометей. *Дурылин С. Н. У Толстого и о Толстом. С. 209.*

⁷² *Шифман А. И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983. С. 303.*

⁷³ *Л. Н. Толстой и художники. М., 1978. С. 344.*

наверх в залу заседаний. Почему ему нужно попасть на это заседание, какой это мужичок, и при чем я тут?

Неохотно, недовольный, спускаюсь с лестницы в переднюю и — обомлел... На нижней площадке в шубе, валенках, весь заиндевший стоит Лев Николаевич Толстой. Сам Лев Николаевич! Это тот мужичок, которого не пускают наверх. Ещё бы! Замажет ковры, испортит торжественный вид палатного заседания. А рядом с ним стоит со своей застенчивой милой улыбкой доктор Льва Николаевича Душан Петрович Маковицкий.

Идём наверх. Усаживаю Льва Николаевича и Маковицкого на скамье для публики. С быстротой электрической искры распространяется и в суде, и в городе весть о том, что Лев Николаевич в Туле, что он сидит в зале уголовного отделения суда. И потянулась толпа взглянуть на великого писателя земли русской, властителя дум и сердец русских.

После заседания Лев Николаевич побывал в комнате присяжных поверенных, где принял участие в шахматной игре.

Так не хотелось расставаться, так страстно хотелось продлить пребывание дорого гостя, но его верный и преданный друг Душан Петрович всё торопил с отъездом»⁷⁴.

На этом заседании выездной сессии Московской судебной палаты слушались: 1) дело крестьян деревни Юрьевки по обвинению в ограблении почты (и крестьяне, и почтальон были в нетрезвом состоянии. — *В.Р.*); 2) дело социалиста-революционера И. И. Афанасьева. В своем дневнике Толстой записал: по первому делу — «Адвокаты, судьи, солдаты, свидетели, все очень ново для меня»; по второму делу — «Обвинение за то, что он читал и распространял самоотверженно более справедливые и здравые мысли об устройстве жизни, чем то, которое существует. Очень жалко его»⁷⁵.

Благодаря присутствию Толстого были вынесены по первому делу — оправдательный приговор, а по второму — сравнительно мягкий.

⁷⁴ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 640.

⁷⁵ Толстой Л. Н. Полное... Дневники и записные книжки 1910 года. М., 1935. С. 9.

9 августа 1909 г. из Берлина получено письмо от концертного объединения Ж. Закс, устраивавшего в Германии доклады выдающихся деятелей, с предложением повторить в Германии доклад, приготовленный для конгресса мира, с гонораром на благотворительные цели по 5000 франков за каждое выступление, всего 10 выступлений.

11 августа на предложение концертного объединения Ж. Закс Душан Петрович Маковицкий по поручению Толстого отвечает, что сам Лев Николаевич Толстой приехать не может, но попросит одного из своих друзей приехать в Берлин и прочесть его доклад. Рукопись доклада для перевода на немецкий язык была отослана Альберту Шкарвану⁷⁶.

«3 апреля 1910 г. Лев Николаевич зашёл в комнату Душана справиться о каком-то молодом человеке, бывшем у него сегодня утром и не принятом им по нездоровью.

„Он у меня на совести“, — говорил Лев Николаевич. По словам Душана, это был обычный „проситель“. И Душан удовлетворил его»⁷⁷.

«30 апреля 1910 г. во время обеда пришел пожилой мужчина серьёзного вида, который заявил, что ему нужно поговорить с Львом Николаевичем. Посетитель оказался ненормальным человеком и необыкновенным оратором. В фонограф он очень охотно согласился говорить и говорил не менее чем полчаса безостановочно, без малейшей запинки. Лев Николаевич сначала смеялся, а потом стал останавливать оратора. Но это оказалось не так-то легко: окончив говорить в фонограф, посетитель остался на террасе и никому не давал слова сказать. Наконец Душану удалось выдумать прекрасный способ удалить его: он предложил оратору поесть, и тот охотно отправился за ним на кухню. Потом Душан проводил его и из усадьбы»⁷⁸.

«1 мая 1910 г. Душан, я и Лев Николаевич готовились к отъезду в Кочеты, который Лев Николаевич окончательно назначил на завтра. Лев Николаевич сам собирал и уклады-

⁷⁶ Гусев Н. Н. Летопись... С. 707.

⁷⁷ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... С. 130–131.

⁷⁸ Там же. С. 188–189.

вал свои бумаги. На следующий день на одной станции Лев Николаевич захотел выпить чаю и задержался в буфете после второго звонка. Я пошел поторопить его. Он вышел, а стакан с чаем Душан взял в вагон. Заметив нашу торопливость, обер-кондуктор любезно произнёс: „Ничего-с, я подожду“ (давать третий звонок. — В.Р.).

Но вот и Орел. Нужно пересаживаться в другой поезд, которого ждать около часа. Вещи вынесли в вокзал. В отдельной комнатке при буфете 1 и 2 классов Душан стал разогревать Льву Николаевичу овсянку»⁷⁹.

С некоторыми жанровыми подробностями Валентин Фёдорович Булгаков описывает и возвращение Льва Николаевича и остальных визитеров в Ясную Поляну:

20 мая — «сегодня после завтрака мы выехали из Кочетов домой. Выехали в пяти экипажах. Лев Николаевич и провожающая его Татьяна Львовна, Чертков. Тапсель с фотографическими аппаратами, я и Душан и, наконец, вещи. Совершенно какой-то царский поезд.

...Поехали во втором классе. Это — „интрига“ В. Г. Черткова. У нас с Душаном билеты третьего класса, но мы всё время толклись около Льва Николаевича, который ехал в отдельном купе второго класса»⁸⁰.

Как подметил Д. П. Маковицкий, Толстого занимали не только «высшие материи». В быту граф был обыкновенным человеком, не чуждавшимся так называемой прозы жизни. Вот запись В. Ф. Булгакова от 5 мая 1910 г.:

«Сегодня я узнал, что Лев Николаевич по утрам сам выносит из своей комнаты ведро с грязной водой и нечистотами и выливает в помойную яму. В пальто, в шляпе, прямой, с задумчиво устремленным вниз взглядом, он быстро шёл мимо нашей с Душаном комнаты, неся большое наполненное ведро... Лев Николаевич, как сказал Душан, делает это и летом, и зимой»⁸¹.

⁷⁹ Там же. С. 195.

⁸⁰ Там же. С. 219, 225.

⁸¹ Там же. С. 203.

Но, конечно, не быт определял содержание жизни в ясно-полянском доме. «Духовной жаждою томимы», его обитатели в тогдашней провинции интересовались высоконравственными проблемами.

«13 мая 1910 г. Перед обедом. Сумерки. Мы с Душаном вдвоём в нашей комнате. „От чего зависит стремление к совершенству?“ — говорит Душан. Обменялись мнениями. Пришли к такому заключению, что стремление это даёт удовлетворение.

Как раз вошёл Лев Николаевич. Я рассказал ему о вопросе Душана. Лев Николаевич выразился приблизительно в том смысле, что стремление к совершенству даёт благо человеку, которого он ищет. Благо это не может быть отнято у человека и ничем не нарушаемо.

„В этой области проявляется полное могущество человека, — говорил Лев Николаевич, — ничто не может помешать ему в стремлении к совершенству. Страх смерти — это суеверие. Спросите меня, восьмидесятилетнего старика. Нужно удерживать себя, чтобы не желать смерти. Смерть не зло, а одно из необходимых условий жизни. И вообще зла нет. Говорят, что туберкулёз — зло, но туберкулёз не зло, а туберкулёз. Все зависит от отношения к вещам. Злые поступки? Ну. Предположим, что я скажу недоброе. А завтра раскаюсь и уже не сделаю — зло опять переходит в добро“»⁸².

«12 июня Лев Николаевич наконец собрался в гости к В. Г. Черткову. Сопровождали его: Александра Львовна, Душан Петрович, слуга Илья Васильевич и я. Решили в поезд садиться в Туле, а до Тулы ехать на лошадях. Чудное утро. Проезжаем мимо Тульской тюрьмы.

„Вот здесь сидел Гусев“», — говорит Душан Петрович.

«Вспомнили, что и ещё кое-кто из „толстовцев“ сиживал в этом огромном белом с мрачными окнами здании, и тюрьма показалась „своей, близкой“»⁸³.

Во время своего пребывания в Тульской тюрьме Н. Н. Гусев получил письмо от Душана Петровича Маковицкого. Вот как

⁸² Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... С. 214–215.

⁸³ Там же. С. 212.

об этом позднее вспоминал сам Николай Николаевич: «4 ноября, на восьмой день моего сидения в тюрьме, я получил письмо от яснополянского врача Д. П. Маковицкого, в котором он писал мне:

„Дорогой друг! Если у тебя есть возможность, напиши о себе Льву Николаевичу. Твоя участь близка его сердцу. Очень грустно ему за тебя.

Мне не так. Я больше жалею Льва Николаевича, что страдает за тебя и лишён твоей столь нужной ему помощи, чем тебя. Жалею же тебя больше из-за внешней обстановки, не зависящей от тебя... Из-за твоего душевного состояния не беспокоюсь. Везде бог, везде жизнь. Надеюсь, что ты теперь его яснее сознаешь, чем раньше.

Уже десять дней, как тебя у нас не бывает. В это время было как-то тихо и торжественно. Желал бы повидать тебя. Если санный путь установится, надеюсь в скором времени заехать к тебе.

31 октября 1907 г. Душан П. Маковицкий»⁸⁴.

Случилось так, что и Душан Петрович Маковицкий через девять лет станет узником Тульской тюрьмы. Но об этом — далее. А сейчас вернёмся к отдельным штрихам из воспоминаний Александра Борисовича Гольденвейзера. Речь идёт о последних месяцах жизни писателя.

25 июня 1910 г. «Перед чаем все сошлись, кроме Софьи Андреевны. Л.Н. сказал:

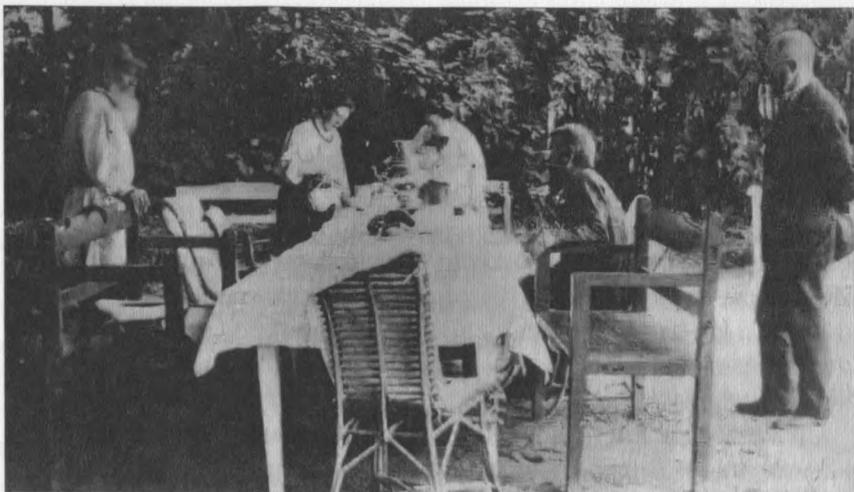
„Ну, Душан Петрович, давайте вокруг стола бегать наперегонки и Мария Александровна (Шмидт. — *В.Р.*) тоже“.

„Этот номер не пройдёт“, — ответил Душан Петрович.

У Чертковых в Мещерском была наружная лестница... по которой поднимались во второй этаж, когда Анна Константиновна спала, чтобы не будить ее. Илья Васильевич (Сидорков, служивший у Толстых с 1893 г. — *В.Р.*) хвалился, что он влез по этой лестнице даже с полным стаканом горячего чая. Раз Л.Н. вздумал тоже полезть, но Илья Васильевич сказал ему: „Нет, Лев Николаевич, этот номер не пройдёт“⁸⁵.

⁸⁴ Гусев Н.Н. Два года... С. 40.

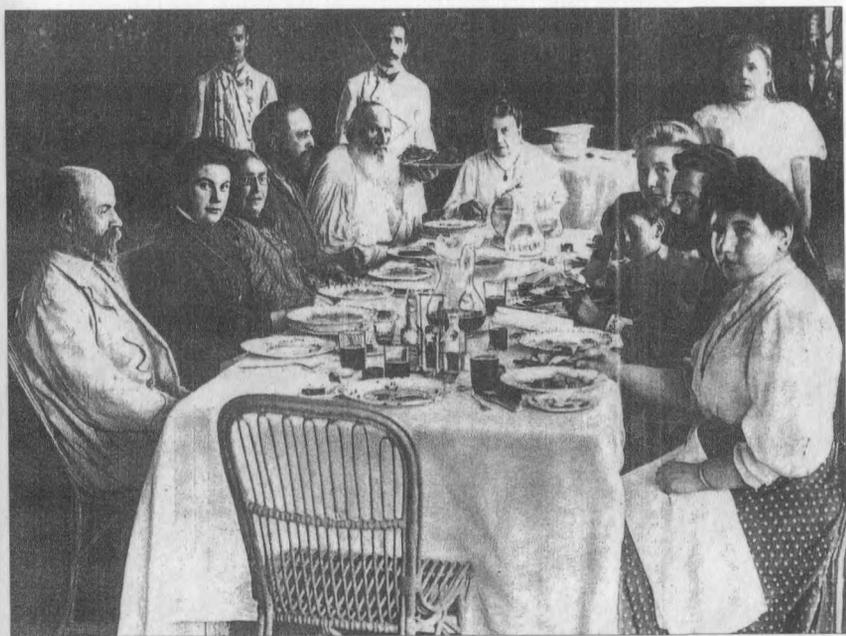
⁸⁵ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. М., 2002. С. 338.

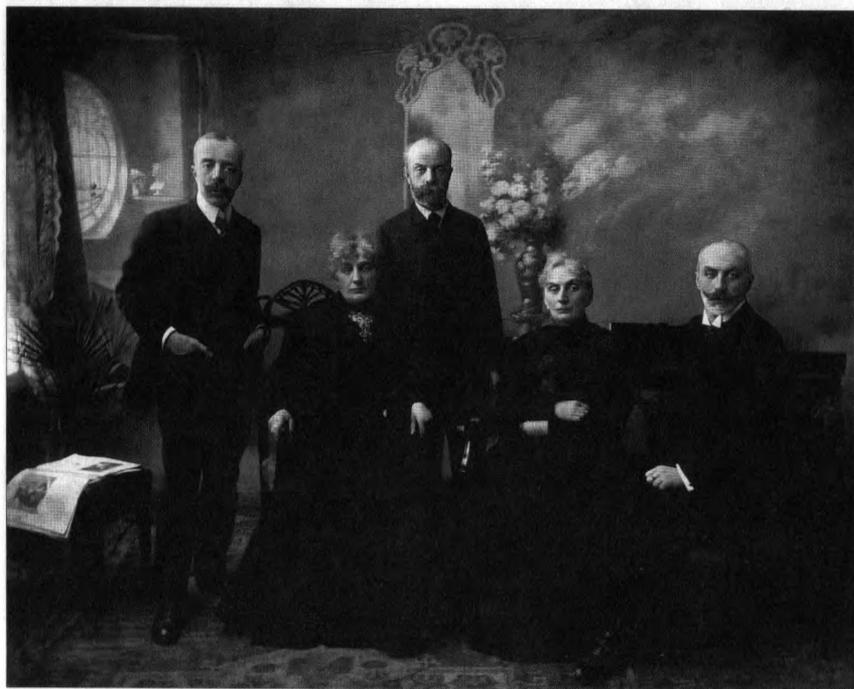
*Л. Н. Толстой, П. И. Бирюков, Ю. И. Игумнова, Д. П. Маковицкий,
А. Л. Толстая. 3–4 июня 1905 г. Фото В. Г. Черткова*

*Л. Н. Толстой, С. А. Толстая, Д. П. Маковицкий и крестьянские
мальчики у «Дерева бедных». Ясная Поляна, 16 апреля 1908 г.
Фото А. Л. Толстой*

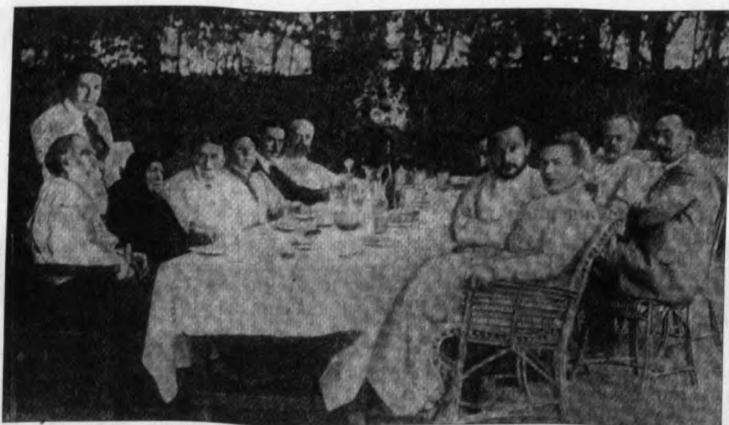
*Л. Н. Толстой в кругу родных и близких.
Слева — Д. П. Маковицкий. 1908 г. Фото К. К. Буллы*

Д. П. Маковицкий с братьями и сёстрами. Ружомберок, 1908 г.

Л. Н. Толстой в Кре́кшине. Справа — Д. П. Маковицкий

*Толстой в кругу родных, близких и знакомых.
Слева направо: Л. Н. Толстой, А. Л. Толстая, М. Н. Толстая,
С. А. Толстая, В. М. Феокритова, Д. А. Кузминский,
Д. П. Маковицкий, И. И. Горбунов-Посадов, С. Н. Семёнов,
А. В. Цингер, В. А. Маклаков, Т. Л. Сухотина.
Ясная Поляна, 28 августа 1909 г. Фото Ф. Т. Протасевича*

*Дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне (вид со стороны сада). 1909 г.
Фото В. Ф. Булгакова*

31 декабря 1909 г. «...вечером собрались родственники и друзья. Но праздничного оживления не было. Шампанское, настроение невесёлое. Л.Н. серьёзен и один. Весьма вероятно, размышлял о совсем близком большом путешествии, в конце которого он, как недавно брат Сергей и дочь Маша, присоединится к большинству человечества (to join to majority), о переходе-переезде в другую, новую жизнь, об „освобождении“. Но так как живой живое и думает, то в первый день нового года, ставшего его последним, Толстой после обеда отправился верхом в Овсянниково. Толстой и в феврале чувствовал себя хорошо. Был бодр и деятелен. Казалось, помолодел»⁸⁶.

Приведем еще два восторженных отзыва Маковицкого о самочувствии Толстого.

28 апреля 1910 г.: «Какой он энергичный! Как он заставляет себя делать то, что нужно ему в телесном и умственном отношении, и как он не любит утруждать других. Он удивительно тренировал себя. Заставляет себя гулять, умственно работать когда устал, заставляет себя кончать работу; не щадит себя».

24 сентября: «Как ездит Л.Н. верхом! Какими кручами спускается и по каким взбирается наверх, какие проезжает опасные места, полугнилые мосты, окраины круч. Сегодня мы пробирались через густой молодой лес. Низко нависших ветвей он не объезжал, а только нагибается под ними. Как он ездит, и вскачь и рысью ездит. Я лёгок, люблю ездить и много занимаюсь гимнастикой, но мне, 43-летнему, проделать то, что проделывает 82-летний Л.Н., трудно. Я не поспеваю за ним.

*И. В. Сидорков,
слуга Л. Н. Толстого*

⁸⁶ Зверев А. М., Туниманов В. Д. Лев Толстой. М., 2006. С. 678.

Моя лошадь чуть не ломает шею себе и мне. Какой ездок должен быть Л.Н.»⁸⁷.

И окрестные крестьяне удивлялись Льву Николаевичу: «Как он верхом ездил! Молодой против него не пройдёт»⁸⁸.

* 15 августа 1910 г. «Завтра Лев Николаевич, Александра Львовна, Софья Андреевна, Татьяна Львовна и Душан Петрович уезжают в Кочеты... Я неожиданно заболел ревматической лихорадкой... Вечером посетил меня Душан, который привёз из Ясной поклон „от всех“: Льва Николаевича, Софьи Андреевны, Татьяны Львовны, Александры Львовны и Варвары Михайловны Феокритовой»⁸⁹.

27 сентября 1910 г. «Говорили о португальской революции. Я сказал, что новое правительство Португалии издало указ об отделении церкви от государства. Лев Николаевич вспомнил прочитанную им в газетах заметку, что в Португалии запрещено священникам показываться в духовном одеянии. „Это в связи с отделением от церкви, конечно, — заметил он и добавил: — это хорошо, не будут отделяться“. Душан сказал, что в Испании либералы борются со священниками потому, что вера их нетверда и священники ещё нужны им. „Нет, — возразил Лев Николаевич, — я думаю, они стремятся освободить народ от влияния духовенства, и в этом их большая заслуга“»⁹⁰.

30 сентября 1910 г. «Был Беленький, который рассказал, что на Брюссельской всемирной выставке устроено было, между прочим, „шествие мудрецов“. Мудрецов изображали загримированные и одетые в соответствующие костюмы люди. Среди них были Конфуций, Будда, был и Толстой. Изображавшие знали учения изображаемых и отвечали на вопросы.

„Знамение времени, — сказал Душан, — обращают внимание на религию“.

„Ну — возразил Лев Николаевич, — напротив, из религии делают комедию“»⁹¹.

⁸⁷ Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 21.

⁸⁸ Зверев А. М., Туниманов В. Д. Лев Толстой. М., 2006. С. 678.

⁸⁹ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... С. 319–320.

⁹⁰ Там же. С. 351.

⁹¹ Там же. С. 360.

Глава V

ТОЛСТОЙ О ЛИТЕРАТУРЕ В ИЗЛОЖЕНИИ МАКОВИЦКОГО

Особый интерес представляют записанные Маковицким высказывания писателя Л. Н. Толстого о поэтах, писателях и драматургах, о литературных произведениях.

31 сентября 1904 г. Маковицкий в своём дневнике записал слова Льва Николаевича: «Я люблю вслух читать сочинения, о которых хочу составить себе представление, какое впечатление они произведут на других. Переношусь в слушателей, замечаю, ясно ли им, следят ли они, не скучно ли им»⁹².

Днём позже, 1 сентября 1904 г., Маковицкий записал: «Сегодня вечером Лев Николаевич прочёл вслух два отрывка из „Записок из Мёртвого дома“ Достоевского: „Орёл“ и „Смерть в госпитале“, которые он решил поместить в „Круг чтения“. Видно было, что они глубоко трогают его. Лев Николаевич читает так, что и не подумаешь, что он читает, кажется, что он рассказывает. Интонация удивительная»⁹³.

К творчеству Достоевского у Льва Николаевича было особое отношение. О том, что образ старца Зосимы, выведенный Достоевским, глубоко трогал Толстого, узнаём из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого.

В записи от 7–8 апреля 1905 г. он рассказывает, что в поисках художественного материала для сборника «Круг чтения»

⁹² Гусев Н. Н. Два года... С. 321.

⁹³ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М. Т. 2. С. 171.

Толстой перечитал из «Братьев Карамазовых» главы о Зосиме. Вечером писатель прочитал вслух домашним из «Жития» Зосимы рассказ о поединке. «То место, — рассказывает Маковицкий, — когда офицер ударил деньщика, Лев Николаевич прочитал внятно, а читая о том, как офицер раскаивался в своем поступке и просил у деньщика прощения, Лев Николаевич рыдал и глотал слезы. Окончив чтение, Лев Николаевич казался растроганным; лицо в морщинах, вид усталый, он сидел, погруженный в свои мысли, и молчал»⁹⁴.

В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого есть две записи о чтении отрывков из «Записок из Мёртвого дома» Достоевского в марте и сентябре 1907 г. Первая запись от 5 марта представляет собой вставку на отдельном листе, сделанную рукой Маковицкого, с пометкой «5 марта 1907 г.» и находится в экземпляре «Записок», над которым работал Н. Н. Гусев.

Вторая запись сделана Маковицким 28 сентября во время посещения Репиным Ясной Поляны.

«Лев Николаевич опять сел, но потом, вспомнив своё обещание Илье Ефимовичу читать вслух (Илья Ефимович говорил, что, когда Лев Николаевич читает, он весь входит в читаемое, а когда другие читают, он думает об ином), пошёл в свою комнату за „Кругом чтения“ и прочёл Достоевского „Смерть в госпитале“ и „Орел“».

Отметим, что Илья Ефимович Репин всё же проигнорировал замечание даже такой авторитетной личности, как Лев Николаевич Толстой, и не стал вносить какие-либо изменения в написанный портрет. Художник психологически верно выразил главную черту духовного облика Маковицкого — сосредоточенность и решимость полностью посвятить себя подробному изложению высказываний писателя, отражению в «Яснополянских записках» всего уклада жизни Толстого. Написание портрета Душана Петровича Маковицкого стало творческой удачей Ильи Ефимовича Репина.

⁹⁴ Яснополянский, сборник. Тула, 1960. Гусев Н. Н. «Толстой и Достоевский». С. 149.

Д. П. Маковицкий. Рисунок (итальянский карандаш) И. Е. Репина с автографической надписью художника:

«1907. 28 сент. Ясная Поляна».

«... Когда <Репин писал меня>, вошел Л. Н., подошел к Илье Ефимовичу, посмотрел портрет, сказал: „Глаза ему сердитые написали. Смягчите“». — Запись от 28 сентября 1907 г.

О чтении Толстым отрывков из книги Достоевского находим записи Гусева и Маковицкого, сделанные в 1909 г. Вот одна из них: «Вечером за круглым столом Л.Н. прочел вслух из „Круга чтения“ конец „Орла“ — „Хорошо, чудесно! Достоевский — серьёзный писатель“»⁹⁵.

26 декабря 1904 г. Душан Петрович записал: «Читая свою биографию, составленную П. И. Бирюковым, Лев Николаевич сказал, что ему хотелось бы описать свою жизнь художественно»⁹⁶.

6 марта 1905 г. Д. П. Маковицкий записал отзыв Толстого о Сенкевиче: «Его исторические романы очень плохи»⁹⁷.

Запись в дневнике Д. П. Маковицкого 1 апреля 1905 г.: «Л.Н. говорил о недельных чтениях „Круга чтения“: „Как трудно найти хорошее. У Диккенса всё не нашел. У Мопассана есть много хорошего, но одно „Одиночество“ совсем хорошее“»⁹⁸.

А 8 июня 1905 г. в дневнике Маковицкого появилась запись слов Толстого: «Диккенс неподражаем для нашего брата. У него всегда образность, юмор...»⁹⁹ Ранее, 9 февраля 1905 г., Маковицкий записал высказывание Толстого: «Колечка Ге (художник Николай Николаевич Ге. — В.Р.) верно сказал: „Критики — это глупые, рассуждающие об умных“. Диккенс — гений, которые родятся раз в сто лет, а критик его давно забыт»¹⁰⁰.

29 октября 1905 г. Д. П. Маковицкий занёс в своем дневнике весьма существенное, можно сказать, программное высказывание Толстого: «Л.Н. сказал, что читал Фонвизина и прибавил: „Как Герцен прав, отзываясь с таким уважением о декабристах. Как они относились к народу! Они, как и мы (Л.Н. упомянул

⁹⁵ Яснополянский сборник. Тула, 1974. Покровская И. А. «Материалы о Достоевском в архиве Толстого». С. 85.

⁹⁶ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 1. С. 112.

⁹⁷ Там же. С. 202.

⁹⁸ Там же. С. 230.

⁹⁹ Там же. С. 307.

¹⁰⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 184.

и Кропоткина), через няnek, кучеров, охотников полюбили народ... У французов этого чувства к народу — связи сердечной с прислугой, с народом — нет... Англичане, когда пишут о народе, передают язык народа исковерканным; то же самое у французов. У немцев народу надо учиться литературному языку, а не литераторам у народа его языку. А мы все учимся у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин — до Пушкина, Гоголя, — и даже о Чехове можно это сказать, да и я»¹⁰¹.

24 января 1905 г. «Опять был разговор о декабристах — о том, как Жуковский и другие люди его круга ругали декабристов извергами, делая им всякие неприятности. „Их обращение к Николаю, — сказал Лев Николаевич, — было куда смелее и достойнее адреса теперешнего московского дворянства. Это были люди все на подбор — как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул. Мужичьего слоя магнит этот не дотрагивался“»¹⁰².

20 ноября 1905 г. запись в дневнике Д. П. Маковицкого слов Толстого: «У Глеба Успенского, которого я невысоко ставлю, есть одна хорошая повесть — „Власть земли“ — о том, что земля имеет свойство формировать работающего на ней»¹⁰³.

23 июня 1905 г. Маковицкий в своём дневнике записал слова Толстого о Киплинге: «Л. Н. рассказывал, какие нелепости он пишет»¹⁰⁴.

Разговор о Пушкине и Мериме. На замечание (по записи Д. П. Маковицкого) одного из гостей, что Пушкин подражал Мериме, Толстой возразил: «Пушкин выше его. У Мериме хорош один рассказ „Кармен“»¹⁰⁵. Душан Петрович Маковицкий отметил в «Яснополянских записках»: «Лев Николаевич говорил про Пушкина, что чем старше он становится, тем выше его ставит»¹⁰⁶.

¹⁰¹ Гусев Н. Н. Летопись... С. 530.

¹⁰² Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 180.

¹⁰³ Гусев Н. Н. Летопись... С. 533.

¹⁰⁴ Там же. С. 518.

¹⁰⁵ Там же. С. 521–522.

¹⁰⁶ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М. Т. 1. С. 33.

Отзыв в разговоре о Щедрина: «Верное средство наскучить — всё договаривать до конца. Про Щедрина это вполне можно сказать. Он всегда всё договаривал до конца. Я никогда не мог читать его»¹⁰⁷.

24 февраля 1906 г. Маковицкий записал слова Толстого: «Я всё хотел написать русского Робинзона: такую описать обшину, которая бы переезжала из Тамбовской губернии через степи к границам Китая... Это было бы интересно для детей, чтобы они знали происхождение каждой вещи, которой они пользуются». «„Лучшей книгой для детей“ Т. называет „Робинзона Крузо“ Д. Дефо»¹⁰⁸.

29 августа 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает: «Л.Н. прочёл вслух рассказ Герцена „Повреждённый“ и восхищался им. «В мыслях „повреждённого“, — сказал Л.Н., — Герцен высказывает свои мысли, которые он не берет на себя, чтобы прямо высказывать, а это так можно подать неожиданно, смело... Герцен поэтическая натура и философская»¹⁰⁹.

«Как-то, говоря о Герцене, Лев Николаевич выразил удивление, что Герцен, зная с детства евангелие, мог увлечься и быть под таким влиянием запутанной, неясной схоластической философии Гегеля. Душан Петрович, слышавший этот разговор, заключал из него, что Лев Николаевич стал отрицательно относиться к Герцену, и так как он всё записывает, переспросил в другой раз об этом Льва Николаевича.

Лев Николаевич сказал, что это не так. Особенно ценит Лев Николаевич в Герцене его понимание русского народа... „Герцен как бы совершил этот круг: начал с увлечения западной философией Гегеля и западноевропейскими революционными теориями, а в конце концов обратился к общинному складу жизни русского народа и в нём увидел спасение. Я думаю, что для России большое несчастье, что Герцен не жил здесь и что писания его проходили мимо русского общества. Если бы он жил в России, его влияние, я ду-

¹⁰⁷ Гусев Н.Н. Летопись... С. 706.

¹⁰⁸ Там же. С. 547–548.

¹⁰⁹ Там же. С. 523.

маю, спасло бы нашу революционную молодёжь от многих ошибок»¹¹⁰.

Из всех писателей, русских и зарубежных, в этот период занимали больше всего двое: А. П. Чехов и А. И. Герцен. Чехов — преимущественно как художник, Герцен — главным образом как мыслитель. Лишь в этих двух случаях число упоминаний, отзывов сопоставимо.

Именно Чехов, которому и о котором при его жизни Толстой говорил и ласковые и резкие слова... глубоко и особенно его волновал. 26 апреля 1905 г. Маковицкий записал примечательные слова Толстого: «Чехов был огромный талант, у него было большое воображение, у него было богатство образов, как ни у кого».

Добросовестный труд Д. П. Маковицкого сохранил для нас неизвестные по другим источникам (статьям, дневникам и письмам Толстого) суждения о Чехове.

29 марта 1907 г. Толстой читал вслух «Попрыгунью». Маковицкий записал: «...две трети читал он: так живо, я воображал себе всю историю так, как если бы происходила у меня на глазах. Л. Н. устал, последнюю треть читала Татьяна Львовна».

Лишь Маковицкий отмечен сравнительно благожелательный отзыв о пьесах Чехова.

Именно Маковицкий записал 25 марта 1908 г. замечательное признание Толстого о Чехове: «Я не знал, что он меня так любил». Тогда в «Новом времени» появился отрывок из чеховского письма 28 января 1900 г.: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не любил так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех».

¹¹⁰ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. С. 190–191.

Толстой снова и снова читал, перечитывал произведения Чехова, видел в них новую красоту и говорил о ней. Кажется, в эти трудные годы один Чехов мог рассмешить сурового старца.

К счастью для нас, в Ясной Поляне в эти годы жил человек, внимательно слушавший и добросовестно всё отмечавший. Невольно вспоминается, что именно Чехов с горечью говорил М. Горькому: «Вот за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и — наврут».

В последние шесть лет жизни Толстого, уже после смерти Чехова, благодаря Душану Петровичу Маковицкому этого не случилось¹¹¹.

Две записи на литературную тему появились в дневнике Маковицкого в один день — 22 октября 1906 г.: «Толстой отозвался о В. А. Соллогубе: „Необыкновенный человек, даровитый, блестящий“». О рассказе Чехова «Предложение» Л. Н. сказал так: «Обусловленный коллизм, нет в нем французской бессмысленной неожиданности»¹¹².

Известно, что у Л. Н. Толстого были очень непростые отношения с И. С. Тургеневым. Тем более отрадно отметить, что через многие годы после кончины Тургенева Лев Николаевич сделал шаг к примирению, помянув Тургенева добрым словом. Вот что записал Маковицкий в своем дневнике 7 сентября 1907 г.: «А. Б. Гольденвейзер спросил Л. Н-ча о ссоре, которая произошла между ним и Тургеневым. Л. Н. не отвечал, как будто ему не хотелось вспоминать об этом. Потом сказал: „Тургенева с любовью вспоминаю“»¹¹³.

Лев Николаевич рассказывал, что Тургенев, восхищаясь описанием смерти Ленского в «Онегине», говорил, что удивительная рифма «ранен, странен» как бы predetermined.

¹¹¹ Яснополянский сборник. Тула, 1988. Калугина М. Л. «Л. Н. Толстой об А. П. Чехове». С. 115.

¹¹² Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 2. С. 279.

¹¹³ Там же. Кн. 2. С. 506.

2 августа 1906 г. Толстой читал книгу Д. И. Менделеева «К познанию России» (СПб., 1906). В тот же день Маковицкий записал слова Толстого об этой книжке: «Данные интересны, но рассуждения плохи». А 24 августа Лев Николаевич в своём дневнике записал: «Прочёл у Менделеева, что назначение, идеал человека — размножение. Ужасно нелепо. Вот глупость (не свойство, а поступок слова) — последствие самоуверенности»¹¹⁴.

8 сентября 1905 г. «Читал вслух „Поединок“ Куприна... Я заметил, что неверно у Куприна поклонение статуе аллаха: у магометан нет статуй. Лев Николаевич возразил:

„Черемисы — идолопоклонники, а у них один язык с татарами“»¹¹⁵.

7 сентября 1907 г. «Получилась телеграмма от Леонида Андреева с просьбой разрешить приехать. По этому поводу Л. Н. сказал:

„Как ужасно портит незаслуженная слава, вот как слава Андреева!“

Потом Л. Н. всё не мог составить ответной телеграммы.

„Как ответить? «Приезжайте»... Как-то слишком коротко. «Очень рад буду видеть» — не совсем правда. Ну, Душан Петрович, напишите просто: «Милости просим»“»¹¹⁶.

Любопытно, что Толстой, обычно детально разбиравший произведения Андреева, «Жизнь Василия Фивейского» оценил сдержанно и лаконично. По свидетельству Д. П. Маковицкого, в день приезда в Ясную Поляну корреспондента Г. Вильямса за обедом и после обеда беседовали о литературе. Говорили про «Жизнь Фивейского» Андреева. Лев Николаевич сказал: «Искусственное». Возможно, Толстой, говоря о повести, имел в виду её очевидную «литературность», противником которой он был¹¹⁷.

¹¹⁴ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого... С. 426.

¹¹⁵ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 190.

¹¹⁶ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого... С. 168.

¹¹⁷ Николаев П. В. Лев Толстой и Леонид Андреев: творческие взаимоотношения // Яснополянский сборник. Тула, 1992. С. 129.

По воспоминаниям Д. П. Маковицкого, 26 сентября 1907 г. Толстой читал рассказ Куприна «Ночная смена» с большим удовольствием, много смеялся, а за ним и другие, особенно Илья Ефимович Репин¹¹⁸. О рассказе «Allez» Толстой сказал: «Как все у него сжато. И прекрасно. И как он не забывает, что и мостовая блестела и все подробности. А главное, как это наглядно сдёрнута вся фальшивая позолота цивилизации и ложного христианства»¹¹⁹. Маковицкий в своём дневнике 8 сентября 1908 г. записал слова Толстого: «У французов теперь нет больших писателей. Анатоль Франс меня пленил своим „Кренкебилем“; потом читал другие вещи — слабо»¹²⁰.

3 сентября 1909 г. «Отъезд из Ясной Поляны к В. Г. Черткову в имение Пашковых Крекино Московской губ., в 36 км от Москвы. Во время поездки на станцию — кинематографическая съёмка. Т. сопровождают А. Л. Толстая, Д. П. Маковицкий и И. В. Сидорков. Дорогой Т. декламирует первую строфу стихотворения Фета „Осенняя роза“, находя, что в последнем стихе „дыханьем ночи обожгло“ применен „совсем тютчевский приём“. „Как смело, и в трех словах вся картина“»¹²¹.

12 мая 1910 г. «Вечером Душан познакомил его (Толстого. — В.Р.) с только что полученными (в виде газеты) листами дешёвого французского издания для народа классических произведений всемирной литературы. Лев Николаевич очень заинтересовался им и сочувственно к нему отнесся, выразив мнение, что то же следовало бы издавать и в России»¹²².

27 января 1905 г. Д. П. Маковицкий записал, что Толстой хвалил книгу английского поэта и публициста Эдуарда Карпентера «Цивилизация, ее причины и излечение». Её автора Лев Николаевич назвал смелым мыслителем¹²³.

¹¹⁸ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 2. С. 518.

¹¹⁹ *Гусев Н. Н.* Два года... С. 379.

¹²⁰ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 32. С. 197.

¹²¹ *Гусев Н. Н.* Летопись... С. 711.

¹²² *Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой... С. 213.

¹²³ *Николаева Т. А.* Л. Н. Толстой — читатель Эдуарда Карпентера // Яснополянский сборник. Тула, 1976. С. 192–193.

В начале июня 1909 г. Толстой читал сказки А. Франса «Семь жен Синей Бороды и другие чудесные рассказы». Д. П. Маковицкий в своем дневнике отметил, что Толстой назвал книжку «глупой». «Сперва живо, интересно, к концу скучно». Однако некоторые из них, «больше понравившиеся», Толстой прочёл вслух своим домашним. Книжка эта сохранилась в Яснополянской библиотеке¹²⁴.

С 1880-х гг. привлекал Л. Н. Толстого образ чешского средневекового философа Петра Хельчицкого. В 1899 г. он читал русское издание «Сети веры» П. Хельчицкого. В своём сочинении «Царство божие среди вас» Л. Н. Толстой оценил эту книгу как «одну из редких уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство». В библиотеке Ясной Поляны есть книга Ф. Шульца «Петр Хельчицкий». В книге — пометки Л. Н. Толстого и Д. П. Маковицкого. Надпись на титульном листе «Dr. Dusan Makovicky» подтверждает то, что эта книга, изданная в 1882 г., могла быть привезена Маковицким из Словакии и впоследствии подарена Л. Н. Толстому. В 1907 г. издательство «Посредник» выпустило новое издание «Сети веры» с предисловием, написанным Л. Н. Толстым.

В дневнике секретаря писателя В. Ф. Булгакова читаем запись за 3 августа 1910 г.: «Душан сообщил Льву Николаевичу, что чешский поэт И. С. Махар прислал ему два стихотворения о Лютере и Хельчицком. „Ах, о Хельчицком, это в высшей степени интересно!“ — воскликнул Лев Николаевич». По всей вероятности, услышав это суждение Л. Н. Толстого, Маковицкий решил подарить ему этот журнал. Речь идёт о двух номерах журнала «Наше Время» («Nase doba»)¹²⁵.

«Во время пребывания Толстого в Германии в 1857 году, в Штутгарте и Аугсбурге выходило в свет первое собрание сочинений немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха в 20 томах... Это редкое издание имеется в Яснополянской библиотеке. Однако,

¹²⁴ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого... С. 439.

¹²⁵ Архангельская Т. Н. Чешская и словацкая литература в личной библиотеке Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник. Тула, 1984. С. 151–162.

судя по фирменной наклейке, Толстой приобрел его не в Германии, а в Петербурге...

...В 10-м и 11-м томах этого издания помещен роман Ауэрбаха о Спинозе. Эти книги, вероятно, были в руках Толстого, когда он в конце жизни перечитывал Ауэрбаха. Об этом свидетельствует дневниковая запись Маковицкого от 31 декабря 1904 г.

Толстой сказал: „Ауэрбах мне очень нравится. Сейчас читаю его роман «Жизнь мыслителя» (нем.). В русском переводе — «Спиноза» (СПб., 1894). Он историю Спинозы по точным данным романизировал“»¹²⁶.

Д. П. Маковицкому мы обязаны записью очень важного высказывания Л. Н. Толстого, сделанной 21 декабря 1904 г.: «Не надо принимать без критики мысли известных авторов, как не надо пренебрегать мыслями неизвестных, незначительных людей»¹²⁷.

20 января 1905 г. Маковицкий записал: «Литература, — сказал Лев Николаевич, — существовала прежде, как камерная музыка, для небольшого круга богатых, праздных людей и принаравливалась к их вкусам; теперь она дошла до приказчиков, и должна создаться новая литература для широких слоев простого народа, соответственно его требованиям. Этой литературы пока нет».

«Теперьшние молодые писатели не знают чувства меры. Они дают говорить своим героям столько и таких вещей, которых они не могли бы говорить».

«Байрона я не мог до конца дочитать. Его герои говорят то, что он вперед решил вложить им в рот. Я из учтивости к вам не хотел говорить о нем, — оговорился Лев Николаевич. — Дочь Карамзина Мещерская, в Монтрэ рассказывала мне, что Пушкин сказал ей: „А вы знаете, ведь Татьяна-то отказала Онегину и бросила его: этого я от нее никак не ожи-

¹²⁶ Майданова Т. А. Л. Н. Толстой и Бертольд Ауэрбах // Яснополянский сборник. Тула, 1976. С. 187.

¹²⁷ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1955. С. 172.

дал“. Пушкин создал ее такую, что она не могла поступить иначе»¹²⁸.

14 февраля 1905 г. говорили о том, когда лучше писать.

«Работается хорошо днём, после сна, — сказал Лев Николаевич. — Я вполне согласен с Руссо, что лучшие мысли приходят ночью... У мысли есть свой зенит». К этим словам Толстого Маковицкий сделал следующее примечание: «Сам Лев Николаевич всегда старался схватывать приходившую ему новую мысль на ее зените и не ленился иногда раз пять в течение ночи зажигать свечу и записывать новые мысли»¹²⁹.

В записи Д. П. Маковицкого за 2 декабря 1908 г. читаем: «Л. Н. пробовал читать из чешского журнала «Saimy Strojmistru» статейку о себе, всю прочёл и, кроме одного слова, всё понял! „Чешский язык интересный!“» — сказал Л. Н.¹³⁰

У Маковицкого отмечено признание Толстого в том, что он не боится заметить в молодом поколении художников чего-то важного, сознание того, что он старик, не понимает молодых, а они заслуживают понимания: «Я боюсь, что я не понимаю чего-нибудь, что молодые понимают, как старики не понимали Пушкина, Ломоносова, Карамзина; хотя старики всегда негодуют на молодых, но этого не следует делать; мои последователи все из молодых»¹³¹.

Заботу о библиотеке писателя проявляла главным образом Софья Андреевна. Душан Петрович Маковицкий свидетельствует, что если библиотека в Ясной Поляне так хорошо сохранилась, то это является заслугой именно Софьи Андреевны Толстой. «Она сберегла даже и те брошюры и книги, — говорит он, — которые Лев Николаевич исключил». В своём дневнике Д. П. Маковицкий писал: «Библиотека Ясной Поляны составляет целым миром»¹³².

¹²⁸ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1955. С. 179.

¹²⁹ Там же. С. 184–185.

¹³⁰ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 3. С. 264.

¹³¹ Там же. С. 94.

¹³² *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. Неизданная часть, хранящаяся в Москве. Запись 27 сентября 1905 г. Также Булгаков В. Ф. «О Толстом». Тула, 1964. С. 62.

Сейчас в Доме-музее Л. Н. Толстого 25 книжных шкафов и большой ларь, в которых насчитывается 10 247 названий, или до 22 000 отдельных книг и номеров журналов, более чем на двадцати языках»¹³³.

В библиотеке Л. Н. Толстого среди славянских книг, исключая русские, преобладают чешские, словацкие. Поступление их в библиотеку Ясной Поляны в большинстве случаев так или иначе связывается с личностью Д. П. Маковицкого. Некоторые книги были подарены Д. П. Маковицким Л. Н. Толстому. В библиотеке Ясной Поляны находятся несколько книг с надписью рукой Душана Петровича Маковицкого: «Dr. Makovicky», с пометками Маковицкого, зачастую сочетающимися с пометками Л. Н. Толстого¹³⁴.

¹³³ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1964. С. 65.

¹³⁴ Яснополянский сборник. Тула, 1984. Архангельская Т. Н. «Чешская и словацкая литература в личной библиотеке Л. Н. Толстого». С. 151–162.

Глава VI

МАКОВИЦКИЙ — УЧАСТНИК МУЗЫКАЛЬНЫХ ВЕЧЕРОВ

«Огромную роль в жизни и обиходе дома Ясной Поляны играло искусство: музыка, пение, пляски. Играли, пели, плясали все: хозяева и гости. Сам Лев Николаевич любил „притоптывать“ и „пританцовывать“». Маковицкий оставил немало записей, в которых отразилась любовь к музыке обитателей Ясной Поляны. «Это была на редкость музыкальная, одаренная, восприимчивая к музыке семья, начиная с самого Льва Николаевича, способного в буквальном смысле слова испытывать трепет, потрясение при слушании и восприятии музыки, и кончая маленькими детьми, внуками и внучками. Музыкальна была и Софья Андреевна. Лев Николаевич и она часто играли на фортепиано в 4 руки, в частности, переложение симфоний Гайдна, которые Толстой чрезвычайно любил и ценил выше бетховенских. В записях Маковицкого, посвященных музыке, часто рассказывается о впечатлении, какое исполняемое произведение производило на Льва Николаевича, о его восхищении или, напротив, неодобрении. Из этих отзывов мы узнаем много нового — например, об отношении Толстого к Аренскому, которого он очень любил, или о причинах его неприятия к Девятой симфонии Бетховена, в которой он отвергал искусственный, нарочитый, как ему казалось, трагизм»¹³⁵.

¹³⁵ Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. 1979. Т. 1. Асмус В. Ф. «Толстой в дневнике Маковицкого. Эпоха, мировоззрение, быт». 1904–1905 гг. С. 13–14.

19 февраля 1905 г. Д. П. Маковицкий записывает: «Сегодня Л. Н. в хорошем настроении. Когда Александра Львовна и В. А. Кузминская играли на двух гитарах, он ударял в такт рукой об руку. Потом подошел посмотреть, как я плясал словенский казачок»¹³⁶.

21 февраля 1905 г. Д. П. Маковицкий записал: «Разговор о музыке. Слова Т.: „Недавно я определял, что такое музыка; музыка — это стенография чувств. Музыка передает состояние души, но не мысли. Музыкальные народы, как цыгане и простой народ, поют напевы без слов или слова искажают. Вагнер, желая соединить музыку с словами, ослаблял ее; а он думал, что творит что-то новое, музыку будущего... Напрасно мало ценят Рубинштейна — он был последний из крупных композиторов, в нём есть и старое, и новое. После него пошло декаденство. Когда Танеев играл свои композиции, я ничего не понимал... Моцарт швыряет жемчугами, его композиции полны. В сонатах Бетховена для фортепиано и скрипки нет драматизма, как в других, но больше мелодичности“»¹³⁷.

14 января 1906 г. Запись в дневнике Д. П. Маковицкого о разговоре о музыке. Слова Толстого: «Я люблю простоту, наивность. Гениальность и наивность всегда совпадают. А у Шумана и Шуберта ее нет. Шопена нельзя сравнивать»¹³⁸.

10 января 1909 г. «Гольденвейзер играет Шопена: 2 скерцо и мазурки. Толстой: „Скерцо не люблю, это не он; мазурки — вот это настоящее, в чём его сила“».

«В этот вечер Толстой был растроган, как никогда. „Превосходно, превосходно, прелестно, прекрасно. У него (Шопена) всё хорошо, ни звука не выкинешь...“ Потом сказал растроганным голосом: „Хорошо на свете жить!“»¹³⁹

22 декабря 1907 г. «Играет трио в составе Б. О. Сибор, М. Е. Букиник, А. Б. Гольденвейзер. В программе: Моцарт,

¹³⁶ Лев Толстой и музыка. М., 1977. С. 203.

¹³⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 1. С. 185.

¹³⁸ Там же. Кн. 2. С. 16.

¹³⁹ Лев Толстой и музыка. М., 1977. С. 226.

Гайдн, Бетховен, Аренский». По записи Д. П. Маковицкого: Толстой был растроган, плакал и повторял: «Чудо! Чудо!»¹⁴⁰

«13 мая 1910 г. Софья Андреевна просила пустить в граммофон вальс Иоганна Штрауса „Fluhlingsstimmen“. Понравился Льву Н-чу. „Гораздо лучше всяких «бетховенских», — сказал»¹⁴¹.

24 августа 1910 г. «Т. слушает на граммофоне песни Вари Паниной, которые ему „очень нравятся“, пение Карузо (из „Риголетто“ Верди) не понравилось — „в сравнении с цыганами грубо“»¹⁴².

«Хотя Лев Николаевич очень любил и классическую музыку и часто просил играть Сергея Львовича, Марию Львовну и других, все-таки больше всего он наслаждался русской и вообще народной музыкой... В Кочетах, когда я (Маковицкий. — В.Р.) с крестьянами плясал, Лев Николаевич притоптывал ногой и ударял в ладоши, — казалось, ему самому хотелось пойти плясать»¹⁴³.

Разговор о народной музыке состоялся 23 февраля 1905 г. «Играли на двух гитарах цыганские песни. Ф. А. Страхов сказал: „Эти цыганские песни — те же народные мотивы. Но изменённые. Не люблю их“.

„А я их всегда люблю, — сказал Лев Николаевич. — Удивительно музыкальный народ цыгане. И у них (Лев Николаевич показал на меня) они есть. Знают ли у вас ноты?“

„Некоторые молодые знают, а старые — нет“.

„Это как неграмотные мужики, у них память хорошая, — сказал Лев Николаевич. — Неграмотные мужики помнят, на какой десятине сколько уродилось семь-восемь лет тому назад“»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Гусев Н. Н. Два года... С. 44.

¹⁴¹ Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 4. С. 365.

¹⁴² Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополяские записки. М., 1979. Т. 4. С. 254.

¹⁴³ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 365.

¹⁴⁴ Там же. С. 188–189.

Глава VII

ТОЛСТОЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ЗАПИСЯХ МАКОВИЦКОГО

27 января 1906 г. Д. П. Маковицкий записал в своем дневнике: «О картине Микель-Анджело „Сотворение мира“ Л.Н. сказал: „Сотворение мира“ я никогда не понимал. Ужасная гадость! Эта и его же „Страшный суд“ — из фальшивых репутаций»¹⁴⁵.

Запись Маковицкого 27 декабря 1904 г.: «„Вы в Дрездене были, — спросил П. И. Бирюков, — классические картины галереи произвели на вас впечатление?“ — „Никакого, — ответил Лев Николаевич, — то есть я еще находился под гипнозом, что надо восхищаться. Выжимал, дулся, — ничего не вышло“. — „Чичерин рассказывал, что вы в Брюсселе занимались тем, что собирали картинки“, — сказал А. Н. Дунаев. „Эти картинки премилые, жайровые, — ответил Лев Николаевич. — Это искусство, а Мадонна Рафаэля не есть искусство“»¹⁴⁶.

«Михаил Васильевич Нестеров вспоминал, как он в 1907 г. писал портрет Толстого в Ясной Поляне: „Лев Николаевич охотно позировал мне, но всё же уставал, и я просил его врача, Душана Петровича Маковицкого, попозировать мне вместо Льва Николаевича. Надел на него светло-синюю блузу Толстого, поставил под деревьями, придал ему ту же позу, в какой начал пи-

¹⁴⁵ Гусев Н. Н. Летопись... С. 543.

¹⁴⁶ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 174.

сать и Льва Николаевича... Сделал небольшой этюд, который потом очень помог мне... Да вот я покажу вам этюд!“

Нестеров выходит на минуту из комнаты и возвращается с небольшим продолговатым этюдом масляными красками. Это поколенное, надо сказать, очень похожее изображение Душана Петровича с заложенными назад руками; лицо — лицо Душана, сосредоточенное и почти мёртвое в своей замкнутости, как это и бывало на самом деле.

„Я это приготовил для вас, Валентин Фёдорович!“ — неожиданно произнёс Нестеров, протягивая мне этюд.

„Возьмите, возьмите! — продолжал он, отстраняя мои протесты. — На память...“

На память, конечно, нельзя было не взять. Прошу Михаила Васильевича о дарственной надписи на обороте.

Он садится и пишет:

„Валентину Фёдоровичу Булгакову на память от М. Нестерова. 1922 г. Мой этюд с Душана Петровича Маковицкого для портрета Л. Н. Толстого писан в Ясной Поляне. 1907 г.“

Так я стал собственником этюда Нестерова (сейчас этот этюд принадлежит Яснополянскому музею)¹⁴⁷.

Сам Душан Петрович Маковицкий сожалел о том, что судьба не наградила его даром живописца. Об этом мы узнаем из воспоминаний художника И. К. Пархоменко. 20 июня 1909 г. «Незадолго до вечера мною завладел Душан Петрович; он предложил мне пойти с ним посмотреть то место, где Лев Николаевич завещал похоронить себя. Солнце уже садилось; в воздухе стояли очаровательные тоны красок и звуков. „Как хорошо здесь!“ — вырвалось у меня. „Сюда Лев Николаевич приходит очень часто. Здесь, вот на этом месте, он когда-то закопал зеленую палочку. Вы вероятно, читали, — у него есть об этом в сочинениях. Здесь он завещал и похоронить его. Ах, если бы я мог, я написал бы Льва Николаевича на этом месте. Жаль, что Нестеров не написал; у него бы это вышло очень красиво“»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Булгаков В. Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1978. С. 390–391.

¹⁴⁸ Л. Н. Толстой и художники. М., 1978. С. 334.

*Д. П. Маковицкий. Ясная Поляна, 29 июня 1907 г.
Этюд (масло) М. В. Нестерова*

Д. П. Маковицкий. Ясная Поляна, 12 июня 1910 г.
Портретный набросок (карандаш) П. П. Трубецкого

20 июня 1910 г. «Поездка в Мещерскую больницу на сеанс кинематографа. Впечатление Т.: „скучно и очень глупо и нецелесообразно“». Д. П. Маковицкий записал мнение Т.: «Думаю, что кинематограф расстраивает больных»¹⁴⁹.

5 апреля 1910 г. «Лев Николаевич уже уходил спать, но остановился, обратился к Душану, слывшему языковедом:

„Душан Петрович, это еврейское Шолом-Алейхем (фамилия писателя, приславшего Льву Николаевичу свою книгу). Откуда оно? Ведь это арабское селям алейкум?“

Душан отвечал, что оба языка имеют много общего, как семитические»¹⁵⁰.

23 февраля 1910 г. «Вечером, кажется опять по поводу книги Яроцкого, Лев Николаевич говорил:

„Большинство людей попадают в жизни в такую колею, из которой им ужасно трудно выбраться, и не хочется, чтобы это было нужно, — и они в ней остаются. И это в религиозной сфере так же, как и в научной. Вот Душан Петрович попал в такую же колею со своим отношением к евреям, о чем мы с ним сегодня говорили“, — добавил, улыбаясь, Лев Николаевич.

Я не говорил еще об этом печальном недостатке Душана Петровича — его антисемитизме. В человеке, чьи взгляды и чья личная жизнь могли бы служить завидным примером для каждого из нас, каким-то непонятым образом укоренилось недоброжелательство к целому народу. Говорят, это — следствие впечатлений детства, проведенного в Венгрии, в области, населенной евреями. Все равно я никогда не мог понять этой странной слабости Душана Петровича. Не понимал её и Лев Николаевич и никто из окружающих. Лев Николаевич не раз говорил Душану, что его нелюбовь к евреям — это тот материал, который бог дал ему для работы над ним и для преодоления этого недостатка. „Если бы не этот недостаток, то Душан был бы святой“, — говорил Лев Николаевич о своем друге.

„...Как можно ненавидеть, не любить целый народ! — говорил Лев Николаевич. — Я понимаю, что можно инстинктивно питать

¹⁴⁹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 4. С. 282.

¹⁵⁰ *Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой... С. 136.

нерасположение к некоторым недостаткам евреев, но нельзя из-за этого осуждать их всех, надо, напротив, самому стараться избавиться от этого недоброжелательного чувства как от недостатка. Иначе будешь оказывать сочувствие в поддержку таким чело­веко­нена­вистни­ческим об­щес­твам, как «Союз русского на­ро­да», ко­то­рый устраивает еврейские погромы, и так далее. Ев­реи притесняе­мы, на­хо­дятся в исклю­чи­тель­ном по­ло­же­нии, и их нельзя обвинять в том, что они участвуют во всяком протесте против правительства участвовали в революции. Если я сам видел особенные черты в русском народе, выделял русских мужиков как носителей чего-то особенно, привлекательных сторон — каюсь и готов отречься от этого. Симпатичные черты можно найти у каждого народа. И у евреев есть выдающиеся черты, например, их музыкальность. Вы говорите, что дурные стороны у евреев преобладают, что они безнравственнее других народов, как это статистически доказано, но я думаю, что статистика эта неверна. А что значит это слово «еврей»? Для меня это слово совершенно непонятно. Я знаю, что здесь живут евреи, здесь — немцы, французы, но деление людей на разные народы мне представляется фантастическим. Я не могу его знать так же, как четвёртого измерения в геометрии. Недоброе чувство может быть только к отдельному человеку. Если вы и не любите евреев, то единственное средство сделать их лучше, единственное средство против них — это дать им равноправие, уравнять их со всеми, так как, повторяю, они находятся в исключительном положении. Но дело даже не в последствиях, а в требованиях религиозного мировоззрения. Для меня согласиться с вами — это все равно что отречься от главного моего убеждения, что все люди равны. И я не понимаю, как можете вы, с вашими взглядами, с вашей жизнью, так относиться к целому народу. Я думаю, что вам следует избавиться от этого чувства как от недостатка“.

Душан Петрович всё спорил, не соглашался с Львом Николаевичем и, видимо, остался при своем мнении»¹⁵¹.

12 января 1908 г. «Сегодня за вечерним чаем... Лев Николаевич сказал:

¹⁵¹ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... С. 96–100.

„Ненависть к евреям вытекает из народной гордости, из признания, что мой народ избранный, а тот народ проклятый“.

Душан Петрович возразил на это, что в евреях ненавидят их дурные свойства: их лживость, эгоизм, бессердечие...

„Вот я и не знаю, — сказал Лев Николаевич, — как это можно сказать про целый народ. Давайте я вам из 150 миллионов русских наберу 5 миллионов самых распроеевреев“¹⁵².

В ответ на замечание Льва Николаевича о том, что у евреев большой ум и религиозное чувство, Маковицкий сказал:

„...Я религиозности как раз не нахожу у евреев“. И спросил, у кого ее Л. Н. находит. Ни те раввины, которые ему пишут, не имеют ее, ни другие евреи, пишущие Л. Н.»¹⁵³.

¹⁵² Гусев Н. Н. Два года... С. 64.

¹⁵³ Маковицкий Д. П.: У Толстого... Кн. 4. «Литературное наследство». М., 1979. Т. 90. С. 378.

Глава VIII

ЗЛОБА ДНЯ

16 февраля 1906 г. в дневнике Д. П. Маковицкого записаны отзывы Толстого об историках: Ключевский — «бездарный», Соловьев — «архибездарный», Маколей — «как легко читается»¹⁵⁴.

Толстой имел и не скрывал свои взгляды на политическое и социально-экономическое положение страны, на те военные и революционные события, которыми была богата тогдашняя Россия. 19 декабря 1904 г. Маковицкий сделал запись, которая гласит: «Приехавшую из Москвы гостью Лев Николаевич расспрашивал ... об ожидании конституции в московских интеллигентных кругах. Потом спросил меня, что думают за границей об ожидаемой в России конституции. Я сказал, что некоторые словенские газеты, на основании собственного опыта, не ждут от нее ничего хорошего для народа.

„Хорошо делают, они правы“, — сказал Лев Николаевич»¹⁵⁵.

Не лишена прозорливости сохранившая свою актуальность записанная Маковицким 24 декабря 1904 г. мысль Толстого о том, что в республиканских государствах властвует известная кучка людей. Толстой говорил также о том, путем каких обманов составляется обыкновенно большинство голосов, — то большинство, которое решает, что должно быть законом для всех¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 2. С. 49.

¹⁵⁵ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 171.

¹⁵⁶ Там же. С. 172.

«Назавтра, 25 декабря 1904 г., Лев Николаевич сказал:

„Всё ищу, чем держится правительство,— как могла такая развратная, ограниченная, злая женщина (Екатерина II. — *В.Р.*) царствовать тридцать лет?! И сейчас царствуют такие же... Петр Третий и Павел были лучше, чем их представляют. Так как их убили, то тем, кто их убил, надо было их оклеветать, чтобы оправдать себя. Наоборот, Екатерина, Александр Первый были гораздо хуже, чем их описывают“.

Об Александре I Лев Николаевич сказал, что он не был таким просвещенным, каким его изображают историки, он был человек хитрый»¹⁵⁷.

12 января 1905 г. Д. П. Маковицкий записал:

«П. А. Буланже рассказал о правительственном сообщении, расклеенном на улицах Москвы, в котором объявляется, что рабочие беспорядки в Петербурге вызваны стараниями Японии и Англии. Л.Н. выслушал это молча, но видно было, что он негодует на правительство за эту лицемерную и бесстыдную ложь»¹⁵⁸.

19 января 1905 г. «Дэвит рассказал, что он был у великого князя Владимира Александровича, который сказал ему, что он с согласия царя велел стрелять в демонстрантов 9-го января. (Он говорил о демонстрации со злобой, стуча кулаками по столу.) Но царь, по его словам, потом был огорчен совершившимся.

„Верите ли вы, Лев Николаевич, что он действительно был огорчен? — спросил Дэвит, рассказав об этом.

Лев Николаевич: „Нет. Не верю, потому что он лгун“»¹⁵⁹.

5 февраля 1905 г. Маковицкий записал следующий диалог:

«„Когда пал Порт-Артур, — сказала Т. А. Кузьминская, — я плакала. А тебе как было?“ — спросила она Льва Николаевича. Лев Николаевич: „Мне было обидно. Но я вижу молодых людей, которым это нипочем“. — „Как же, по-твоему, не следовало

¹⁵⁷ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 173–174.

¹⁵⁸ Гусев Н. Н. Летопись... С. 499.

¹⁵⁹ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 178.

сдавать Порт-Артур?“ — спросила Т. А. Кузьминская. Лев Николаевич: „Я сам был военным. В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать“»¹⁶⁰.

18 мая 1905 г. Маковицкий в своем дневнике записал слова Толстого: «Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай — священная особа! А надо быть дураком или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы делать то, что он делает... Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти...»¹⁶¹

На следующий день, 19 мая 1905 г., Д. П. Маковицкий записал слова Толстого: «Опять буду писать о современном. ... Разгром флота — событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и духовный подъем»¹⁶².

23 мая 1905 г. говорили о самодержавии и конституции. По свидетельству Д. П. Маковицкого, Л. Н. сказал: «Хуже Чемберлен, хитрая шельма, чем глупый Николай»¹⁶³.

25 мая Толстой, по записи Маковицкого, сказал: «В войне для меня три события самые мучительные: потеря тридцати пушек под Тюренгенем, сдача Порт-Артура и разгром Балтийской эскадры. Жаль мне было, во-первых, убитых людей, второе — русских людей, и третье — ложно направленной покорности русского народа, приведшей к этим ужасным событиям. Этот разгром Балтийского флота будет иметь большое нравственное значение»¹⁶⁴.

17 августа 1905 г. со слов Толстого Маковицкий записал: «Вечером получена из Москвы неподписанная телеграмма: „Слава богу, мир заключен!“ Л. Н. сказал: „Какая важная новость! Мне стыдно, но я должен сознаться, что я борюсь с чувством патриотизма. Я всё надеялся, что русские победят“»¹⁶⁵.

¹⁶⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 182.

¹⁶¹ *Маковицкий Д. П. У Толстого...* Кн. 1. С. 288.

¹⁶² *Гусев Н. Н. Летопись...* С. 514.

¹⁶³ *Маковицкий Д. П. У Толстого...* Кн. 1. С. 293.

¹⁶⁴ Там же. С. 294.

¹⁶⁵ Там же. С. 378.

Как записал Д. П. Маковицкий 21 сентября 1905 г., вечером приехал Н. Н. Гусев, сотрудник «Посредника». «Привез известие о вчерашнем побоище в Туле. (Была революционная демонстрация, на которую напала „черная сотня“). Читал вслух телеграфные известия о таких же побоищах во многих других (тридцати—сорока) городах России. В Москве была перестрелка между демонстрантами, возвращавшимися с похорон социал-демократа Баумана, и казаками. Льва Николаевича ранили в сердце эти известия. Н. Н. Гусев, читая телеграммы, вздыхал и повторял: „Ужасно, ужасно!“ Л. Н. заметил: „Это ужасно, но жить прекрасно“»¹⁶⁶.

Потом Лев Николаевич сказал (он говорил это уже давно), что «революция не остановится на том, что добились конституции»¹⁶⁷.

23 октября 1905 г. Лев Николаевич сказал: «Я прочёл манифест, в нём ничего для народа»¹⁶⁸. На следующий день Лев Николаевич сообщил: «Генри Крауфорд из Австралии пишет мне, что у них главная причина бедственного положения рабочих — та, что рабочие возлагают надежду на парламент»¹⁶⁹.

Душан Петрович Маковицкий не только конспектировал все встречи, беседы и высказывания Льва Николаевича Толстого, но и вёл переписку со своими словацкими друзьями и с родными и друзьями писателя. В августе 1906 г. написал два письма Льву Львовичу Толстому. Первое письмо содержит как простую фиксацию поездок Льва Николаевича, его встреч с родственниками и друзьями, так и, конечно, упоминание о плодотворной работе Толстого. Приводим письмо полностью.

«Ясная Поляна. 13 августа 1906 г.

Дорогой Лев Львович! Письмо ваше получил перед самым отъездом в Пирогово, куда поехали на 3 дня Л. Н., Александра

¹⁶⁶ *Апостолов Н. Н.* Живой Толстой. М., 2001. С. 577. См. также: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 194.

¹⁶⁷ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 195.

¹⁶⁸ Там же. С. 195.

¹⁶⁹ Там же. С. 196.

Льв., Чертков и я. Оттуда не ответил вам исключительно из-за внешних неудобств, письменные принадлежности были заняты другими в то время, когда у меня был досуг. Жилось нам в Пирогово очень хорошо. Лев Николаевич спокойно и очень много работал, был в весёлом настроении духа (хотя хворал). Ездил и ходил в другое Пирогово. Свиделся с приехавшими: Марией Николаевной, Варварой Вал., Мих. Льв. и др. Вл. Гр. (Чертков. — В.Р.) переговорил о своих делах с Оболенскими, списал что нужно было. Мария Львовна, Николай Леон, были совершенно покойны — встревоженность прошла — и очень милы. Они 23-го намерены приехать в Ясную. Л.Н. собирается к ним еще раз, вероятно перед 23-м, чтобы еще повидаться с Мар. Николаевной, которая не намеревается приехать в Ясную.

Лев Никол. кончил сегодня корректуру „Круга чтения“. С 10-го прочёл страницы 439–605... и сделал большие и многие поправки, некоторые страницы пришлось переписать. Где такая работоспособность у молодых? — Кончил и „Две дороги“. Завтра Ал. Льв. перепишет дочиста. Здоровье Л.Н-ча хорошее.

Софья Андреевна 3 дня страдает кишечной невралгией. Больше лежит. Вчера и сегодня ей легче. Вставала и играла на фортепиано.

Вчера был здесь Меньшиков. Много разговаривал с Л.Н. — о религии, метафизиков споры.

Вчера уехал Вл. Гр. (Чертков. — В.Р.) в Москву, Петербург. Наняли усадьбу в Ясенках, м.б. будущее лето будут там жить.

Завтра приедет Бирюков. Послезавтра — Юлия Ивановна.

Андрей Львович дома, побывает у Звегинцевой. Вчера уехал в Тулу, ещё не вернулся. Авдотья Вал. оступилась, лечится. На зиму приедут жить Сухотины (в Кузьминск. доме).

Третьего дня утром были морозы. Дни довольно теплые. Шарик не скучает. Становится комнатной собакой. Кормит его сама Софья Андр. Кланяется Доре Федоровне и вам, детям привет!

Душан П. Маковицкий».

Если первое письмо выдержано в спокойном тоне, то второе письмо Маковицкого Льву Львовичу Толстому проникнуто

обеспокоенностью автора состоянием здоровья Софьи Андреевны.

«Дорогой Лев Львович!

Софья Андреевна с 22-го августа много страдает. Были 3 раза сильные приступы кишечной невралгии с непроходимостью кишки. До того с 11-го тоже бывали боли только в меньшей мере, когда ходила, ела. За эту неделю очень похудела, в животе обнаружилась опухоль, меняющейся... и меняющей свое место (около пупка — то центрально, то вправо, то влево, то под брюшной стеной, то под слоем кишек).

Диагноза не поставлено. Снегирев больше всего склоняется к предположению перекрученной (правосторонней) кистолы. Но не исключает конволута... кишек и других возможностей. Самая высшая t° была один день $37,9^{\circ}$, другой $37,6^{\circ}$.

Непроходимость кишек сейчас продолжается сутки (первые два раза 22-го, 26-го тоже около того), рвало раз желчью, несколько раз мало слизию... Разумеется, никаких газов и клизмы не действуют. Боли начались 30-го в 1—30 ночи. С 8-ми вечера довольно спокойно спит вследствие инъекции мочи.

Здесь Снегирев, Чекан и ординаторы Снег-ва. Приготовление к операции сделаны, но будет и когда — ещё не решено.

Кланяюсь Доре Федоровне и вам, детям привет.

Я.П. Д. П. Маковицкий.

4 ч. ночи (утра)¹⁷⁰».

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся «Рукописные материалы, относящиеся к Л.Н. Толстому». Речь идёт о записи, сделанной Душаном Петровичем Маковицким о Льве Николаевиче Толстом в Ясной Поляне 17 января 1908 г. В этой записи затронуты несколько тем: о революционерах, о литературе, о беседе Толстого с Чертковым, а также о том, что с годами люди становятся внимательнее друг к другу и добрее. Каждая из этих тем по-своему интересна и не требует особых комментариев.

¹⁷⁰ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 303, 428. Архив Л.Л. Толстого. Два письма Д. П. Маковицкого Толстому Льву Львовичу. 4 л.

Вот эта запись:

«17 января 1908 г. Л.Н. написал длинное письмо революционерке Беневакской в ответ на ее письмо к брату. Она писала брату в первой части своего длинного письма о своих религиозных исканиях, в которых она близко подходит к взглядам Л.Н-ча, а во второй части о том, что она читала Оуэна, Маркса и чему она от них научилась. Л.Н., когда читал вслух это письмо, первой частью его был растроган до слез. (Его читали третьего дня вечером.)

Сегодня в числе прохожих было несколько человек революционно настроенных. Л.Н. рассказывал, что он заговорил с одним из них и «спросил, революционер ли он. Он ответил: „Да“, и начал говорить: „Когда Шереметьев может жить так богато, почему я должен жить бедно, почему мне не грабить“. „Когда держалось это (то есть, существующий строй) гипнозом, можно было иго удержать, но когда это держится силой, тогда нельзя“, — прибавил Л.Н., передав свой разговор с прохожим.

Л.Н. получил на днях два характерных письма: одно такого же революционного настроения, а другое от человека религиозного, который пишет, что хотя он сам и беден, богатство других не возбуждает в нём чувства зависти.

С. Д. Николаев прислал Л.Н-чу 8 томов сочинения Элизе Реклю „Земля и человек“. Л.Н. имел намерение читать эту книгу для своих географическо-этнографических занятий с детьми. Но, просмотрев ее, он сказал, что не будет её читать.

„Очень подробно и много ненужного“, — сказал я.

„Начинается с фантастического: какой был первобытный человек. Это такая же фантазия, как то, что был рай“, — сказал Л.Н.

За вечерним чаем были: Александра Львовна, Абрикосовы, Ю. И. Игумнова, Н. П. Иванова, Чертков, Гусев, Плюснин. Я замечал, что Л.Н. бывает в особенно хорошем, добром, мирном, поэтичном настроении, когда он беседует с Чертковым один-один или в небольшом обществе. Он так просто и непринужденно беседует с ним, расспрашивает его про все подробности его жизни. Вчера в кабинете Л.Н. разговаривал с Чертковым о его юношеской холостой жизни, и Чертков, должно быть, обстоятельно рассказывал ему о ней, так как разговаривали они часа два.

За чаем говорили о японцах, китайцах, о прочитанном вчера вслух письме Перно к Е. И. Попову (о том, почему он перестал быть революционером) и т.д.

Л.Н. сказал, что он хотел бы прочесть только что вышедшие из печати драмы его сына Левы и И. Ф. Наживина. Я встал для того, чтобы отыскать эти книги на подзеркальном столе.

Л.Н. заметил, что не следовало бы мне так коротко стричь бороду, седины с боков, что мне не надо быть уже старичком. Хрисанф (Абрикосов) заметил, что Перно в письме своем говорит о ком-то: „Он уже человек пожилой, ему 30 лет“. — „Мне столько же, — сказал Хрисанф, а я никак не воображаю себя пожилым, а очень молодым“.

„Так будет, — сказал Л.Н., — было со мной — и когда вам будет 40 лет и больше. А я до сих пор думаю, что мне только 20 лет. Все эти телесные слабости мне не показывают мою старость, а духовная — какая тут старость, все молодеешь. Няня (моя ровесница) сказала мне на днях, что чем старше, тем всё лучше и лучше, всё менее сердиться, добрее становишься“.

Хрисанф начал рассказывать про их няню, 60-летнюю старушку, поступившую к ним недавно, какая она не православная. Другие няни любят по церквам ходить, ставить свечи, целовать иконы, а она, когда они были в Москве, отправилась только в баню. Спрашивала его про Черткова, где он живет и за что его выслали. Хрисанф сказал ей, что за веру. Няня спросила: „Это за дедушкину? (Л.Н. жене Абрикосова — Наталье Леонидовне — приходится дедушкой). Он ничему дурному не научит“, — сказала она про Л.Н-ча. Наталия Леонидовна рассказала, что, спросив няню, почему она не говеет, она получила ответ, что у неё грехов нет:

„Пить не пью, ругаться не ругаюсь, а другие, какие же там грехи“.

Л.Н. это очень понравилось. Разговор зашел о нянях вообще.

„Положение их вообще хорошее, — сказал Л.Н. — Все за ними ухаживают. Вопрос о законности роскоши для них не существует, а с малыми детьми проводить время очень приятно. Я желал бы быть няней“, — сказал Л.Н. тоном радостного умиления.

„Танина няня (внучка Льва Николаевича, дочь Татьяны Львовны. — *В.Р.*), — продолжал Л.Н., — хорошая, но не такая, как ваша. Они в душе отошли от обрядностей и исполняют их только по привычке и чтобы не отстать от других. Но у них в душе нет сознания пустоты, отсутствия веры“.

Затем Л.Н., встав из-за стола, пошел к Черткову, который хотел рано лечь спать. В 10–40 Л.Н. ушёл к себе. С половины двенадцатого я стал дожидаться в гостиной, когда Л.Н. выйдет, хотел выслушать у него сердце, но Л.Н. сказал, что ему лучше, и переменял разговор. Он сказал, что прочёл драмы — „Моя родина“ — Льва Львовича и „В долине скорби“ — Наживина. По-видимому, обе ему не понравились. Про первую он сказал: „Очень наивно“, а про вторую, что в ней очень много напутано, неразработано.

Я попросил Л.Н-ча подписать три портрета.

Гусев завален работой: „Круг чтения“, ответы на письма, рассылка книг. (Сегодня вместе с Плюсиным он сделал и отослал около 30 посылок.)

Л.Н. сегодня написал письмо Е. И. Попову, которое просил не копировать, потому что оно интимного характера (Л.Н. пишет в нём о своей семейной жизни)¹⁷¹.

Не принимая активного участия в политической жизни страны, не примыкая ни к одной из политических партий, возникших в то время в России, Лев Николаевич Толстой находился в жёсткой оппозиции к царю и правительству. В 1906 г. Душан Петрович Маковицкий записал в своем дневнике:

«Л.Н. сказал приблизительно так: „Японской войной началось и продолжается революцией — разложение России. Prestиж русского государства потерян. Одно только это хорошее выйдет из теперешнего брожения — ослабление центральной власти“»¹⁷².

Подобную мысль писатель высказал и 17 июля 1908 г., записанную Маковицким: «Л.Н. сказал, что престиж власти

¹⁷¹ РНБ. Ф. 874 (архив С. Н. Шубинского). Оп. 1. № 124. Л. 262–265.

¹⁷² Гусев Н. Н. Летопись... С. 555.

кончился, и это презрение, негодование к ней вышло теперь наружу, и, несмотря на все правительственные жестокости, через пять лет поднимется то же самое»¹⁷³.

18 января 1905 г. о русском правительстве Лев Николаевич сказал:

«Мы, русские, счастливы тем, что ясно сознаем негодность нашего правительства»¹⁷⁴.

Этот взгляд Толстого получил свое развитие и в высказывании Льва Николаевича, записанном Маковицким 8 октября 1908 г. «Андрей Львович... говорил, что как будто опять будет революция. Лев Николаевич ответил, что революция и не прекращалась: ненависть с обеих сторон продолжает быть»¹⁷⁵.

18 мая 1906 г. в разговоре о правительстве Толстой сказал: «Старый порядок проходит, и пассивность, терпеливость русского народа проходят, а что создастся — неизвестно»¹⁷⁶.

«10 мая 1908 г. Толстой прочитал в „Русских ведомостях“ следующую заметку:

„Херсон (8 мая). Сегодня на Стрельбищенском поле казнены через повешение двадцать крестьян, осуждённых военно-окружным судом за разбойное нападение на усадьбу землевладельца Лубенко в Елизаветградском уезде“. (Позднее выяснилось, что казнено не двадцать, а двенадцать крестьян.)

...На следующий день в Ясную Поляну приехал адвокат Н. К. Муравьев, многократно выступавший в качестве защитника на политических процессах. Он много рассказывал о судебных делах и произволе царских властей...

...Лев Николаевич, — отмечал в своем дневнике Д. П. Маковицкий, — после вчерашнего впечатления от рассказов Муравьева о смертных приговорах и казнях ...сегодня написал статью в 10 ремингтонных страниц, вроде открытого письма, — горячий, сам собой вырвавшийся у него выстраданный вопль против

¹⁷³ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 3. С. 146.

¹⁷⁴ Лев Николаевич Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 177.

¹⁷⁵ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 3. С. 220.

¹⁷⁶ Там же. С. 142.

смертных казней, резко нападая на Щегловитого (министра юстиции), П. А. Столыпина и Николая Романова. Не могу себе представить, как они отнесутся к Льву Николаевичу за такое уличение в бесчеловечности, в глупости. Думаю, что по крайней мере, сделают обыск и домашний арест»¹⁷⁷.

А 16 августа 1909 г. Д. П. Маковицкий записал слова Толстого: «Революционное движение много добра сделало, выбило людей из сонного состояния»¹⁷⁸.

8 ноября 1908 г. Д. П. Маковицкий записал мнение Толстого о прениях в Думе по аграрному вопросу: «То, что они говорят теперь в Думе, о земельном вопросе, это пустая болтовня». Л. Н. возмущался законом 9 ноября 1906 г., разрушающим общинное землевладение и делающим из крестьян собственников. Вспоминая своё письмо к Столыпину о введении единого налога, Лев Николаевич сказал, что «это было ребячество, с его стороны, думать, что правительство сделает это; введение единого налога осуществляется и помимо правительства»¹⁷⁹.

17 января 1905 г. Маковицкий записал: «Я спросил Льва Николаевича, действительно ли главная задача правительства в том, чтобы удержать земельную собственность?»

„Мне ясно, что это так, — ответил Лев Николаевич. — Это — изменённый вид рабства. Было рабство крепостное, теперь рабство земельное“¹⁸⁰.

1 декабря 1905 г. Толстой читал присутствовавшим (в их числе был Д. П. Маковицкий, отметивший это в своих записках) письмо к царю, в котором советовал ему «опередить требования интеллигенции, сделать радость справедливости, освободить землю»¹⁸¹.

¹⁷⁷ Шифман А. И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983. С. 249–251.

¹⁷⁸ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 4. С. 46.

¹⁷⁹ Гусев Н. Н. Летопись... С. 652.

¹⁸⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 177.

¹⁸¹ Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1998. Зашихин А. Н. С. 282.

О земельном вопросе Толстой в октябре 1909 г. беседовал с членом Государственной Думы Чальшевым. Об этом пишет Д. П. Маковицкий в своем письме Семену Дмитриевичу Фомину, хранящемся в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге:

«Открытое письмо Маковицкого Душана Петровича Фомину Семену Дмитриевичу.

Лев Николаевич послал копию от вашего письма к нему и выписку из „Р. Сл.“ члену Думы Чальшеву и с ним накануне беседовал о земельном вопросе.

Кланяюсь вам. Д. П. Маковицкий.

10.X.09 Ясная Поляна»¹⁸².

Близко к сердцу принимал граф Толстой тяжёлое положение простого народа. «11 октября 1909 г. после поездки с Д. П. Маковицким к больным в дер. Казначеевку, близ Ясной Поляны, Т. записал в своём дневнике: „Мучительно положение живущего в достатке среди нищеты. Все просят, и все жалки, и сам гадок“»¹⁸³.

8 июня 1909 г. «Отъезд вместе с С. А. Толстой, Н. Н. Гусевым, Д. П. Маковицким и служащим И. В. Сидорковым в имение зятя — М. С. Сухотина — Кочеты Новосильского уезда Тульской губ. В вагоне Т. работает над статьей „Единая заповедь“, читает книгу Энрико Малатесты „Краткая система анархизма в десяти беседах“, в которой находит много хорошего“¹⁸⁴.

С Орла в том вагоне, где был Лев Николаевич, стало очень тесно. У Льва Николаевича завязался разговор с мценским предводителем дворянства Матвеевым о земельном вопросе, о проекте Генри Джорджа, о разрушении общины. Предводитель не соглашался с ним и спорил...¹⁸⁵

Устав от духоты и неприятного разговора, Лев Николаевич перешел в наш вагон. Душан Петрович разыскал китайца,

¹⁸² ИРЛИ (Пушкинский Дом). Р. 111. Оп. 1. № 1456.

¹⁸³ Гусев Н. Н. Летопись... С. 719.

¹⁸⁴ Там же. С. 694.

¹⁸⁵ Там же.

ехавшего в одном поезде с нами, и привел его ко Льву Николаевичу. Лев Николаевич стал расспрашивать китайца об их жизни и вере»¹⁸⁶.

«От станции Благодатная до имения Сухотиных Кочеты ехали 15 км, на высланной Сухотиными четвёрке лошадей. Гусев обратил внимание Т. на то, что встречные крестьяне, увидев барских лошадей, ещё издали снимали шапку и останавливались с непокрытой головой. На что Т. ответил: „Я бы на их месте плевал бы, когда видел этих лошадей и эти огромные парки, когда у него нет кола, чтобы подпереть сарай. Когда поймёшь это, это что-то ужасное“»¹⁸⁷.

20 декабря 1908 г. «Вчера за обедом был разговор о пьянстве. Душан Петрович сказал, что он прочитал в газете, что, по данным московской противоалкогольной выставки, в одной Москве и Московской губернии пропивается в год тридцать восемь миллионов рублей. Лев Николаевич сказал на это:

„Я хоть и всегда радуюсь, когда перестают пить, но осуждать не поднимается рука. Ведь это представить себе, что в этой дудке (на шахтерском жаргоне дудка — место в забое, где шахтер вручную рубит уголь), про которую вы, Душан Петрович, рассказываете, он проводит полжизни (Душан Петрович только что вернулся из деревни, куда его пригласили к рабочему, на которого во время работы упал кусок руды весом в четыре-пять пудов и поранил ему голову). Для них, — продолжал Лев Николаевич, — водка заменяет все наши (обращаясь к Софье Андреевне) концерты, театры“.

„Весь дурман“, — пояснила Софья Андреевна»¹⁸⁸.

13 марта 1908 г. «Лев Николаевич читал в газете сообщение о состоянии Рокфеллера. Заметка эта произвела на него удручающее впечатление. Уходя спать и прощаясь со всеми, он на минуту остановился и спросил Душана Петровича, у которого хорошая память на цифры:

¹⁸⁶ Гусев Н. Н. Летопись... С. 254.

¹⁸⁷ Там же. С. 694.

¹⁸⁸ Гусев Н. Н. Два года... С. 224–225.

„Сколько у Рокфеллера? Двадцать миллиардов? Ведь это представить себе! Это сразу показывает всю извращенность нашего строя, чтобы один человек владел такими деньгами“¹⁸⁹.

«В июне 1910 г. в Мещерском после чтения „Записок лакея или Правдивой истории рабской жизни“ Адриана Петровича Новикова Толстой сказал Маковицкому: „Никогда не слышал такого обличения безнравственности, бесполезности нелепости, глупости жизни аристократов. Надо надеяться, что также разоблачена будет вскоре и жизнь буржуазная“»¹⁹⁰.

Знавший Д. П. Маковицкого лично славяновед А. Н. Сиротинин отмечал, что, приглашая его посетить Ясную Поляну, Душан Петрович писал: «Льву Николаевичу будет желательно побеседовать с вами о славянах. Интересуется нами»¹⁹¹.

Получив в июне 1910 г. приглашение участвовать в Славянском съезде в Софии, Толстой беседовал о съезде с Маковицким. 18 июня 1910 г. Л. Н. Толстой продиктовал Маковицкому письмо Славянскому съезду в Софии.

В сентябре 1910 г. Толстой писала группа молодых представителей партии народных социалистов Чехословакии, подвергшейся гонениям со стороны правительства за пропаганду идей мира. Д. П. Маковицкий со своей стороны просил Л. Н. Толстого ответить чехам. Тогда Л. Н. Толстой начал работать над ответом чехам, который известен под названием статьи «О социализме».

Незадолго до кончины 14 октября 1910 г. Толстой, как отмечено в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого, сказал об этой статье: «Раз начал её — кончу, и Душану надо сделать удовольствие». Толстой работал над статьёй «О социализме» вплоть до дня своего ухода из Ясной Поляны¹⁹².

¹⁸⁹ Гусев Н. Н. Два года... С. 112.

¹⁹⁰ Опульский А. И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1964. С. 124.

¹⁹¹ Сиротинин А. Н. Россия и славяне. СПб., 1913. С. 335–336.

¹⁹² Яснополянский сборник. Тула, 1984. Архангельская Т. Н. «Чешская и словацкая литература в личной библиотеке Л. Н. Толстого». С. 151.

В июне 1910 г. Толстой гостил у Чертковых в селе Отрадное Московской губернии. В те дни там находился и Алексей Петрович Сергеенко. В своих воспоминаниях он написал и о Толстом, и о Маковицком:

«20 июня 1910 г. утром Лев Николаевич гулял часа полтора... После прогулки, ещё до работы, можно зайти к нему на несколько минут. И у него побывал доктор Душан Петрович Маковицкий, пришедший после этого к нам в столовую.

Ольга Константиновна, свояченица Черткова, спросила его:

„Ну, что у вас делается наверху? Как Лев Николаевич?“

„На пять с плюсом или даже с двумя плюсами, даже с тремя плюсами. Лучше невозможно“, — весело почти вскрикнул Душан Петрович.

Душан Петрович являлся чувствительнейшим барометром всех состояний Льва Николаевича. Если Льву Николаевичу нездоровилось или он был расстроен — Душан Петрович ходил хмурый, неразговорчивый, если Лев Николаевич был здоров и хорошо настроен — Душан Петрович преображался и был весел, словоохотлив.

Два дня назад Лев Николаевич начал писать „Приветствие Славянскому съезду“. Душан Петрович хотел сегодня предложить ему воспользоваться для этого прежними его статьями: „Письмом к индусам“ и „Письмом к польке“, в которых затронуты аналогичные вопросы. Но когда для этого вошел в его комнату, то, к удивлению своему, увидел, что Лев Николаевич уже писал. стакан кофе и тарелка с бутербродами нетронутыми стояли в стороне. „И Лев Николаевич, — рассказывал Душан Петрович на своем ломаном русском языке, — уже накален писанием на всех парах, в страшном разгаре, весь захвачен. Говорю: «Вот вам, Лев Николаевич, к славянам», — и кладу на стол; он даже взора на меня не покосил, молчит, наклонив голову, рука носится по бумаге. Ну я моментом выскочил. Чую — пишет что-то новое, вероятно, художественное. Очень воодушевлен“»¹⁹³.

¹⁹³ Сергеенко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом. М., 1978. С. 164.

В своих воспоминаниях А. П. Сергеенко отмечает, что Маковицкий чрезвычайно внимательно следил за творческим процессом писателя. Душану Петровичу было понятно то, что порой ускользало от внимания многих читателей. Вот ещё одна запись Алексея Петровича, помеченная тем же 20 июня 1910 г.:

«Вскоре Лев Николаевич и другие ушли спать. Нам, молодежи, не хотелось расходиться. Мы чувствовали потребность поделиться друг с другом впечатлениями дня. С нами вместе остался Душан Петрович Маковицкий. Он сообщил нам, что изображенные в рассказе дети — внуки Льва Николаевича. Танечка — дочка его старшей дочери, Татьяны Львовны Сухотиной, бойкая уменькая девочка. Вока — сын его сына, Михаила Львовича, простодушный, кроткий, робкий мальчик. С ним действительно произошёл случай с пирожным. А научила его признаться в своей вине его же сестра, но Лев Николаевич описал не её, потому что она, по мнению Душана Петровича, „неживая, малоинтересная“, а свою любимицу, очаровательную Танечку Сухотину. Слова в рассказе: „отец, всегда баловавший Танечку и всегда бывший рад случаю самому высказать свою беспристрастность“ — Душан Петрович считал возможным применить к самому Льву Николаевичу за его исключительно нежное отношение к своей внучке.

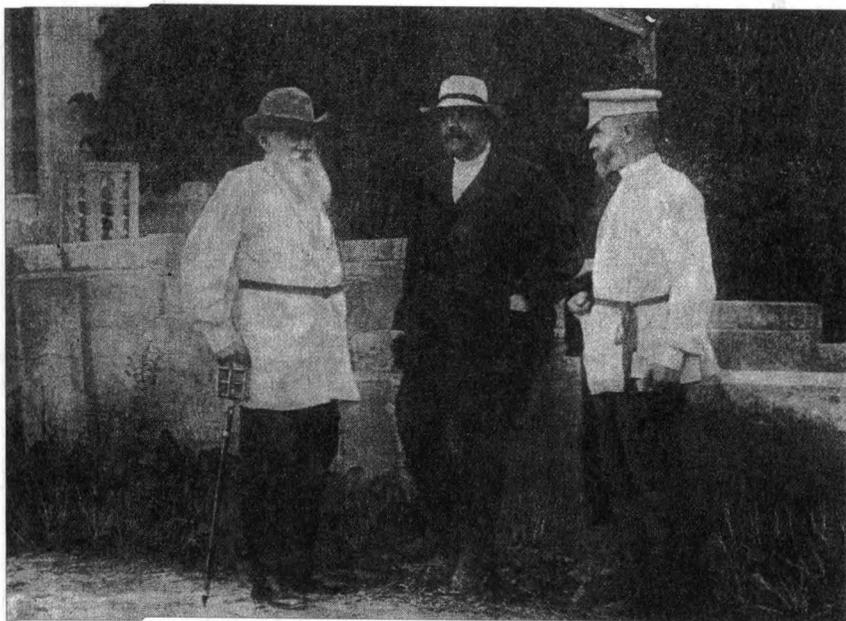
Первую часть рассказа — сцену со взрослыми — Лев Николаевич, по предположению Душана Петровича, создал сегодня на прогулке. Таков его обычный художественный приём: взять за основу действительный случай и пополнить картинами, вымыслом. В течение двух недель этот сюжет не осуществлялся. Следовательно, для Льва Николаевича ещё не назрела та непреодолимая внутренняя потребность, которая, как он говорил, является обязательным условием для художественного творчества.

Душан Петрович ещё сказал о том, что в рассказе взрослый человек, проигравший в карты, сделал это „нечаянно“, а Лев Николаевич сказал, что написал рассказ „нечаянно“, так как, если бы рассказ не предназначался для „Детской мудрости“, а являлся бы самостоятельным произведением, его вполне можно было бы назвать „Нечаянно“.

*Л. Н. Толстой, С. А. Толстая, Д. П. Маковицкий, Джерар Реймонд
с женой и С. М. Прокудин-Горский (снят со спины)
в зале яснополянского дома. 23 мая 1908 г. Фото П. Е. Кулакова*

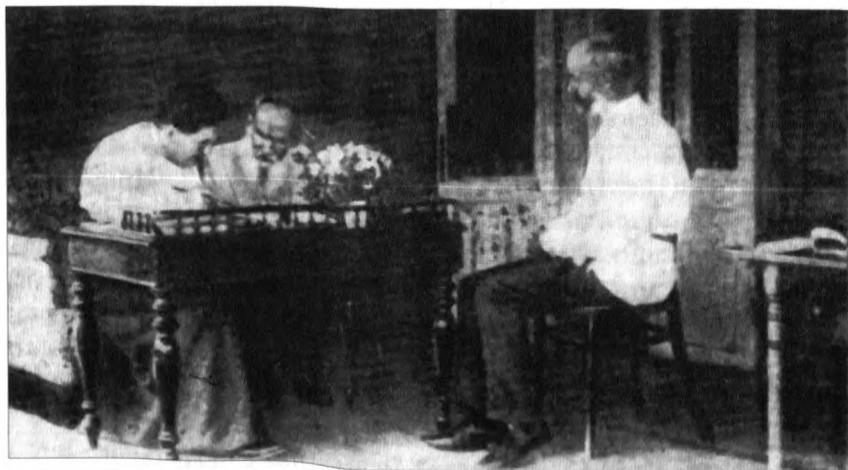
*Л. Н. Толстой, В. Г. Чернышев и Д. П. Маковицкий
Огаревское, 12 - 23 мая 1910 г. Фото Г. Ташева*

*Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков и Д. П. Маковицкий.
Отрадное, 12–23 июня 1910 г. Фото Т. Тапселя*

*Толстой в кругу друзей и знакомых читает свою статью
«О безумии». Слева направо сидят: Ф.А. Страхов,
А.Я. Григорьев, Л.Н. Толстой, А.К. Черткова, П.Н. Орленев.
Стоят: В.Ф. Булгаков, А.С. Бутурлин, В.Г. Чертков,
Д.П. Маковицкий, А.П. Сергеенко. Отрадное, 21 июня 1910 г.
Фото В.Г. Черткова*

*Л.Н. Толстой, В.Г. Чертков и Д.П. Маковицкий.
Отрадное, 12–23 июня 1910 г. Фото Т. Тапселя*

Когда Душана Петровича спросили: „А почему Лев Николаевич так расстроился во время рассказа, тогда как ничего особенно волнующего в рассказе нет?“, Душан Петрович ответил, что Лев Николаевич не „расстроился“, а „растрогался“. Всем нам может казаться, что ничего особенного в рассказе нет. Так — нередкий эпизод в жизни. И оттого никого из нас рассказ не тронул. Но в этом-то и сказывается разница между нами и Львом Николаевичем. В то время как на нас что-нибудь не оказывает никого действия, у него это самое переворачивает душу. Искреннее сердечное признание своих ошибок нам кажется обычным явлением, а Лев Николаевич, как замечательный психолог, знает, до чего это редко и ценно. Это вызвало у него чувство умиления. Чувство умиления и побудило его написать рассказ — он ничего не может писать не по чувству — это же чувство умиления вновь его охватило при слушании рассказа, вот почему он и растрогался»¹⁹⁴.

28 июня 1910 г. «Отъезд Т. вместе с С. А. Толстой, А. Л. Толстой, Д. П. Маковицким и Н. Н. Ге к С. Л. Толстому в его имение Никольское-Вяземское». Запись в дневнике Д. П. Маковицкого: «Проезжая мимо села Никольское, Л. Н. сказал что-то сочувственное про Никольских крестьян и затем обратился ко мне со словами: „Помните: край родной долготерпения“, и слёзы выступили у него на глазах»¹⁹⁵.

Вспоминает яснополянский крестьянин И. О. Шураев: «Помню, приезжал в Ясную Поляну какой-то помещик. С ним у Льва Николаевича завязался горячий спор о крестьянах. Помещик доказывал, что все они пьяницы, лентяи, потому и живут плохо, а Лев Николаевич возражал ему, говорил, что крестьянину развернуться негде, что земли у него нет, что на узкой полоске ему душно. И она не оправдывает его существования. Толстой говорил, что у крестьянина ум необъятен, и если бы ему дать образование, он сделал бы чудеса. И так горячо они спорили, что Лев Николаевич побледнел, руки его тряслись, он даже начал кричать. Пришлось вмешаться Д. П. Маковицкому.

¹⁹⁴ Сергеевко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом. С. 171.

¹⁹⁵ Гусев Н. Н. Летопись... С. 782.

Попросить помещика прекратить спор. После этого помещик быстро уехал»¹⁹⁶.

Приведём эпизод, в котором лишь вскользь упоминается Душан Петрович Маковицкий, но без этого упоминания о Маковицком не было бы и этого примечательного эпизода в жизни Толстого в Кочетах, в имении дочери писателя Т. Л. Сухотиной-Толстой, 9 сентября 1910 г.

«В этот приезд А. О. Дранков беспрепятственно снимал групповые сцены „по экономии Сухотиных“, стараясь поймать в кадр Толстого. И наконец, преуспел.

Дело было так. Гуляя по окрестностям имения, Толстой наткнулся на крестьян, пиливших бревно. Один из них попросил у графа книжечек. Толстой сказал, что книжечки даст доктор Маковицкий, надо к нему сходить.

Конечно, крестьянин этот мог отправиться к доктору Маковицкому и после работы. Но он уже понял, в какую игру надо играть с Толстым: „Я бы пошёл, да боюсь работу оставить: управляющий заругает!“

Расчёт был верен. „Иди, не бойся! Я тебя заменю!“ И Толстой принялся пилить бревно.

Крестьянин, явившись к Маковицкому просить книжечку, красочно описал, как его сиятельство вместо него пилит. Дранков услышал. Можно представить себе, как он бежал со своим увесистым „верблюдом“, чтобы не опоздать!

Он не опоздал. И снял сенсационный кадр! Толстой не протестовал: кажется, ему было уже всё равно».

Газеты ликовали: Толстой в роли пильщика дров!¹⁹⁷ И если Софья Андреевна в этот период их совместной жизни в переносном смысле регулярно «пилит» Льва Николаевича, то Лев Николаевич в прямом смысле пилит... нет, конечно же, не Софью Андреевну, к которой он по-прежнему сохранял доброе отношение, а дрова. Это занятие, длившиеся около 20 минут, успокаивало Льва Николаевича, за ним Толстой, как говорится, отводил душу.

¹⁹⁶ Яснополянский сборник. Тула, 1962. С. 198.

¹⁹⁷ *Аннинский Л. А.* Лев Толстой и кинематограф. М., 1980. С. 53–54.

Л. Н. Толстой пилит дрова. Кочеты, 1910 г.

«Между тем кинооператор Дранков покорнейше напомнил старшей дочери Толстого Татьяне Львовне Сухотиной о её обещании устроить в Кочетах съёмку „Крестьянской свадьбы“. От Сухотиных пришло подтверждение. Дранков тотчас послал в Кочеты своего брата вместе с Николаем Феофановичем Козловским; те начали снимать, и скоро словенец Душан Маковицкий, старательно осваивавший русский крестьянский язык, сделал в дневнике следующую запись: „Днем Дранков снимал, как мананки сучили притуги (которыми притягивают, когда кроют соломой крыши) и другие работы по экономике Сухотиных“»¹⁹⁸.

«20 апреля 1910 г. в Ясной Поляне был Л. Андреев.

Встреча с Андреевым — кульминация толстовских связей с кино и база толстоведческих и киноведческих исследований по этой теме.

¹⁹⁸ Аннинский Л. А. Лев Толстой и кинематограф. М., 1980. С. 51.

Андреев провел в Ясной Поляне около суток и беседовал с Толстым несколько часов, причем часть беседы прошла без свидетелей. О беседе наедине мы можем судить по отзывам самих её участников: Л. Толстой поделился впечатлениями с А. Гольденвейзером, Л. Андреев — с корреспондентом „Утра России“, о кино в этой части упоминаний нет. Что же до разговора о людях, то его старательно записали, причем порознь, В. Булгаков и Д. Маковицкий. О кино речь зашла именно тут, но это не значит, что Толстой и Андреев, оставаясь с глазу на глаз, вовсе не касались этой темы. Просто оба они не придавали ей решающего значения: речь шла о вещах более острых и важных: о смертных приговорах и самоубийствах, о писательском съезде и о конфуцианстве, о пьянстве в народе и об издательстве „Посредник“. Не исключено, конечно, что и кинематограф фигурировал в беседе наедине. Во всяком случае, нелишне предположить — для надёжности, что, отвечая позднее, за обедом, Андрееву на тираду о кинематографе Толстой отреагировал не просто на эти слова (немедленно записанные Булгаковым и Маковицким), но и на более широкий спектр воззрений Андреева по части кино, проясненных в ходе длительной беседы»¹⁹⁹.

В 1877 г. американский изобретатель Томас Эдисон изобрел фонограф — аппарат для записи человеческого голоса. С предложением о звукозаписи выступлений он обратился ко многим видным светским и духовным сановникам, деятелям науки, литературы и искусства. Не стал исключением и Лев Николаевич Толстой.

Впервые запись голоса Льва Толстого состоялась в 1895 г. Следующая звукозапись читки Толстым в фонограф отрывков из его книги «На каждый день» была осуществлена при содействии ревностного почитателя творчества писателя полковника Афанасия Егинаца 22 марта 1908 г.

В июне 1908 г. непосредственно Томас Эдисон обратился к Л. Н. Толстому с просьбой записать на английском и французском языках обращение ко всем народам мира с призывом о налаживании всеобщего правопорядка. Лев Николаевич ответил

¹⁹⁹ *Аннинский Л.А.* Лев Толстой... С. 45.

(хоть и не сразу) согласием. Душан Петрович Маковицкий записал 23 декабря 1908 г.:

«Приехали двое от Эдисона с хорошим фонографом, для того чтобы записать голос Л[ьва] Н[иколеви́ча].

Лев Николаевич сегодня упражнялся, особенно в английском тексте. По-русски и по-французски хорошо наговорил. По-английски из текста „Царства Божия“ нехорошо вышло, запинался на двух словах. Завтра снова будет говорить»²⁰⁰.

По свидетельству одного из руководителей фирмы «Граммофон», он говорил: «Давайте народу полезные развлечения, дайте ему на ваших пластинках в популярном изложении мысли и советы хороших писателей, и пластинки принесут такую же пользу, как и книги»²⁰¹.

1 мая 1910 г. Лев Николаевич ходил из Ясной Поляны на шоссе смотреть гонку Москва — Орел, причем гонщики его узнали и махали шляпами. Толстой впервые увидел тогда автомобиль. Вот его реплики, записанные Булгаковым и Маковицким:

«Автомобили в нашей русской жизни... У иных лаптей нет, а тут автомобили...»

«Вот аэроплан я, должно быть, уже не увижу. А вот они (указывает на ребятишек) будут летать... Но я бы желал, чтобы лучше они пахали и стирали»²⁰².

²⁰⁰ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 3. С. 286.

²⁰¹ Живые слова наших писателей и общественных деятелей. М., 1910. С. 155.

²⁰² Там же. С. 44–45.

Глава IX

НАКАНУНЕ ГРОЗЫ

Будучи домашним врачом семьи Толстых, Душан Петрович не мог не быть свидетелем и в некоторой степени участником драматических событий, ставших причиной ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны.

Из дневника Д. П. Маковицкого, 16 марта 1909 г.

«Л.Н. пожелал уйти к себе. Вл. Гр. (Чертков) отвёз его в кресле. Была такая спокойная беседа, какая бывает тогда, когда отсутствует Софья Андреевна»²⁰³.

30 июля 1909 г. писатель записал в своем дневнике: «Разговор с Софьей Андреевной, как всегда невозможный». Вечером во время массаживания ноги Толстой сказал Д. П. Маковицкому:

«Обращаюсь к вам, как к близкому другу... Я хочу из дома уехать куда-нибудь за границу. Как быть с паспортом? Так, чтобы об этом никто не знал хоть месяц». Маковицкий ответил, что это возможно и что он слышал от гостящей в Ясной Поляне М. А. Маклаковой, что Софья Андреевна хочет предложить Л.Н. поехать в Стокгольм вместе с нею. Т. на это сказал: «Что же зависеть от истерической особы? Это не телесная, а душевная болезнь — эгоизм»²⁰⁴.

Желая хотя бы на время уехать от Софьи Андреевны, Толстой уже в 1909 г. продумывал вопрос о переходе границы без

²⁰³ Жданов В. А. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993. С. 287.

Примечание 1.

²⁰⁴ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 4. С. 25.

паспорта. Об этом он просил подробно разузнать Маковицкого, который в том же году ездил к себе на родину в Словакию. Душан Петрович, выполняя просьбу Льва Николаевича, подробно расспрашивал об этом матросов и рабочих, кто в своё время по разным мотивам бежал за границу, но потом вернулся в Россию.

11 июня 1910 г. В. Ф. Булгаков записал: «Проснувшись утром, узнал, что ночью в доме был большой переполох. Софья Андреевна продолжала требовать, чтобы Лев Николаевич взял свои дневники у Черткова, устроила ему бурную сцену. Сначала она лежала на полу его балкона, а потом убежала в парк. Просьбы Душана, Николая Николаевича Ге и Льва Львовича не могли ее заставить вернуться. Она требовала, чтобы за ней пришел Лев Николаевич. Наконец он пришёл, и она вернулась»²⁰⁵.

Вот что записал В. Ф. Булгаков 26 сентября 1910 г.: «С Марией Александровной (Шмидт. — В.Р.) мы вдруг услышали выстрел из комнаты Софьи Андреевны... Мария Александровна поспешила в комнату Софьи Андреевны. Та объяснила перепуганной старушке, что стреляла (в кого — неизвестно), но не попала, а только оглушила себя на одно ухо.

Приехал Лев Николаевич. Мы всё рассказали ему. Уже когда он ложился в своей комнате отдыхать, из спальни Софьи Андреевны послышался другой выстрел. Душан, бинтовавший Льву Николаевичу ногу, рассказывал, что Лев Николаевич выстрел слышал, но не пошёл на него... Оказывается, Софья Андреевна опять „пробовала“ — стреляла в шкаф.

Удивительно удобное место избрала она для этих баталий — дом старика Л. Н. Толстого»²⁰⁶.

3 августа 1910 г. после «тяжёлой сцены», устроенной Софьей Андреевной, Толстой просит Д. П. Маковицкого: «Скажите ей, что если она хочет меня уморить, то уморит»²⁰⁷.

10 сентября 1910 г. Д. П. Маковицкий пишет А. Б. Гольденвейзеру: «Софья Андреевна здесь неистовствует»²⁰⁸.

²⁰⁵ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... С. 278.

²⁰⁶ Там же. С. 347–348.

²⁰⁷ Маковицкий Д. П. У Толстого... Кн. 4. С. 314.

²⁰⁸ Гусев Н. Н. Летопись... С. 803.

На следующий день, 11 сентября, он записал в своем дневнике: «Софья Андреевна неистовствует уже третий день. Л. Н. посылал меня несколько раз к ней»²⁰⁹.

26 сентября 1910 г. Лев Николаевич в «Дневнике для одного себя» записал: «Опять сцены из-за того, что я повесил портреты как были... Душан говорит, что она стреляла из детского пистолета, чтобы испугать меня. Я не испугался и не ходил к ней. И действительно лучше. Но очень, очень трудно»²¹⁰.

Остаётся только поражаться силе любви Толстого, его деликатности, тактичности в общении с душевнобольной женой. Так как Душан Петрович Маковицкий был врачом общей практики — терапевтом и в необходимых случаях хирургом, то для обследования состояния здоровья Софьи Андреевны летом 1910 г. был приглашён специалист, «известный невропатолог», тогда доцент Московского университета Григорий Иванович Россолимо. Его диагноз: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой. В данный момент эпизодическое обострение».

Диагноз разъяснён в письме Г. И. Россолимо к Александре Львовне, отправленном уже после смерти Толстого: «Мнение моё о состоянии здоровья Софьи Андреевны, высказанное лично как покойному Льву Николаевичу, так и вам, сводилось к тому, что под влиянием упадочного периода жизни и сопряжённого с ним истощения регулирующих душевных сил, стали всё более и более выдвигаться основные особенности характера Софьи Андреевны. Последний же представляет собою сочетание двух дегенеративных конституций: истерической и паранойяльной. Первая сказывается в особенно яркой окраске всех переживаний; в сосредоточенности всех интересов вокруг собственной личности вплоть до принесения в жертву интересов истины и лучших чувств, до полной неразборчивости средств для достижения своих целей. Вторая конституция даёт себя знать в чрезмерной подозрительности и построенных на ней неправильных умозаключениях во всём

²⁰⁹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 4. С. 346.

²¹⁰ *Гусев Н. Н.* Летопись... С. 808.

том, что касалось Льва Николаевича, его учения, отношения к В.Г. Черткову и т.д.»²¹¹.

3 октября 1910 г. «Сказалось длительное и постоянное нервное напряжение — вечером у Толстого был сильный припадок с судорогами и потерей сознания. Уже во время обеда стало ясно, что Толстому нехорошо, бессмысленные глаза какие — это Софье Андреевне было знакомо — бывали у него перед припадком. После обеда Толстой прилёг и стал бредить, шевеля челюстями, издавая нечто вроде мычания. Во время сильных судорог Толстого держали за ноги Бирюков, Булгаков, Маковицкий. Тело билось и трепетало. Между припадками Лев Николаевич прошил свечу и карандаш и водил рукой по подушке и салфетке, как будто бы писал, пытаясь диктовать; выходило что-то бессвязное: „Общество...общество насчет трех... общество насчет трех...Разумность...разумность ...разумность...“ Софья Андреевна пыталась взять у него блокнот, накрытый платком, приговаривая: „Левочка, перестань, милый, ну, что ты напишешь. Ведь это платок, отдай мне его“. Но Толстой мотал отрицательно головой и упорно продолжал водить рукой с карандашом по платку. Валентин Булгаков вспоминал, что ему весь вечер мерещилось лицо Толстого — „страшное, мертвенно бледное, насупившееся и с каким-то упрямым решительным выражением“. Все были напуганы, но подчинялись своевременно отдаваемым приказаниям Душана Петровича. Запиской от Булгакова вызвали Александру Львовну. Рыдала Софья Андреевна, упав на колени и целуя ногу Льва Николаевича, но не вмешиваясь в распоряжения Маковицкого, не вносила, как нередко бывало раньше во время болезни мужа, суету. Впечатление она производила жалкое. Когда Толстой пришёл в себя, он с удивлением обнаружил в комнате Душана и Софью Андреевну, — что с ним было, не помнил. Но бред прошёл. Постепенно вернулось сознание. Через день он уже занимался привычным литературным трудом»²¹².

²¹¹ *Порудалинский В.И.* Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины. СПб., 2012. С. 338–339.

²¹² *Зверев А.М., Туниманов В.Д.* Лев Толстой. М., 2006. С. 699–700.

16 октября на верховой прогулке Толстой говорит Д. П. Маковицкому про свои отношения к жене: «Это испытание. Она жалка, другим осуждать её легко. Когда связан с нею... я не могу». На слова Маковицкого, что С.А. лишь «доигрывает взятую на себя роль сумасшедшей, которая трудна для неё, и для неё самой было бы облегчением, если бы Л.Н. перестал считаться с её притворством», Т. ответил, что знает это, но — «я не могу»²¹³.

Тревожная обстановка в яснополянском доме в последние три года жизни Льва Николаевича производила гнетущее впечатление и на гостей Толстых. Вот как об этом вспоминал давний друг семьи писателя Александр Борисович Гольденвейзер: 29 июля 1908 г. «Лев Николаевич чувствует себя плохо, нога не лучше. Боли в животе, Софья Андреевна уверяла, что Душан Петрович не так питает Льва Николаевича, как нужно. Перед моим приходом был у нее по этому поводу со Львом Николаевичем резкий разговор. Я пришел в залу, Лев Николаевич в кресле обедал и был, видимо, очень расстроен. В комнате были Николаев, Душан Петрович, Мария Николаевна. Мы стали в шахматы играть. Лев Николаевич играл вяло. Был расстроен тем, что раздраженно говорил с Софьей Андреевной, и беспокоился, что она, очевидно, рассерженная, ушла и не заходила в столовую. Я не был при инциденте, но понял, что Льву Николаевичу были неприятны резкие замечания Софьи Андреевны о Душане Петровиче. Лев Николаевич побыл недолго, попросил, чтобы его свезли в его комнату, и больше не выезжал оттуда. Было тяжело»²¹⁴.

В своих воспоминаниях Илья Львович Толстой приводит выдержку из краткой автобиографии Софьи Андреевны Толстой «„...Лев Николаевич все чаще грозил уходом из дому, и эта угроза ещё больше мучила меня и усиливала мое нервное, болезненное состояние“».

Действительно, надо сказать, что нервность матери одно время довела её до полной невменяемости.

²¹³ *Маковицкий Д. П.* У Толстого... Кн. 4. С. 383.

²¹⁴ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого... С. 186–187.

Например, она как-то простудилась, и наш домашний доктор Душан Петрович Маковицкий (святая душа) дал ей какое-то лекарство. Вдруг она вскочила, стала всех созывать и стала уверять, что Маковицкий её отравил»²¹⁵.

Еще 7 августа 1909 г. Толстой просил Маковицкого: «Узнайте, как можно переправиться через границу. Хочется уединения, удалиться от суеты мирской, как буддийские старики делают, вам одному говорю»²¹⁶.

А 27 октября 1910 г. Л.Н. «вчера меня спрашивал, когда утром идут поезда на юг»²¹⁷.

Из записок Петра Алексеевича Сергеенко: 14 октября 1910 г. «Здоровье Л.Н. хорошо. Душан Петрович рассказывал мне, что 14-го в тот день, когда Софья Андреевна написала Л.Н. свое письмо, он ожидал, что у Л.Н. будет вечером опять припадок. Л.Н. с утра был слабый, голос у него был вялый, и когда он говорил, губы у него слабо двигались, рот едва открывался. Все это, особенно то, что слабо двигались губы, было для Душана Петровича нехорошим признаком. Но несмотря на свою слабость, Л.Н. все-таки решил после завтрака поехать на прогулку. Душан Петрович пробовал было его отговорить, но Л.Н. сказал, что поедет верхом потихоньку и что он чувствует — ему будет лучше от прогулки. Душан Петрович не мог больше отговаривать, и они поехали.

Отъехали они шагом. Л.Н. ехал впереди. Душан Петрович тревожился за него: он был слишком слаб. Но проехав шагом некоторое расстояние, Л.Н. припустил лошадь, а затем остановил её и подозвал к себе Душана Петровича. И Душан Петрович не поверил своим глазам. Это был совсем другой Лев Николаевич, чем четверть часа тому назад. Лицо оживленное, свежее, голос громкий и губы, по словам Душана Петровича, совершенно „жизненные“. Они долго ездили, и Л.Н., как обыкновенно выбирал наиболее трудные места для проезда. Особенно изумил Л.Н. Душана Петровича тем, как они переехали один овраг с очень крутыми сторонами. Спуск и подъём на другую сторону

²¹⁵ Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 2000. С. 377–378.

²¹⁶ Маковицкий Д.П. У Толстого... Кн. 4. С. 35.

²¹⁷ Там же. С. 397.

были настолько круты, что Душан Петрович слез и вел лошадь в поводу; а Л.Н. спустился на лошади, уверенный, как он говорил, в крепких задних ногах Делира, и одним махом взял гору и с такой лёгкостью, быстротой и ловкостью, что Душан Петрович нашёл это удивительным даже для Л.Н. Рассказывая об этом, Душан Петрович сказал, что надо было бы над этим оврагом поставить доску с надписью: „Здесь спускался и поднимался Лев Толстой“».

*Л.Н. Толстой и Д.П. Маковицкий. Ясная Поляна,
31 января 1910 г. Фото А.И. Савельева*

О том, что верховая езда оказывала на Льва Николаевича благотворное, поистине омолаживающее воздействие, красноречиво свидетельствует и эпизод, произошедший буквально в один из последних дней пребывания Толстого в Ясной Поляне.

24 октября 1910 г. «...Лев Николаевич отправился на свою обычную прогулку.

Вернувшись, он, не заходя к себе, пришёл в залу. Он весь искрился каким-то особенным оживлением; ни следа утомления от верховой прогулки после нескольких часов работы и утренней ходьбы по грязи и под дождём не было заметно на его свежем, улыбающемся лице. Глаза сияли.

„Что с нами сейчас было! — тотчас же начал он рассказывать, стоя, заложив руки за кожаный пояс. — Каких чудесных ребятшек мы встретили! Заехали мы с Душаном Петровичем далеко, дорога ужасная. Вдруг видим, — кучка детей столпилась. Подъезжаю — оказывается, из школы идут по домам, из далёких деревень. Окружили одного самого маленького. Говорят, он устал очень, а идти ему ещё далеко. Я и говорю: «Полезай ко мне на лошадь, я тебя довезу». Славный такой мальчишка, маленький совсем. Душан Петрович слез с лошади и посадил его ко мне за спину. Так что же вы думаете? Лошадь моя как затанцует — и не с места! Пришлось мальчишку спустить на землю. Жаль! Какие славные ребята!“

Лев Николаевич говорил все это с непередаваемой добротой и лаской. Видно было, что эта встреча произвела на него какое-то особенно хорошее впечатление.

Душан Петрович приезжал к Анне Константиновне (жене В. Г. Черткова. — В.Р.) 16-го утром. У нее была сильная невралгия глаза и головная боль. По ее словам, в Ясной Поляне всё более или менее спокойно: „Софья Андреевна пилит Л.Н., но не очень“²¹⁸.

То, что в яснополянском доме не всё благополучно, косвенно подтверждает и В. Г. Короленко в своем письме к Т. А. Богданович от 7 августа 1910 г.:

²¹⁸ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978, Н. Альмединген. «Два дня в Ясной Поляне». С. 421.

«Опять в поезде, уже из Тулы. Утром встал часов около шести и вышел погулять по мокрым аллеям. Здесь меня встретил доктор и друг дома Душан Петрович, словенец из Венгрии, — фигура очень приятная и располагающая. Осторожно и тактично он ввёл меня в «злобы дня» данной семейной ситуации и многое, что вчера мне говорила Софья Андреевна, — стало вдруг понятно»²¹⁹.

27 октября 1910 г. состоялась «последняя поездка верхом с Д. П. Маковицким — 16 верст. Переправа через глубокий овраг с крутыми краями и ползком через замерший ручей»²²⁰.

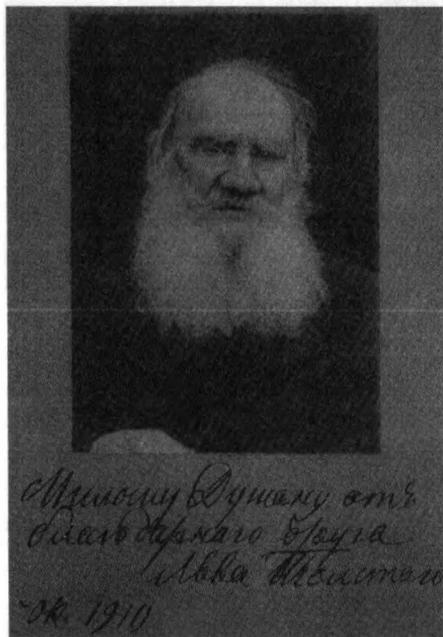
Толстой среди больных и врачей Троицкой окружной психиатрической больницы. Лев Николаевич разговаривает с больным, считающим себя Петром Великим. Справа от него — Д. П. Маковицкий и врач Сотин; второй справа в первом ряду — врач Каменский. Мещерское, 19 июня 1910 г. Фото В. Г. Черткова

²¹⁹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого... С. 590–591.

²²⁰ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 248.

*В деревню Ясная Поляна на открытие народной библиотеки.
Колонну замыкает Д. П. Маковицкий. 1910 г.*

*Л. Н. Толстой. Крекшино,
5–18 сентября 1909 г.
Фото В. Г. Черткова
с дарственной надписью
Толстого Маковицкому:
«Милому Душану
от благодарного друга
Льва Толстого. Ок. 1910»*

Глава X

«ДРУГ ПОЗНАЁТСЯ В БЕДЕ»

«В ночь на 28 октября 1910 г. Льва Николаевича разбудил шорох в кабинете. Софья Андреевна осматривала его бумаги. Он окликнул её! Она сказала, что зашла сюда, чтобы взглянуть, не забежал ли сюда Коток (щенок-лайка, подаренный отцу Сергеем Львовичем). Лев Николаевич весь дрожал от волнения и больше не мог уснуть. Когда в доме стало тихо, он встал, не обуваясь, с замирающим сердцем запер дверь к Софье Андреевне. Щелкнул замок, он затих. Но никто не проснулся. Он достал чемодан из коридорчика, который был близ спальни Софьи Андреевны, и снёс в свою комнату»²²¹.

Далее следуют воспоминания Душана Петровича Маковицкого: «28 октября утром в 3 часа Лев Николаевич в халате, в туфлях на босые ноги, со свечой разбудил меня, лицо страдающее, взволнованное и решительное, сказал мне: „Я решил уехать. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, но только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будет брать, самое нужное“»²²².

²²¹ Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 168.

²²² *Каши́нский П. Д.* Домик на станции Лев Толстой. Липецк, 1959. С. 25. Далее следует серия рисунков замечательного московского художника Владимира Илларионовича Россинского (1874–1919), для которого Толстой – самая большая любовь, его идеал. При жизни писателя художник не осмелился писать его с натуры. Смерть Льва Николаевича побудила Россинского понять трагедию Толстого. Александра Львовна одобрила замысел художника. Она просила Душана Петровича оказать содействие в его работе. Труд Россинского был высоко оценен современниками и родственниками Л. Н. Толстого.

Душан Петрович разбудил Александру Львовну и её подругу Варвару Михайловну Феокритову, помогавшую ей в переписке работ Льва Николаевича, и они собрали самое необходимое бельё, кое-что из провизии и т.д. Лев Николаевич старался брать как можно меньше, выбирал всё, что было попроще, постарее.

«Но вышло иначе, — вспоминал Маковицкий, — когда мы кончили укладывать вещи, оказалось их много: большой дорожный чемодан и ещё большая связка — плед, пальто, корзинка»²²³.

Д. П. Маковицкий так рассказывает о последних часах пребывания Толстого в Ясной Поляне:

«Вскоре Толстой сошёл вниз и ушёл, торопясь в кучерскую, которая была в некотором расстоянии от дома, будить кучера закладывать лошадей. Ещё не было пяти утра. Ночь была темная, и Лев Николаевич заблудился. Свернул с дорожки через яблоневый сад, потерял шапку. Долго её искал с электрическим фонарём и не нашёл. И так без шапки дошёл до кучерской, разбудил Андрея Петровича. Кучер Андрей Петрович Елисеев направился на конюшню и запряг лошадей. Потом, чтобы не разбудить никого в доме, они вынесли вещи через двор и сад к конюшням и около 6 часов утра сели вдвоём с Душаном Петровичем в экипаж»²²⁴.

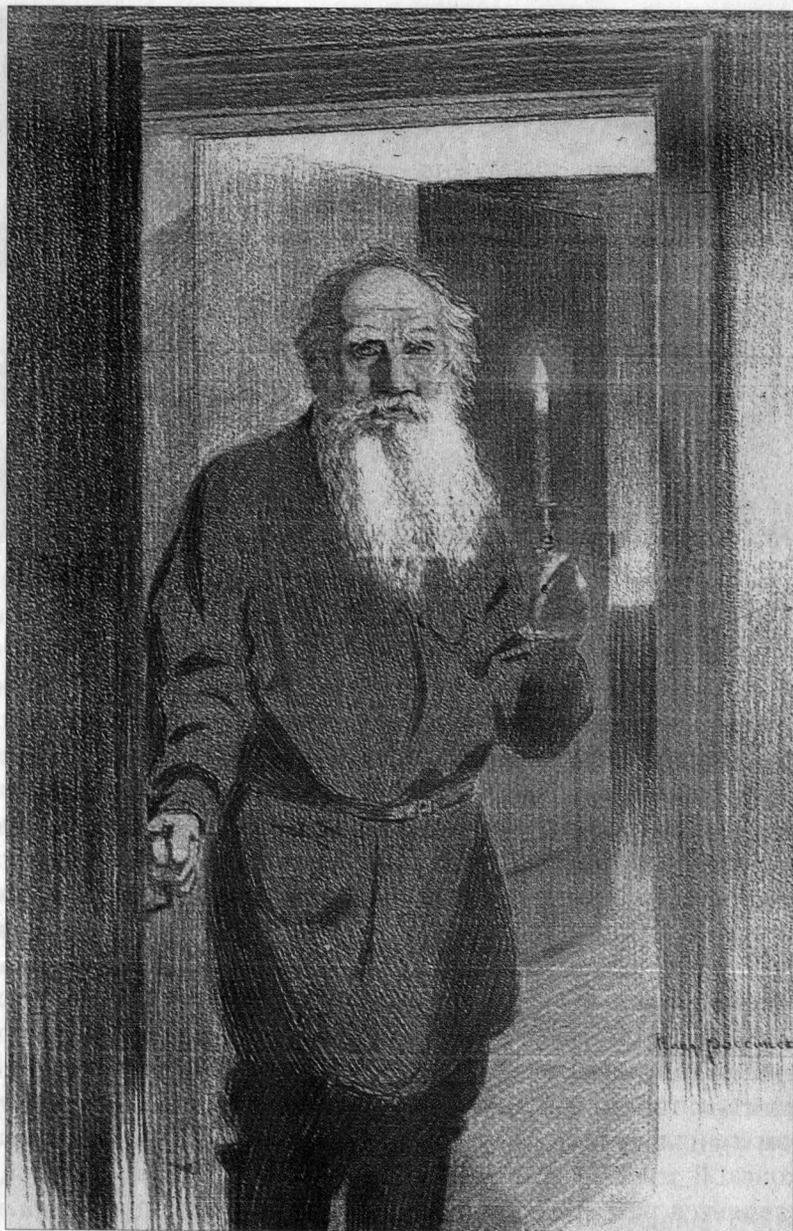
«Из Ясной Поляны на станцию Щекино Толстой и Маковицкого вёз конюх Филипп Петрович Борисов»²²⁵.

Кроме багажа, Лев Николаевич и Душан Петрович из Ясной Поляны взяли с собой денег всего 32 рубля. Ни о каком легкомыслии двух пожилых мужчин не может быть и речи. Во-первых, поисками денег, достаточных для длительной поездки, Лев Николаевич не хотел разбудить Софью Андреевну; во-вторых, планы поездки на Кавказ или в Болгарию возникли уже в пути; в-третьих, увозом крупной суммы денег Лев Николаевич не хотел осложнять финансовое положение Софьи Андреевны и многочисленной семьи. При всей невозможности их совместного проживания Лев Николаевич по-прежнему любил Софью Андреевну.

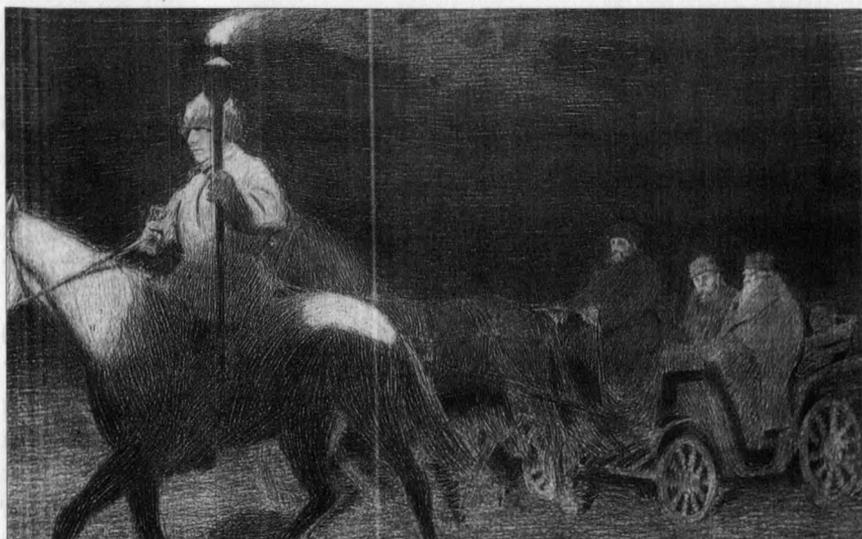
²²³ Толстой и о Толстом. Вып. 1. М., 1998. С. 300–301.

²²⁴ Ксенофонов А. И. Заповедник музея-усадьбы «Ясная Поляна». Тула, 1970. С. 46.

²²⁵ Яснополянский сборник. Тула, 1962. С. 189.

Объявление об отъезде

Отъезд

Для многих друзей, единомышленников Толстого, хорошо знавших о той обстановке в яснополянском доме, в которой приходилось жить писателю в последние годы и особенно месяцы жизни, его уход не был неожиданным. И хотя эта акция Толстого была предельно радикальной, всё же успокоение вносило сознание того, что рядом с Львом Николаевичем — человек, в преданности и самоотверженности которого невозможно усомниться. Вот что писал 31 октября 1910 г. в московской газете «Утро России» № 288, в статье «Бегство из великого плена», С. С. Раецкий:

«Неожиданный отъезд Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, глубоко взволновавший все слои русского общества, среди московских толстовцев, как это ни странно, не вызвал тревоги. Нам пришлось беседовать с некоторыми представителями московской толстовской колонии. Особенно интересным представляется разговор с видным толстовцем, стоящим во главе крупного книгоиздательства, издающего преимущественно произведения Л. Н. Толстого и книги, посвященные идеям по-

следнего (имеется в виду Иван Иванович Горбунов-Посадов, руководитель издательства „Посредник“).

„Я совершенно спокоен, — заметил нам наш собеседник, — за дорогого Льва Николаевича. Уехал он с таким преданным ему человеком, как доктор Маковицкий, который глубоко любит Льва Николаевича. Нужно предположить, что Маковицкий и решил-ся сопровождать писателя исключительно потому, что не желает ни на минуту оставлять его одного. Тревожиться и опасаться, что с Львом Николаевичем что-нибудь может случиться в пути или на новом месте, поэтому нет никаких оснований... Нужно быть во всяком случае уверенным, что доктор Маковицкий примет все меры к тому, чтобы жизнь дорогого старца и на новом месте протекала в спокойной благоприятной и уютной обстановке“²²⁶.

В своём письме в редакцию газеты «Русские ведомости», опубликованном 2 ноября 1910 г., В. Г. Чертков писал, что «Ушёл Л. Н-ч с другом своим, доктором Маковицким, жившим с ним уже много лет и обществом которого он дорожил не ради его медицинской специальности (к которой, как известно Л. Н-ч относился отрицательно), а в виду своей личной дружбы и доверия к нему...²²⁷»

В народе недаром говорится: «Надежда умирает последней». Да, и Душан Петрович, и Александра Львовна, люди, умудренные жизненным опытом, хорошо понимали, что отъезд Льва Николаевича из Ясной Поляны сопряжён с очень большим риском для его здоровья и даже жизни. И всё-таки они отчаянно надеялись, что могучий организм Льва Николаевича сможет преодолеть все трудности в пути к более или менее надёжному пристанищу и Лев Николаевич обретёт новые физические и творческие силы. Будь на месте Маковицкого и Александры Львовны те, кто сейчас обвиняют Душана Петровича в его неспособности отговорить Льва Николаевича от отъезда (а эта мысль буквально страшила Толстого), и они не смогли бы противостоять мощному, ураганному натиску

²²⁶ Уход и смерть Льва Толстого. Корреспонденции. Статьи. Очерки. СПб., 2010. С. 44.

²²⁷ Русские ведомости. № 252 за 2 ноября 1910 г. С. 2.

воли писателя. Верный себе в своем отношении ко Льву Николаевичу, Маковицкий в этот момент и не думал возражать ему, безропотно подчиняясь диктату Толстого. Не следует забывать, что и сам Толстой, и его окружение уже давно психологически были готовы к принятию такого решения. Именно как врач Маковицкий осознавал, что отъезд из Ясной Поляны облегчит страдания Льва Николаевича, внесёт успокоение в его истерзанную душу. Вот почему действия Душана Петровича в момент кризиса, достигшего своего апогея, были абсолютно правильными. И Маковицкий, и Александра Львовна в ту беспокойную ночь на 28 октября 1910 г. ясно поняли, что Толстой решил перейти Рубикон. И он его перешёл!

При отъезде из дома у Толстого не было определённого плана действий. Д. П. Маковицкий первоначально предложил ему временно направиться в Бессарабию, к знакомому рабочему И. С. Гусарову, жившему там с семьёй на земле. На это Толстой ничего не ответил²²⁸.

«...Когда подъехали к станции Ясенки (ныне Шекино), оказалось, что первый поезд отходил на юг. Лев Николаевич так боялся погони, упрасиваний вернуться, упрёков, слёз, что решил ехать с первым поездом. Уже в поезде было решено сначала поехать к сестре Льва Николаевича — монахини Марии Николаевне, жившей в женском монастыре в Шамордине Калужской губернии, близ Оптиной пустыни.

В пути Лев Николаевич писал дочери Александре Львовне: „Трудно. Не могу не чувствовать большой тяжести... Я желаю одного — свободы от нее, от этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто все её существо... Едем в Шамордино. Душан разрывается, и физически мне прелестно“»²²⁹.

«В Горбачеве, после пересадки, Лев Николаевич попал в такой душный, прокуренный вагон, что сидеть там не мог; ему делалось дурно. Он вышел на площадку и долго стоял на сквозняке. Уже в Шамордине он почувствовал себя плохо»²³⁰. Маковицкий

²²⁸ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 412.

²²⁹ Гусев Н. Н. Летопись... С. 823.

²³⁰ Л. Н. Толстой и его близкие. С. 170.

По дороге в Козельск

полагает, что болезнь Толстого началась утром 30 октября: слабость, сонливость, сильная зевота. Маковицкого удивило и то, что накануне вечером Толстой оговорился, назвав его Душаном Ивановичем²³¹.

И всё же Толстой решил ехать дальше. Не отговорили Льва Николаевича не продолжать путь и приехавшие в Шамордино Александра Львовна Толстая и Варвара Михайловна Феокритова. Дочь писателя положила в карман Душана Петровича 200 рублей.

Вот что вспоминала Александра Львовна о вечере накануне отъезда из Шамордино:

«Мы (с Душаном Петровичем и В. М. Феокритовой. — В.Р.) сидели за столом и смотрели в раскрытую карту, форточка была растворена, я хотела затворить ее.

— Оставь, — сказал отец, — жарко. Что это вы смотрите?

— Карту, — сказал Душан Петрович, — коли ехать, то надо знать, куда.

— Ну, покажите мне.

И все мы, наклонившись над столом, стали совещаться, куда ехать»²³².

«Возвратившись из Шамордина в Козельск, Лев Николаевич и его спутники взяли билеты до станции Дворики, а уже оттуда, чтобы запутать тех, кто его стал бы искать, — до Ростова-на-Дону.

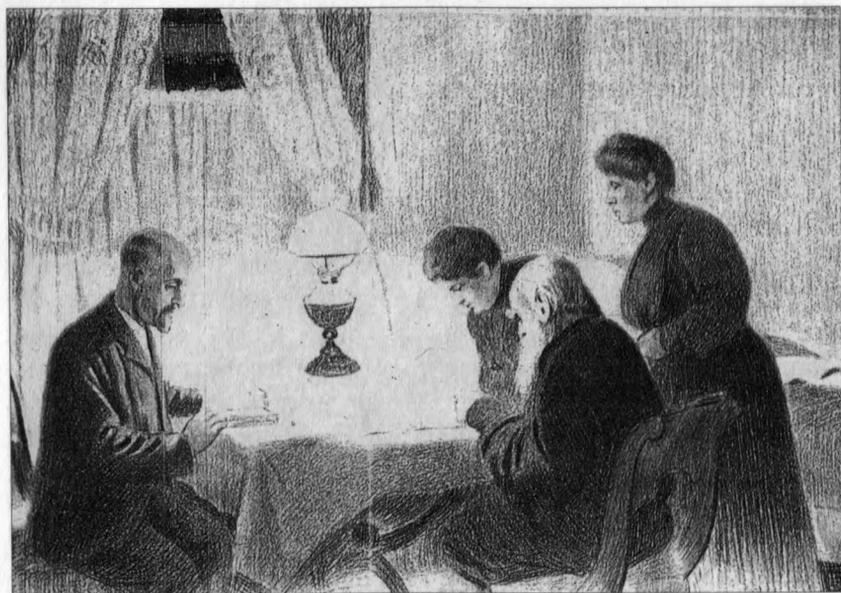
В поезде они решили ехать в Новочеркасск, где жила племянница Льва Николаевича, а оттуда — или на Кавказ на постоянное жительство, или в Болгарию»²³³.

Позднее Александра Львовна Толстая вспоминала: утром 31 октября 1910 г. «...выехали из Шамордино. В вагоне люди унавали и не успели мы оглянуться, как известие о том, что Толстой едет в этом вагоне, облетело весь поезд. Стали появляться любопытные. Кондуктора были очень любезны, устроили отца

²³¹ *Зверев А. М., Тулиманов В. Д.* Лев Толстой. М., 2006. С. 709.

²³² *Бирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. Кн. 2. М., 2000. С. 632.

²³³ *Кашменский П. Д.* Домик... С. 25.

Совещание о дальнейшей дороге. Шамордино

в отдельное купе, помогли мне в своем отделении сварить отцу овсянку, отгоняли любопытных.

В четвертом часу отец позвал меня, его знобило. Я укрыла его (потеплее), поставила градусник — жар...

Душное купе второго класса накуренного вагона, кругом совсем чужие, любопытные люди, равномерно стучит, унося нас всё дальше и дальше в неизвестность, холодный, равнодушный поезд, а под грудой одежды, уткнувшись в подушку, тихо стонет обессиленный больной старик. Его надо раздеть, уложить, напоить горячим... А поезд несется всё дальше, дальше... Куда? Где пристанище, где наш дом?

Отец понял, протянул мне руку, крепко пожал ее. „Не унывай, Саша, всё хорошо, очень, очень хорошо“.

На ближайшей станции я побежала за кипятком. Душан сказал, что отца надо напоить чаем с вином, может быть, это поможет. Но... озноб продолжался, температура поднималась.

На станции я заметила двух людей, они следили за нами, при отходе поезда вскочили в наш вагон. Как оказалось потом, я была права. Из г. Белева жандармское управление приказало жандармскому унтер-офицеру немедленно справиться, едет ли с этим поездом писатель Лев Толстой?

Посоветовавшись с Душаном, мы решили, что ехать дальше невозможно. Часам к восьми вечера поезд подошёл к большой, ярко освещенной станции. Это было Астапово. Душан Петрович куда-то убежал и через четверть часа пришёл с каким-то господином, одетым в железнодорожную форму. Это был начальник станции (Иван Иванович Озолин. — В.Р.). Он обещал дать комнату в своей квартире, где бы можно было уложить в постель больного, и мы решили здесь остаться. Отец встал, его одели, и он, поддерживаемый Душаном Петровичем и начальником станции, вышел из вагона, мы же с Варварой Михайловной остались, чтобы собрать вещи.

Когда мы пришли на вокзал, мы нашли отца сидящим в дамской комнате на диване в своем коричневом пальто, с палкой в руке. Он весь дрожал с головы до ног...

Душан Петрович, Варвара Михайловна и начальник станции ушли приготавливать комнату. Мы сидели с отцом и ждали.

Но вот за нами пришли. Снова отца взяли под руки и повели. Когда проходили мимо публики, столпившейся в зале, все снимали шляпы, отец, дотрагиваясь до своей шляпы, всем отвечал на поклоны. Я видела, как трудно ему было идти, он то и дело покачивался и почти висел на руках тех, кто его вёл. Дом начальника станции находился в нескольких шагах от вокзала»²³⁴.

«Когда вошли в комнату начальника станции, служившую ему гостиной, там уже была поставлена у стены пружинная кровать, и мы с В.М. (Феокритовой) тотчас же разложили чемоданы и принялись стелить постель. Отец сидел в шубе на стуле и всё так же зяб. Когда постель была готова, мы предложили ему раздеться и лечь, но он отказался, говоря, что он не

²³⁴ Толстая А.Л. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого. Труды музея-усадьбы «Ясная Поляна». 1928. С. 29–30.

Станция Астапово. 7–8 ноября 1910 г. Фото А.И. Савельева

может лечь, пока всё не будет приготовлено для ночлега как всегда.

„Я не могу ещё лечь, сделайте так, как всегда. Поставьте ночной столик у постели, стул“.

Когда это было сделано, он стал просить, чтобы на столик была поставлена свеча, спички, положена его записная книжка, фонарик и всё, к чему он привык дома. Когда всё было сделано, мы снова стали просить его лечь, но он всё отказывался. Мы поняли, что положение очень серьезное и что, как это бывало и прежде, он мог каждую минуту впасть в беспамятство. Душан Петрович, Варя и я стали понемногу раздевать его и, не спрашивая его более, почти перенесли его на кровать»²³⁵.

Со Львом Николаевичем произошёл непродолжительный (около минуты) припадок судороги в левой руке и левой половине лица, сопровождавшийся обморочным состоянием.

²³⁵ Л. Н. Толстой в Астапове и царская власть. Рязань, 1995. С. 12–13.

«К 9 часам стало лучше. Лев Николаевич тихо дышал; дыхание было ровное, спокойное. Но затем ночью 31 октября на 1 ноября Л.Н. стало очень плохо. К утру температура спала до 36,2. Л.Н. чувствовал большую слабость»²³⁶.

«1 ноября 1910 г. Д. П. Маковицкий и местный железнодорожный врач Л. И. Стоковский находят у Толстого воспаление лёгких»²³⁷.

Художник Владимир Илларионович Россинский, написавший несколько рисунков о жизни Толстого в его последние дни, так комментирует рисунок, относящийся к эпизоду 1 ноября 1910 г.:

«...Маковицкий принёс большой дневник».

«Л.Н. лежал на спине, подобравши колени,— рассказывает Д.П.— Когда я подошёл к нему с тетрадкой дневника, он попросил меня поддержать ему; взял бывший около картон, положил на него тетрадку дневника и, став на колени у кровати Л.Н., так держал ему, пока он писал.

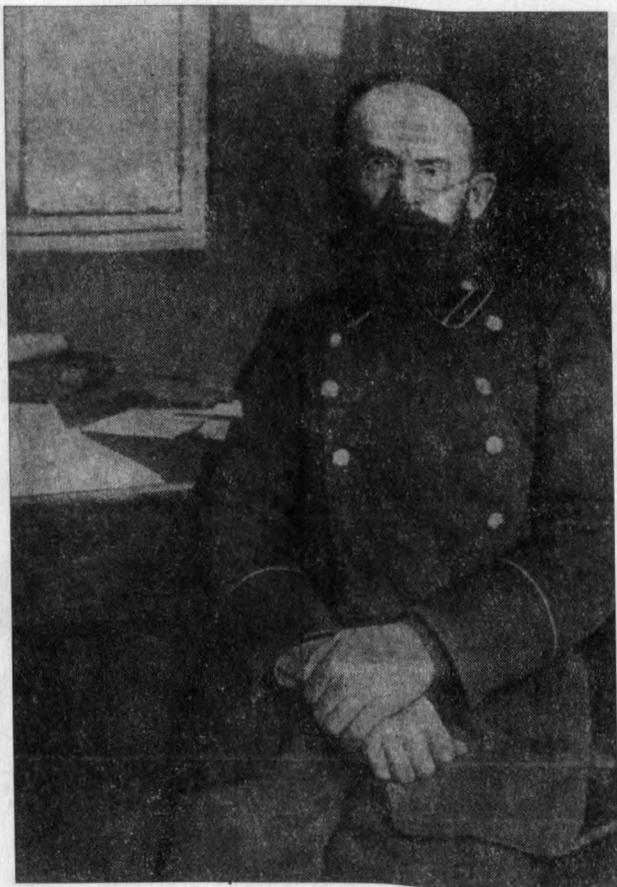
„Вот и план мой. Fairs re que, doit ads...и всё на благо другим, а главное — мне“. Этими словами заканчивается навсегда дневник Л.Н.».

В статье Л. Прокопенко, опубликованной в липецкой газете «Ленинское знамя» 15 апреля 1956 г., рассказывается о том, что в Саратове проживает внучка Ивана Ивановича Озолина Зинаида Григорьевна Урпалова, у которой хранятся редкие фотографии. На одной из них — Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий за беседой в яснополянском парке: эту фотографию домашний врач Льва Николаевича подарил начальнику станции Астапово за то, что тот оказал большую помощь писателю...

...Телеграммы в газетах о болезни Льва Николаевича становятся всё обширнее, подробнее и тревожнее. На одном из фотоснимков изображено, как Д. П. Маковицкий в форточку из квартиры Озолина сообщает корреспондентам о состоянии здоровья Л. Н. Толстого...

²³⁶ Бирюков П. А. Биография Л. Н. Толстого. Т. IV. М., 2010. С. 242–243.

²³⁷ Толстая А. Л. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого. С. 161.

Начальник станции Астаново И. И. Озолин. 1910 г.

2 ноября в 11 час. 44 мин. вечера «пришел экстренный поезд. Душан Петрович пошел встречать. Как всегда бывает, засуетились, забегали по платформе, и через несколько минут в окно я увидела фигуру матери под руку с кем-то из братьев. Она просила показать ей дом, в котором находился отец»²³⁸.

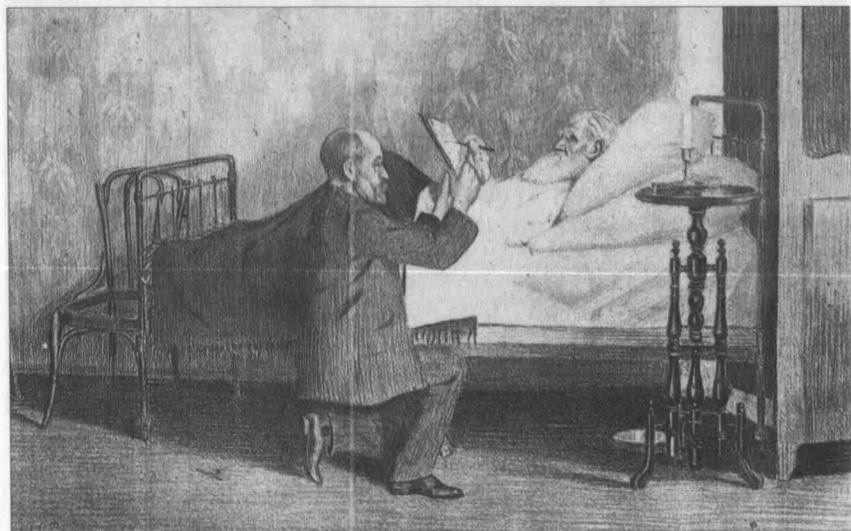
²³⁸ Последние дни Л. Н. Толстого. Альбом Владимира Россинского. М., 1911. С. 8.

*Приезд в Астаново (в дамской комнате).
Справа — Д. П. Маковицкий. 1911 г. Рисунок В. И. Россинского*

*Приход в квартиру начальника станции Астапово.
Второй слева — Д. П. Маковицкий. 1911 г. Рисунок В. И. Россинского*

Последняя страничка дневника

«Несчастье, как верно определил Маковицкий, сблизило Толстых; на семейных советах было полное согласие»²³⁹. «Возвратившись, Душан Петрович передал нам, что вся семья согласилась с тем, что матери не следует входить к отцу, считая, что потрясение от этого свидания может быть губительным для его жизни»²⁴⁰.

Свидетельствует врач А. П. Семеновский: «Маковицкого Софья Андреевна спрашивает, куда они ехали. Д. П. тем же ровным голосом, с той же интонацией, не обращая внимания на повышенный тон графини, говорит, что далеко. „Ну куда же?“ — „Сначала в Ростов-на-Дону, там паспорта заграничные хотели взять“. — „Ну, а дальше?“ — „В Одессу“ — „Дальше?“ — „В Константинополь“. — „А потом куда?“ — „В Болгарию“ — „Есть ли у вас деньги?“ — „Денег достаточно“ — „Ну, сколько?“ — „Достаточно“. Тут же выясняется, что Душан Петрович и Лев Николаевич взяли из дома 32 рубля. Только Александра Львовна доставила еще 200 рублей. (Как мне потом рассказывали, Д. П. на станциях, когда брал билеты, заявлял в кассе, что берет для Толстого, а потом сочтемся. Билеты будто бы давали.) Далее он рассказывает, что ехали они в III классе»²⁴¹.

...На календарном листе, посвященном жизни Толстого 3 ноября, — текст телеграммы врачей Д. В. Никитина и Д. П. Маковицкого в редакцию газеты «Русские ведомости», в которой они с тревогой пишут о «значительном ослаблении сердечной деятельности у больного писателя, о перебоях пульса, увеличении печени, отсутствии аппетита...».

3 ноября 1910 г. в 2 часа 50 мин. дня железнодорожный врач при станции Астапово Л. И. Стоковский направил телеграмму врачу управления Рязано-Уральской ж. д. А. А. Гамбурцеву: «Вчера состоялся консилиум из врачей Маковецкого, Данковского земского врача Семеновского и меня. Диагноз: пневмония; положение серьезное. Сегодня прибыл из Москвы доктор Никитин»²⁴².

²³⁹ *Зверев А. М., Туниманов В. Д.* Лев Толстой. М., 2006. С. 712.

²⁴⁰ *Толстая А. Л.* Об уходе... С. 42.

²⁴¹ *Апостолов Н. Н.* Живой Толстой. М., 2001. С. 696.

²⁴² Смерть Толстого по новым материалам. 1929. № 72. М.: Изд-во Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. С. 36–37.

«В дни болезни Толстого в Астапово находились хорошо знакомые ему и неоднократно лечившие его врачи — Дмитрий Васильевич Никитин, Григорий Моисеевич Беркенгейм, В. А. Щуровский, П. С. Усов, Душан Петрович Маковицкий. Шестым был врач Данковской земской больницы А. П. Семёновский»²⁴³.

3 ноября 1910 г. 6 час. 40 мин. вечера. Телеграмма Александры Львовны Толстой А. М. Хирьякову: «Бюллетень. Воспаление нижней доли левого легкого, распространённый бронхит. Температура вчера вечером 39 один, ночью пот, сегодня утром 36 семь, вечером четыре дня 37 три. Значительное ослабление сердечной деятельности, пульс частый, перебоями. Печень увеличена, болезненна, аппетита нет. Врачи Никитин, Маковицкий. Полное сознание, интересуется всем, душевно бодрее, чем вчера»²⁴⁴.

«В 7 часов снова померили температуру. Было 39,2. Отец сам посмотрел градусник и сказал:

— Да, нехорошо, прибавилось.

Вообще он в первые дни болезни очень часто по собственному желанию ставил градусник и сам смотрел, прося ему посветить, когда бывало темно.

— Чем вы определяете это? — спросил он у Душана Петровича. — Что это за болезнь?

— Я думаю, катар легких, — сказал Душан Петрович.

— А при этом бывает такой жар?

— Да.

Но всем было совершенно ясно, что это был не катар, а что это начиналось ползучее воспаление лёгких»²⁴⁵.

«Несмотря на сильный жар и мучительную изжогу, может быть под влиянием радостного свидания с другом (Владимиром Григорьевичем Чертковым, приехавшим в Астапово. — В.Р.), в этот день настроение отца не было подавленным, он даже шутил. Почему-то вспомнил, как Душан Петрович смешно выговаривал слова: „Порошки, прошу дать мне покой“. Отец при этом так добродушно и весело смеялся, что мы, несмотря

²⁴³ Толстой И. Л. Мои Воспоминания. М., 2000. С. 431.

²⁴⁴ Смерть Толстого... № 99.

²⁴⁵ Толстая А. Л. Об уходе... С. 38.

на наше тяжелое, подавленное настроение, не могли удержаться от улыбки»²⁴⁶.

4 ноября 1910 г. — 4 часа 30 мин. дня — Бюллетень 4 ноября: «Ночь плохо спал. Утром температура 38,1, четыре часа дня 38,3. Пульс 100 и 120 с частыми переборами, дыхание от 32 до 36; аппетита нет, днём сонливость. Маковицкий, Никитин»²⁴⁷.

В. Г. Чертков позднее вспоминал: «В этот день (4 ноября) у больного стало проявляться бредовое состояние и, — в очень, впрочем, незначительной степени, то бессознательное раздражение, которое так часто бывает у больных от переутомления. С некоторым нетерпением он давал указания, как поправить его простыню. Потом настойчиво захотел сделать из своих карманных часов, которые перед тем держал в руке, совершенно несвойственное им употребление и долго не давал Душану поправить его ошибку. Наконец, мы взяли у него часы и, заменив, чем следовало, отложили их на столик около кровати. Лев Николаевич раза три с промежутками прошептал: „Трудно“. Затем сказал очень решительно: „Ничего не понимаю... Где шесть приняли?“ Последние слова: „Где шесть приняли?“ — он повторил много раз, особенно старательно подчеркивая слово шесть, которое он произносил как-то неестественно и значение которого мы с Душаном никак не могли понять. Наконец, мне в голову пришло, не часы ли он хочет. Я поднес их к его руке, он взял их и успокоился, удовлетворенный.

Немного погодя, глядя перед собой на постели, Лев Николаевич спросил Душана: „Что это?“ Душан ответил: „Это одеяло, Лев Николаевич“. — „А дальше что?“ — „Кровать“ — „Ну вот, теперь хорошо“, — заключил Лев Николаевич с облегчённым видом»²⁴⁸.

«5 ноября Душан Петрович попросил меня не слишком долго занимать внимание Л.Н. чтением корреспонденции, и я по-немногу свёл на нет это занятие, не дочитав всех привезённых с собой писем»²⁴⁹.

²⁴⁶ Толстая А.Л. Об уходе... С. 39.

²⁴⁷ Смерть Толстого... № 221. С. 85.

²⁴⁸ Л. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 345.

²⁴⁹ Чертков В.Г. О последних днях Л.Н. Толстого. М., 1911. С. 17.

6 ноября 1910 г.— 1 час дня — Официальный бюллетень: «Ночь провел тревожно, утром 37,2, процесс в лёгком в прежнем состоянии, деятельность сердца внушает серьезные опасения, сознание ясно. Щуровский, Усов, Никитин, Беркенгейм, Семеновский, Маковицкий»²⁵⁰.

«Про старого друга своего, доктора Душана Маковицкого, не покидавшего его в течение стольких лет, Лев Николаевич дня за два до смерти сказал с неподражаемым нежным выражением голоса: „Милый Душан, милый Душан“.

Однажды, когда профессор Усов приподнял Льва Николаевича за спину и, опустив голову, поддерживал его, пока поправляли подушки, Лев Николаевич стал руками обнимать и припал к нему, целуя его. Усов произнес вполголоса: „Никогда не видел такого больного“. Когда же Усов приподнял свою голову, то Лев Николаевич, разглядев его лицо, сказал, слегка отстраняя его руками: „Нет. Это не тот“. Не сомневаюсь в том, что Лев Николаевич принял было Усова за Душана, по адресу которого и были направлены эти исключительные проявления нежности и любви»²⁵¹.

6 ноября в 1 час дня, обращаясь к дочерям, Толстой сказал:

«Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва»²⁵².

...Около двух часов дня — неожиданное возбуждение — сел на постели и отчётливо, громким голосом сказал:

«Вот и конец!.. И ничего».

Эти слова Толстого были последними отчётливо сказанными. В тот же день он позвал Сергея Львовича и сказал фразу, которую нельзя было разобрать. Маковицкий расслышал в этой фразе слова: «Истина... Я люблю много... Как они»²⁵³.

6 ноября 1910 г.— 6 часов вечера — Официальный бюллетень: «Температура 37,9, около 2 часов дня был припадок

²⁵⁰ Смерть Толстого... № 510–512.

²⁵¹ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 693.

²⁵² *Гусев Н. Н.* Летопись... С. 835.

²⁵³ *Толстой С. Л.* Очерки былого. М., 1956. С. 264.

резкого ослабления сердечной деятельности, продолжавшийся около 20 минут. К вечеру деятельность сердца улучшилась, сознание ясно. Щуровский, Усов, Никитин, Беркенгейм, Маковицкий, Семеновский».

6 ноября, около полуночи, Д. П. Маковицкий записал слова Толстого: «Как трудно умирать! Надо жить по-Божьи»²⁵⁴.

Из воспоминаний А. Б. Гольденвейзера: «Часов, кажется, около двух ночи Г. М. Беркенгейм, ввиду явно безнадежного состояния Л. Н., сказал Александре Львовне, что следует сообщить об этом Софье Андреевне и, если она пожелает, привести ее сюда, чтобы она могла проститься со Л. Н.

...Л. Н. лежал на спине, головой в сторону окна, ногами в сторону завешанной стеклянной двери... Между кроватью и стеной на стуле сидел В. Г. Чертков, между дверью и кроватью, тоже на стуле, Сергей Львович...

...Перед приходом Софьи Андреевны Владимир Григорьевич вышел из комнаты. Ввиду того, что Л. Н. на окружающее не реагировал, Софью Андреевну ввели в комнату, прося соблюдать осторожность. Боялись, что если Л. Н. узнает её — это может быть роковым толчком. Жизнь висела на волоске.

Софью Андреевну посадили на стул у постели. Она стала шептать Л. Н. слова любви и просить прощение, крестила его. Она посидела несколько минут, после чего её убедили выйти из комнаты»²⁵⁵.

«Между тем сокращения сердца стали всё слабее и слабее. Камфора не производила никакого действия, солёный раствор тоже. Решили убедиться, есть ли ещё сознание. Д. П. Маковицкий взял стакан воды с вином, поднес его ко рту Л. Н. и громко, торжественно сказал: „Лев Николаевич, увлажните свои уста“. Лев Николаевич приоткрыл глаза и сделал глоток. Сознание было...»²⁵⁶ Это предложение-призыв Душана Петровича было

²⁵⁴ Толстой и о Толстом. Материалы к комментариям. Вып. 4. М., 2010. С. 30.

²⁵⁵ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. М., 2002. С. 629–630.

²⁵⁶ Там же. М., 1959. С. 702.

последним звуком человеческого голоса, какой ещё слышал Толстой²⁵⁷.

А. Б. Гольденвейзер вспоминал: «Я вернулся к Л.Н. и сел на прежнее место. Дыхание ...было ужасно. В груди что-то клоко-тало и хрипело, но вдыхать Л.Н. стал все менее и менее глубоко. Часу в шестом Душан Петрович... подошел ко мне и тихо сказал:

„Агония...“

Немного погодя, в комнату ... ввели Софью Андреевну.

Дыхание становилось все поверхностнее, стало редеть. Софья Андреевна стала в головах Л.Н. и взяла руками его голову. Я взял его ещё теплую руку. Дыхание стало прерываться. Остановилось...

Кто-то из докторов (кажется, Щуровский) сказал:

„Ещё будет вздох“.

И действительно, Л.Н. ещё раз, сильнее прежнего, вздохнул, и всё было кончено...»

Позднейшее воспоминание Сергея Львовича Толстого: «Душан Петрович первый подошел к кровати отца и закрыл ему глаза»²⁵⁸.

А. Б. Гольденвейзер: «Я вышел в соседнюю комнату.

Мне на шею бросился Душан Петрович и, крепко сжав мне руку, прошептал:

„Говори мне «ты»“.

Мы крепко поцеловались.

Я вышел в столовую.

Через окно в предрассветном сумраке я увидел Илью Львовича и довольно большую кучку народа, томящуюся у дома, в ожидании вестей.

Я открыл форточку и сказал:

„Скончался“.

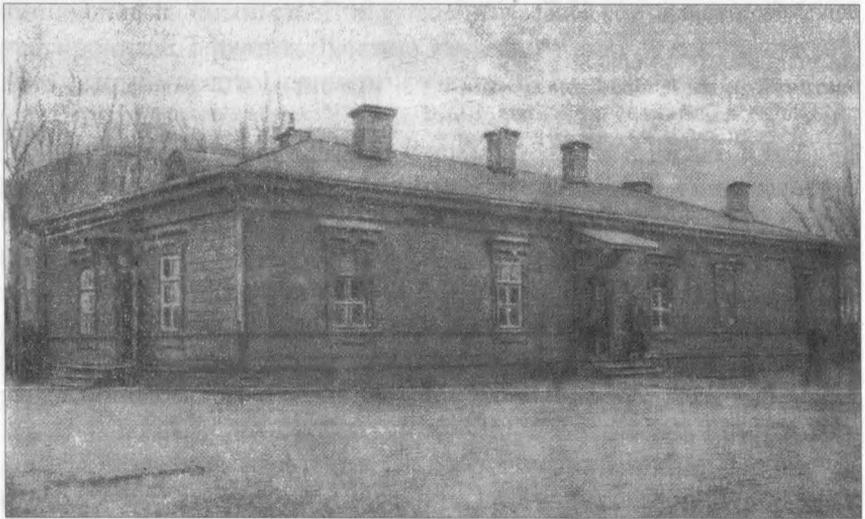
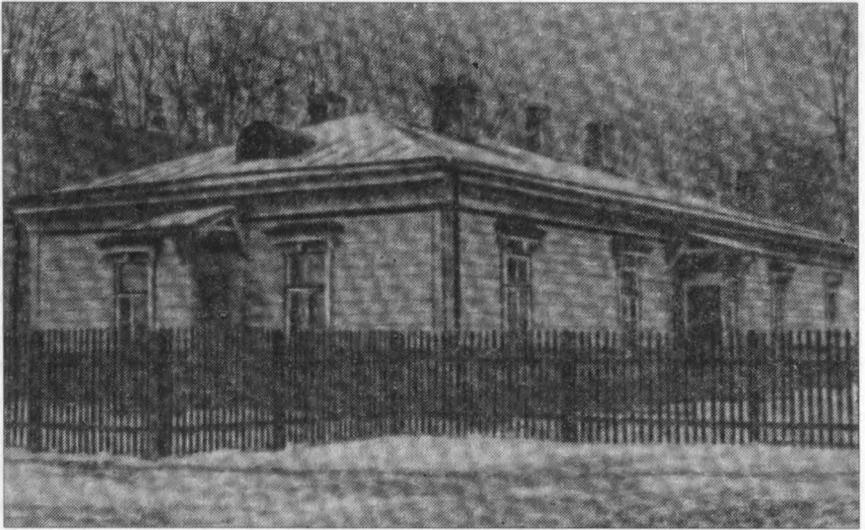
Все сняли шапки. Было 6 часов 5 минут утра.

Я вернулся в комнату Л.Н.

²⁵⁷ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год жизни. М., 1978.

С. 271.

²⁵⁸ Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1949. С. 276.

*Дом начальника станции Астапово И. И. Озолина,
в котором умер Л. Н. Толстой. Ноябрь 1910 г.*

Когда все ушли, Сергей Львович Толстой, Дмитрий Васильевич Никитин, Душан Петрович Маковицкий и я внесли в комнату другую кровать, постелили клеенку и перенесли на нее Л. Н. Дмитрий Васильевич и Душан Петрович раздели покойного и стали его обмывать. Потом мы его одели. Надели на него серую блузу. Пояса не могли отыскать. Позже его нашли, но надевать не стали...

Одевши Л. Н., мы перенесли его снова на ту кровать, на которой он скончался. Выражение лица было спокойное и сосредоточенное»²⁵⁹.

²⁵⁹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. М., 2002. С. 631–632.

Глава XI

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МАКОВИЦКОГО БЕЗ ТОЛСТОГО

После смерти Л. Н. Толстого Душан Маковицкий вернулся в Ружомберок навестить старого больного отца, который в феврале 1911 г. умер в его присутствии. Родственники уговаривали Душана остаться в Словакии, но его всё равно тянуло в Ясную Поляну. Он вернулся туда, чтобы подготовить к публикации свои «Яснополянские записки». Одновременно он занялся обработкой литературного наследия Толстого и, конечно же, по-прежнему лечил крестьян. Валентин Фёдорович Булгаков писал: «В конце 1912 г. в Ясной Поляне, кроме старых слуг, только Софья Андреевна со своей старой компаньонкой-художницей Ю. И. Игумновой (которую позже сменила девушка — дочь священника из соседнего села Кочаки), друг и врач Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкий, продолжавший с прежним самоотвержением лечить крестьян Ясной Поляны и окрестных деревень, да я»²⁶⁰.

После начала Первой мировой войны, в январе 1915 г., Душан Петрович был арестован за подписание антивоенного воззвания и некоторое время провёл в Тульской тюрьме. Как вспоминал В. Ф. Булгаков, «провели Душана Петровича в камеру коридором подвального этажа со спертым и смрадным воздухом, поразившем его; приехал он в тюрьму с инфлуэнцией — хорошо ещё, что была теплая одежда, сидеть в течение 10 дней пришлось совершенно одному и без всякой возможно-

²⁶⁰ Булгаков В. Ф. О Толстом. С. 161.

сти снести с содержащимися в той же тюрьме товарищами по делу; чувство человеческого достоинства протестовало против оскорбительного ареста...

Все это расстраивало Душана Петровича, в первое время он немного приуныл...»²⁶¹

И всё же «Маковицкий отличался тем, что постоянно и притом открыто и безбоязненно требовал от начальника тюрьмы разных улучшений в тюремном быту (особенно в области гигиены) и послаблений режима — не для себя, а для других арестованных, для всей тюрьмы. Он забывал, что в то время он был арестантом, выступал как гуманист и врач. И удивляться надо не этому, а тому, что начальство его выслушивало и, по большей части, исполняло его требования.

Говорили, впрочем, что в конце концов начальник тюрьмы стал обходить камеру Маковицкого, чтобы не встречаться с ним и не быть вынужденным вступать в пререкания о положении того или иного арестованного или о непрактичности, неприемлемости того или иного тюремного установления»²⁶².

Прежде чем поведать о причинах ареста Душана Петровича и о некоторых этапах судебного процесса, приведём интересные высказывания авторитетных исследователей об отдельных чертах мировоззрения Маковицкого. Он «...принадлежал к поколению словацких патриотов... которые в своей борьбе и программах во многом ориентировались на учение Л. Н. Толстого. В словацкой литературе существует мнение, что отношения Маковицкого и Толстого сыграли значительную роль в распространении учения русского писателя в Словакии в первую очередь в плане его критики существующего в России режима и православной церкви...»

Характеризуя словацкого друга Толстого, академик А. Мраз писал: «В Маковицком, человеке в целом простом, уравновешенном и прямолинейном, соперничали друг с другом две

²⁶¹ *Рокина Г. В.* Словаки и толстовский пацифизм в период Первой мировой войны // *Запад — Восток: научно-практический ежегодник.* Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2014. С. 52–53.

²⁶² *Булгаков В. Ф.* О Толстом. С. 161.

привязанности: любовь к словацкой жизни и преданность учению Толстого. Думается, что мы не погрешим против истины, отметив, что была у него еще одна, третья привязанность — Россия, которую он любил глубоко и искренно»²⁶³.

Нужно было стечение обстоятельств действительно необыкновенных, чтобы принудить «толстовцев» на открытое выступление написанием в августе–октябре 1914 г. воззваний «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры!».

В составлении текста этих двух воззваний большую роль сыграл русский толстовец, сподвижник великого писателя, биограф Л. Н. Толстого, его личный секретарь в последний год жизни В. Ф. Булгаков. Одним из первых (из 42 подписантов), кто поставил свою подпись под текстом и даже предлагал изменить название на «Опомнимся, люди-братья!», был Душан Маковицкий...

Подготовленный В. Булгаковым текст воззвания обсуждался в кругу толстовцев на хуторе Телятинки, где проживал и В. Г. Чертков. На следующее утро под текстом воззвания появились подписи искренних толстовцев — И. М. Трегубова, Д. Маковицкого, А. П. Сергеенко и других²⁶⁴.

Процесс по делу толстовцев нашёл отражение в тогдашней прессе. Газета «Тульская молва» 19 мая 1915 г. писала: «Своевременно в нашей газете сообщалось об аресте нескольких лиц, обвиняющихся в составлении и распространении воззваний, направленных против войны.

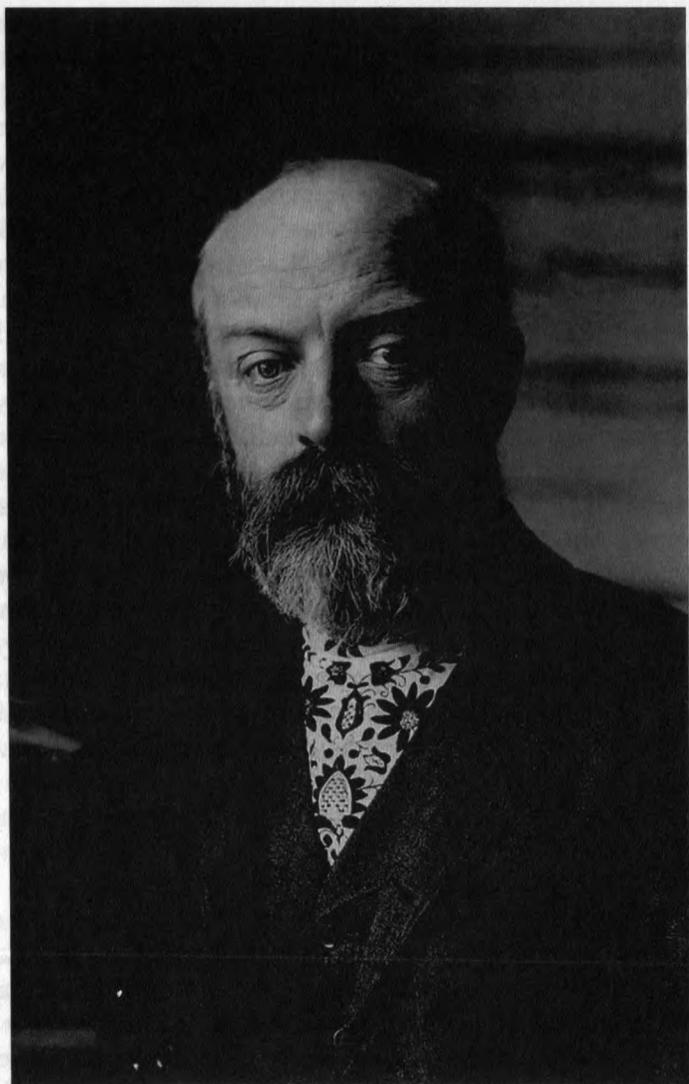
В числе арестованных оказались: врач Л. Н. Толстого — Д. П. Маковицкий, его секретарь В. Ф. Булгаков, С. Попов и другие лица, всего свыше 40 человек.

Дознание по этому делу, как сообщили московские газеты, закончено и всем обвиняемым предъявляется обвинение по ст. 129 угол. уложения.

Процесс этот привлечет ряд самых громких адвокатских имен и в том числе их, петроградские адвокаты Н. П. Карачевский,

²⁶³ *Рокина Г. В.* Указ. соч. С. 49.

²⁶⁴ Там же. С. 51.

*Д. П. Маковицкий. Дер. Телятинки, 1911 г.
Фото Н. Е. Рельтена*

М. Л. Гольдштейн, московские: В. А. Маклаков, Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко и П. Н. Малянтович, екатеринославский прис. пов. Александров, тульский Б. О. Гольденблат.

Однако группа адвокатов, составляющих ядро защиты, В. А. Маклаков, Н. К. Муравьев и Н. В. Тесленко, ввиду большого числа обвиняемых, решили пригласить еще и других своих товарищей, поэтому возможно участие в процессе В. П. Воинова, С. П. Ордынского и других»²⁶⁵.

Из письма от 12 мая 1915 г. Софьи Андреевны Толстой Валентину Фёдоровичу Булгакову, который, как и Д. П. Маковицкий, был заключен в Тульскую тюрьму: «Очень жалею я милого, кроткого и самоотверженно-деятельного Душана Петровича. Упрекаю вас, что вы подвергли его такой участи и взяли его подпись... Весь народ вокруг Ясной очень жалеет его и бедствует без медицинской помощи. Вчера был случай в деревне, где нужна была немедленная хирургическая помощь, а подать ее некому и вероятно больной умрет. И много таких случаев и это на вашей совести. И самого его, Душана, жаль, он не молодой, слабый»²⁶⁶.

В Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге хранится написанное в марте 1916 г. письмо И. Горбунова-Посадова известному адвокату Александру Сергеевичу Зарудному о деле «толстовцев» Булгакова, Маковицкого, Трегубова и др. Вот содержание это письма:

«Милостивый Государь!

Пересылаю Вам пришедшее летом еще прилагаемое письмо, показывающее, с каким глубоким чувством прислушиваются к предстоящему теперь слушанию дела Булгакова, Трегубова, Маковицкого и других друзей Л. Н. Толстого люди из трудового народа, сочувствующие заветам Л. Н. Толстого.

Письмо пришло ко мне во время общего разъезда и поэтому лишь теперь исполняю желание автора о доставке его Вам и другим защитникам.

²⁶⁵ Тульская молва. № 2255. 19 мая 1915 г. С. 2.

²⁶⁶ Булгаков В. Ф. О Толстом. С. 219.

Местность, из которой написано это письмо, заводская и, без сомнения, писавший это письмо — рабочий! В копии сохранена орфография подлинника.

Писавший выразил в письме своими простыми словами ту глубокую благодарность Вам, которую разделяют и разделят все, кому, подобно ему и мне, дороги заветы Мира и Братства человеческого.

С глубоким уважением, И. Горбунов-Посадов.

1 марта 1916 г. Москва

P. S. Пользуюсь случаем довести до Вашего сведения, что воззвание „Опомнитесь, люди-братья!“, послужившее поводом к предстоящему процессу, недавно появилось в органе Независимой рабочей партии в Англии (в которой принимают участие несколько членов Великобританского парламента) в № от 17 февраля текущего года.

П. Г.

Глубокоуважаемым защитникам Маклакову, Гольдштейну, Муравьеву, Тесленку и другим.

Глубокоуважаемые защитники!

Я прочитал в газете Киевской мысли в № 136 от 18 мая 1915 года о выступлении Вас на защиту, по делам доктора Маковицкого, Булгакова и других Толстовцев. За что и шлю Вам свою сердечную благодарность и прошу, оправдайте Истинных и не виновных Людей на благо народу. А покамест шлю Вам на всегда с совершенным почтением. Ученик Л. Н. Толстого Прокофий Никитин Вольвачев. Проживающий, Запорожье-Каменское Екатер.г.с. Каменское Банная улица 1915-го г. мая 25 дня»²⁶⁷.

Арест и тюремное заключение Маковицкого вызвали протест со стороны прогрессивной русской интеллигенции. Члены Академии Наук по Отделению русского языка и словесности и по Разряду изящной словесности В. М. Истрин, К. П. Кондаков, Н. А. Котляревский, В. Н. Перетц и А. А. Шахматов 3 марта 1915 г. обратились с письмом к товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому. «Мы, ниже подписавшиеся,

²⁶⁷ ЦГИА. Ф. 857. Оп. 1. Ед. хр. 298. Фонд А. С. Зарудного.

члены названного Отделения, имевшего в своем составе почетного академика графа Л. Н. Толстого, встревожены постигшейю Д. П. Маковицкого участью. Мы помним о том значении, какое имел Д. П. Маковицкий в личной жизни нашего великого писателя, и о неоценимых услугах, оказывавшихся им в течение многих лет гр. Л. Н. Толстому. Не зная, в чем именно обвиняется Д. П. Маковицкий, мы, тем не менее, решаемся ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о возможном к нему снисхождении, причем справедливое и снисходительное суждение о проступке Д. П. Маковицкого должно, как мы думаем, исходить из оценки тех его высоких духовных качеств, которые привлекали к нему любовь и дружбу гр. Л. Н. Толстого. Впрочем, Д. П. Маковицкий заслужил бы самого внимательного к себе отношения еще и по своему бескорыстному и самоотверженному служению ближним — делами милосердия и врачебным искусством — говорилось в их обращении»²⁶⁸.

Маковицкому пришлось пережить трудное время ареста, судебного следствия и ожидания приговора. Но именно в этот период он ощутил, какую важную роль он играет в кругу и семье Толстых. По ходатайству дочери писателя графини Александры Львовны Толстой ряд арестантов, в первую очередь Душан Маковицкий, были освобождены до суда под залог. При этом за австрийского поданного был дан самый большой залог — 1000 рублей (за трёх других по 500 рублей)²⁶⁹.

В Московском государственном архиве Л. Н. Толстого, в специальном фонде, где собраны документы судебного процесса по делу о воззвании толстовцев, хранится прошение графини и талон Московского губернского казначейства на сумму 2500 рублей²⁷⁰.

²⁶⁸ Прометей. Историко-библиографический альманах «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М., 1980. Калафа С. Я. «Словацкий друг Толстого». С. 301.

²⁶⁹ Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 г. Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

²⁷⁰ *Рокина Г. В.* Указ. соч. С. 53.

Из-за перегруженности военно-судного производства процесс состоялся только 21–30 марта 1916 г. Дело слушалось в Кремле при закрытых дверях под председательством генерал-майора С. С. Абрамовича-Барановского. В письме к присяжному поверенному Н. К. Муравьеву от 20 марта 1916 г. Д. П. Маковицкий, в ответ на предложение изложить мотивы, побудившие его подписать воззвание, писал: «На обращение „Опомнитесь, люди-братья!“ я смотрел, как на напоминание блюсти мир в душах своих. Такое напоминание было мне самому нужно, так как я разжигался войной. Считал, что оно также нужно и другим, борющимся в себе с грехом войны. Подписал его как обращение главным образом *к себе* (курсив Д. П. Маковицкого), ужасаясь тому, как затягивает меня война, и, стараясь освободиться от этого участия в ней мыслями и обрести должное христианское отношение к ней. При этом чувствовал, что я не достоин подписывать его, как обращение к другим, сам не приобретши ещё мира в себе. Но всё-таки не мог не поддержать возгласа друга, чтобы за ужасами войны мы не забыли бы Бога»²⁷¹.

В итоге судебного разбирательства преступление было квалифицировано не как «изменническое деяние», а как «религиозное побуждение» подсудимых. Приговор по делу толстовцев огласили 1 апреля 1916 г. Авторы воззвания были приговорены к двум месяцам тюремного заключения каждый. Причем был зачтен срок предварительного заключения. Душан Петрович вернулся в Ясную Поляну, а Валентин Фёдорович Булгаков в связи с продолжением военных действий был призван в армию.

Из письма Софьи Андреевны Толстой внучке Татьяне Михайловне 16 ноября 1916 г.: «...Со мной, спасибо ей, живет Варя Нагорная (Варвара Валерьяновна Нагорная — племянница Л. Н. Толстого) и Душан Петрович..., который очень много трудится.

Земский врач умер, и Душан Петрович чуть ли не на весь уезд один врач. Ночью и то едет. А таких людей в тюрьму

²⁷¹ Рокина Г. В. Указ. соч. С. 52.

сажают... Сколько он жизнью спас! Я за его деятельностью всё время слежу и очень его уважаю»²⁷².

5 декабря 1916 г. Софья Андреевна Толстая писала Валентину Фёдоровичу Булгакову: «У нас очень тихо и одиноко... Обедаем, мы только вдвоем с Душаном Петровичем и большей частью молча...»²⁷³

Бурные события 1917 г. не смогли охладить тёплые отношения между родными и друзьями Л. Н. Толстого. 9 июля 1917 г. Софья Андреевна Толстая писала в Москву Валентину Фёдоровичу Булгакову: «Кроме того, что всё, что вы мне посылаете, — мне очень интересно, я чувствую, что вы о нас, яснополянских жителях, иногда вспоминаете и не прекращаете дружеского общения с нами: Татьяной Львовной и мной с Душаном Петровичем»²⁷⁴.

Однако экономическое положение страны с каждым днём становилось всё тревожнее. Трудности с продовольствием не обошли и Ясную Поляну. В более раннем письме Валентину Фёдоровичу Булгакову от 17 июня 1917 г. Софья Андреевна вынуждена была поделиться с ним своими проблемами, как, даже имея деньги, прокормить семью и прислугу. Она писала: «Жить всё труднее и труднее. Ничего нельзя купить — ни муки, ни крупы, ни сахару; дают понемногу из потребительской лавки. А народу у меня много. Из Мишиной семьи: трое детей с немкой и прислугой; сестра моя Кузьминская с прислугой, Варвара Валериановна, Душан Петрович, так что обедаем ежедневно, кроме прислуги — 9 человек, а по воскресеньям — 13 человек. Часто не знаешь, что и заказывать к обеду. А провизия быстро убывает»²⁷⁵.

Озлобление людей — и «красных», и «белых» — часто приводило к вседозволенности, к тому, что ситуация выходила из-под контроля властей.

Софья Андреевна с ужасом писала Валентину Фёдоровичу Булгакову 26 марта 1918 г. об обстановке в Ясной Поляне:

²⁷² Толстой И. Л. Свет Ясной Поляны. М., 1986. С. 264.

²⁷³ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой... М., 1978. С. 224.

²⁷⁴ Там же. С. 228.

²⁷⁵ Там же. С. 227.

«... На деревне идет целый день стрельба: стреляет молодёжь, двух нечаянно ранили: одного мужика и одну яснополянскую женщину. Призывали Душана Петровича. Страшно даже гулять ходить...»²⁷⁶

В эти трудные годы Маковицкий продолжал лечить крестьян в яснополянской округе. И хотя с продовольственными и иными материальными затруднениями как-то удавалось справляться, но от сыпного тифа он всё же не уберёгся. Да и как ему, врачу, было уберечься от этой страшной болезни, когда она кругом свирепствовала! Тиф осложнился у Душана Петровича сначала воспалением лёгких, а потом каким-то особым видом мучительной экземы. С весны 1919 г. он целых семнадцать месяцев был прикован к постели. Кроме перечисленных заболеваний его донимали воспаление почек и ишиас.

«„Я теперь — великий мученик!“ — говорил мне однажды при посещении мною Ясной Поляны весь иссохший и побледневший Душан, стоя передо мной в длинной белой рубахе — единственном одеянии, которым он мог тогда пользоваться: всякое другое было бы слишком тяжело и раздражало бы его кожу. „Я был бы этим мучеником даже и в том случае, если бы имел хотя бы только одно пятнышко этой экземы на руке или на ноге, а у меня ими покрыто всё тело!“»

В довершение всего на теле больного, прошедшего несколько месяцев в постели, образовались глубокие пролежни, которые тоже очень мучили его.

За Душаном самоотверженно ухаживала местная крестьянка Матрёна Константиновна Орехова, работавшая до этого в качестве медицинской сестры в Яснополянской амбулатории. Только её заботливый уход помог Душану Петровичу преодолеть болезнь. Позже он из благодарности женился на Матрёне Константиновне²⁷⁷.

Чешская писательница Гелена Мелиртова в августе 1920 г. в Ясной Поляне беседовала с Душаном Петровичем

²⁷⁶ Там же. С. 229.

²⁷⁷ Там же. С. 271–272.

Душан Петрович Маковицкий (слева), Душан Маковицкий — младший (в центре) и Зденко Хоудек в Ясной Поляне

Секретари Л. Н. Толстого: Ю. И. Игумнова, Н. Н. Гусев, В. Ф. Булгаков и Д. П. Маковицкий. 15 марта 1913 г.

Маковицким. Позднее она писала в чешской коммунистической газете «Rude Pravo», что в признании Советской власти Маковицкий «шёл еще дальше, чем сама дочь писателя Татьяна Львовна» и что «из уст Маковицкого она не слышала ни одного гневного слова против большевиков». Как видно из дневниковой записи Душана Петровича от 4 августа 1920 г., он внимательно следил за победами Красной Армии.

Перемещение городского населения в деревню, прекращение торговли, ликвидация современной технической цивилизации, возрождение натурального сельского хозяйства на патриархальной основе — вот о чём мечтал Душан Петрович Маковицкий. Его утопия была объективно реакционна, но вражды к Советской власти он не питал. Он был к ней ближе, чем к буржуазному обществу, которое постепенно стало ему чуждо и враждебно. В Советской же России он по-прежнему имел возможность жить и работать²⁷⁸.

Со времени последней поездки Душана Петровича Маковицкого на родину прошло почти десять лет. Отъезду домой мешали работа над «Яснополянскими записками», Первая мировая война, гражданская война в России. К тому же — болезнь сильно надломила его физически и душевно. И только женившись, он обрёл силы для возвращения на родину. Условия для переезда в Словакию возникли летом 1920 г. В сентябре 1920 г. супруги Маковицкие уехали из Ясной Поляны в Москву, где остановились в доме друга Душана Петровича Аладара Збинецкого, торговца родом из Турца. У Збинецкого Маковицкий немного окреп и дождался отправления поезда, который вёз пленных. Почти все свои книги и рукописи, в том числе «Яснополянские записки», он оставил в Московском Музее Толстого. Примерно 6 октября чета Маковицких уехала из Москвы по направлению к Царскому Селу и Нарве, потом на грузовом судне в Штетин, а далее на грузовом поезде в Липник-над-Бечвой, где ещё 4 дня они находились в карантине.

²⁷⁸ Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. Т. I. С. 46.

Дорогу Душан Петрович пережил очень тяжело, сопровождаемый болями и неудобствами. После перенесённых болезней он практически не мог сидеть и стоять, поэтому его пришлось заносить и выносить из вагонов. Кроме супруги ему помогал немецкий пленный Адольф Калер, которого приставило к Маковицкому советское правительство.

После долгожданного прибытия в Ружомберок Душана Петровича с женой поселили в доме брата Петра.

«Возвратившись на родину, он очутился в чуждом ему мире, он словно вернулся в прошлое, давно им преодоленное. Буржуазные газеты предприняли тщетную попытку использовать Маковицкого в борьбе против Советской России. Это обстоятельство не могло не осложнить и без того трудного положения Маковицкого. Ему, человеку тяжело больному, лишённому средств к существованию (все своё состояние он уже давно раздал на общественные нужды), теперь приходилось крайне тяжело». В отчаянии Маковицкий писал: «Там нас рассматривали как людей, достойных внимания, здесь же мы — меньше горошины»²⁷⁹.

В записи яснополянской школьницы Наташи Зябревой, в начале 1976 г. в составе кружка юных краеведов посетившей Чехословакию, сохранились воспоминания пани Лайдовой — дочери брата Душана Петровича Петра. «Племяннице Душана Петровича было 13 лет, когда он возвратился из России в Словакию. Русскому языку она научилась от Матрены Константиновны...

...Очень хорошо запомнила пани Лайдова; как тяжело вскоре заболел доктор Маковицкий. Сначала тиф, потом осложнение; открылись язвы по всему телу, раны одни подживали, другие начинали кровоточить. Бедный дядюшка не мог ни сидеть, ни лежать. Обедал, стоя коленками на низенькой скамеечке.

Еще более тяжелым было состояние его духа. Душан Маковицкий принадлежал к богатой буржуазии, среда которой была и стала особенно чуждой доктору после общения

²⁷⁹ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Яснополянские записки. Т. I. С. 47.

*Душан Петрович Маковицкий с женой
Матрёной Константиновной Маковицкой (Ореховой).
Москва, 23 марта 1920 г.*

Общий вид города Ружомберока. 1924 г. Почтовая открытка

Л. Н. Толстым. Маковицкий не хотел практиковать в частной больнице. Он хотел посвятить остаток своей жизни мемуарам о Толстом...

...Однажды, — вспоминала пани Лайдова, — когда дядя стоял у моей кровати, я сказала ему, как восхищаюсь его отказом от церкви.

„Почему?“ — спросил он.

„Потому что я тоже не верю ее служителям“, — ответила я, и была поражена тем, что он мне ничего не сказал по этому поводу, только посмотрел на меня внимательно и ушел в другую комнату. Позднее я поняла, что его отношение к церкви и религии было намного сложнее, чем у меня.

В своем аскетизме дядя не позволял себе много кушать, хотя надо было ему выздороветь и укрепить здоровье. Живовижу, как доставал он иногда свою миску, чтобы принять со стола еду, но в последнюю минуту он отдергивал руку. Как ни уговаривали его все родные, что ему нужно хорошее питание, он постоянно ограничивал себя. Может быть, он считал греховным есть больше потому, что пища была хорошая и вкусная?

Чуть полегчало ему, дядя взялся за работу. Он обрабатывал свои записи из Ясной Поляны, по крайней мере, ту часть, которую взял с собой, и переводил недавно напечатанную биографию Л. Н. Толстого, написанную Гусевым²⁸⁰.

С 8 февраля 1921 г. Маковицкий лечился на курорте Пьештяни в Словакии. Но и пребывание на курорте не принесло ему душевного успокоения. По возвращении в Ружомберок он по-прежнему не мог найти работу. Жена забеременела. У Душана Петровича появилась навязчивая мысль, что он не сможет прокормить свою семью. Положение казалось ему совершенно безвыходным.

У него были два богатых брата: банкир в Братиславе и совладелец бумажной фабрики в Ружомбероке. Оба усиленно «подыскивали место» (!) для «безработного» брата, но

²⁸⁰ *Зябрева Н.Н., Надеждина Т.* На родине Д. П. Маковицкого // Молодой коммунар. 1 мая 1976 г.

Улица в Ружомбероке. 1922 г. Почтовая открытка

им и в голову не приходило сказать ослабевшему, выбитому болезнями из колеи и потерявшему душевное равновесие Душану: «Милый брат, не думай о будущем, перестань тревожиться о семье! Ведь ты видишь, что у нас достаточно средств, чтобы помочь и тебе, и твоей семье. Живи спокойно, выздоравливай, пусть жена твоя рождает — мы поддержим тебя и возьмем все материальные заботы на себя. Не думай о месте, сейчас тебе нужны не место и не работа, ты уже достаточно поработал, тебе нужны только отдых и покой, и все это мы охотно даем тебе. Когда окончательно поправишься, можешь заговаривать снова о работе, а пока — отбрось все заботы, лечись и отдыхай!»

И, конечно, отдохни так Душан полгода, год, полтора, сколько нужно — он бы оправился и опять пришел в себя, встал бы на ноги. Но родные все «искали место» для Душана. Наконец «место» — место врача в какой-то деревеньке — нашлось для Маковицкого, только он им уже не захотел воспользоваться.

*Матрёна Константиновна Маковицкая (Орехова)
с дочерью Анной*

Анна Душановна Маковицкая

Сознание ли своего слабосилия, помутнение ли разума у «святого» доктора в результате целого ряда перенесенных болезней, семейные ли неприятности, о которых можно было догадываться, явились причиной и побуждением — трудно сказать. Но только 12 марта 1921 г. Душан Петрович Маковицкий повесился на чердаке своего дома в Ружомбероке... Финал, какого из всех последователей Толстого меньше всего можно было ожидать именно от Маковицкого²⁸¹.

Самое первое и предельно краткое извещение о кончине Душана Петровича Маковицкого было опубликовано 13 марта 1921 г. на странице 4 издававшейся в Праге газеты «Воля России», в разделе «Телеграммы» под рубрикой «От агентов»: «Кончина д-ра Маковецкого. Братислава, 12.III. (Ч.Т.А.). Сегодня днем в Ружомберге (Словакия) внезапно умер д-р Душан Маковецкий, личный врач и секретарь Л. Н. Толстого»²⁸².

Этой скорбной теме уделим особое внимание. В томе 12 серии «Жизнь замечательных людей», озаглавленном «Прометей» и посвященном Л. Н. Толстому, Стефан Калафа в своей статье «Словацкий друг Толстого» опубликовал несколько фотографий, в числе которых есть и фото со следующим пояснительным текстом: «Улица в Ружомбероке. Почтовая открытка. В центре отмечены два дома: *где родился Д. П. Маковицкий, **где он умер»²⁸³. В тексте же статьи С. Калафа пишет, что Душан Петрович умер в своём родном доме. О том, что Маковицкий погиб в своём родном доме, писал и В. Ф. Булгаков, посетивший место кончины друга в 1924 году. Однако нам представляется, что такая формулировка не совсем точна. Сошлёмся на авторитетное мнение исследователя рода Маковицких и смежных родов, научного сотрудника Словацкой Национальной библиотеки в гор. Мартине Зденко Дюришки. В беседе с автором учёный точно

²⁸¹ Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978. С. 272–273.

²⁸² Газетный фонд Российской национальной библиотеки. Газета «Воля России». Прага, 13 марта 1921 г. С. 4.

²⁸³ Прометей... С. 291.

указал дом, где родился Маковицкий, — № 9 по улице Подгора, и дом № 13, где состоялся акт суицида. В соответствии с этим дом № 9 отмечен мемориальной доской, а у дома № 13 23 апреля 1992 г. был установлен памятник Д. П. Маковицкому.

Почему Душан Петрович добровольно ушёл из жизни? Высказывались разные предположения. Нам, однако, кажется, что если смотреть на вещи объективно, то мы должны согласиться с объяснением Людмилы Пиколовой, дочери Иозефа Шкультеты и Богданы (урожд. Маковицкой), которая по прошествии многих лет написала: «Если собрать воедино все мнения современников, а также результаты недавних исследований трагической смерти Маковицкого, то можно сказать, что виной стали как глубокие субъективные, так и широко объективные обстоятельства, из которых трудно выделить какую-то одну главную причину; поэтому смерть его для нас навсегда останется загадкой...» Похоронен Душан Петрович на протестантском кладбище, на одном из окружающих Ружомберок холмов, в семейном склепе.

Сооружение ныне существующего памятника на могиле Душана Петровича Маковицкого велось по проекту архитекторов Душана Юрковича и Стефана Слаhti в августе, сентябре и октябре 1934 г. В наши дни мемориал Маковицких приобрёл статус культурного наследия.

В духе учения Толстого Маковицкий отвергал церковную и гражданскую форму заключения брака, поэтому собственный брак он заключил перед правлением Толстовского общества 23 марта 1920 г. в Москве. Его супруга Матрёна Константиновна Орехова родилась 18 октября 1890 г. в Ясной Поляне в семье крестьянина Константина Орехова, который занимался торговлей деревом. Умер он рано, и Матрёна вынуждена была помогать матери в воспитании младших братьев и сестёр. С 1906 г. Матрёна работала в амбулатории. Её самоотверженность и забота спасли жизнь Душана Маковицкого, а в тяжелейшей дороге домой во многом облегчили его страдания. В Ружомбероке она чувствовала себя плохо. Это сознавал и Душан Петрович.

*Памятная доска на фасаде родного дома Д. П. Маковицкого
в городе Ружомбероке*

*Памятник с бюстом
Д. П. Маковицкого
на фасаде дома Петра
Маковицкого в городе
Ружомбероке, в котором
он жил по возвращении
из России и где он умер*

*Пётр Петрович Маковицкий (справа) и Валентин Фёдорович
Булгаков у первоначального памятника на могиле
Душана Петровича Маковицкого*

*Памятник на могиле Душана Петровича Маковицкого
в городе Ружомберке*

В январе 1921 г. в письме своему чешскому другу Ф. Веселы он писал: «Жена у меня из Ясной Поляны от очень хороших родителей. В течение 14 лет она мне помогала в амбулатории, а с марта 1919 г. она самоотверженно и... (разумно и умело) ухаживала за мной во время болезни. Она ещё никуда не уезжала от матери. Она очень скучает. Ни страна (горы), ни люди („духовной жизни у них нет“) ей не нравятся; она очень тоскует по России. Ей 32 года, она умеет работать, больше всего она любит читать Толстого, она понимает самые его глубокие религиозные и философские размышления. Живём мы дружно»²⁸⁴.

²⁸⁴ *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. I. С. 47; *Duriska Zdenko.* Medzi mlynmi a bankami. Dejiny rodu Makovickovcov. Slovenska genealogicko-heraldiska spolocnost (История рода Маковицких. Словацкая генеалогическо-геральдическая компания). 2007. S. 196.

Всё же постепенно Матрёна Константиновна свыклась с жизнью на новой родине и стала говорить на очень забавном языке, мешая вместе слова русские и словацкие. Можно даже сказать, что она перешла как раз на «душановский язык».

После смерти Душана Петровича Матрёна Константиновна некоторое время ещё жила в Ружомбероке, а в 1923 г. приятель Маковицкого Иван Галек устроил её в детскую больницу в Битчице медсестрой, где она проработала до 1940 г. В 1940–1943 гг. она работала в государственной больнице в Кветнице, а потом до выхода на пенсию в 1950 г. — в государственной больнице в Липтовском Микулаше в городской части Палудзка. После выхода на пенсию она жила в Липтовском Макулаше, с 1957 г. — в Партизанской Люпче, а с 1969 г. — у дочери Анны в Братиславе, где 25 апреля 1970 г. Матрёна Константиновна умерла. Урну с её прахом 11 декабря 1970 г. поместили в семейном склепе Маковицких в Ружомбероке.

Единственная дочь Душана Петровича и Матрёны Константиновны Маковицких Анна (Анна Людмила) родилась через несколько месяцев после смерти своего отца, 11 августа 1921 г. в Братиславе. В семье все её звали Анютой. Сначала её воспитывала мать в Ружомбероке, позже — Альберт Шкарван в Липтовском Градке, а после его смерти она поселилась в семье дяди Владимира в Братиславе. По своему характеру и внешности она очень похожа на своего отца Душана Петровича — такая же бледная и тихая, как он. Матрёна Константиновна и Анна побывали в Ясной Поляне.

В Братиславе Анна окончила четыре класса городского училища и школу женских профессий. С 1939 г. она работала в Словацком Банке, руководимом дядей, а затем — на водопроводной станции в Братиславе. В уже зрелом возрасте, находясь на лечении в Татранском Ломнице, Анна познакомилась со своим будущим мужем Яном Бучеком, родившимся 15 апреля 1912 г. Он жил в северной Моравии, но мечтал жить в Праге, поэтому после свадьбы, состоявшейся 29 августа 1970 г. на Граде Карлштейн, супруги переехали в Прагу. В Праге Анна работала сначала продавщицей, но потом по содействию доцента С. Калафы ей удалось получить место смотрительницы

в Национальной галерее. Позже она перешла на ту же должность в Национальном музее, где и проработала до выхода на пенсию. 19 июня 1998 г. Анна Душановна овдовела, а некоторое время спустя она переехала в дом престарелых в Студенке в северной Моравии.

Душан Петрович Маковицкий оставил добрую память о себе на своей родине. О нём там теперь напечатаны статьи и книги. Маковицкий навсегда связал своё имя со Львом Толстым.

«Яснополянские записки» — драгоценный труд о Толстом. Вместе с тем это и вечный памятник самому создателю этого огромного труда, Душану Петровичу Маковицкому. И пусть в ореоле славы великого русского писателя, драматурга, публициста Льва Николаевича Толстого не останется в тени имя его ближайшего друга и единомышленника, благородного человека, гуманиста, словацкого врачевателя Душана Петровича Маковицкого.

Низкий ему поклон.

Копия 1

В ГОСИЗДАТ.

28 февраля /1928

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

"Д. П. МАКОВИЦКИЙ. Ясно-полянские записки 1905 г. "

Записки доктора Душан Петровича ~~МАКОВИЦКОГО~~ представля-
ют из себя дневник, в котором почти ежедневно этот доктор,
проживший в доме Льва Николаевича много лет, записывал свои
впечатления и наблюдения над Львом Николаевичем, его окру-
жающими, причем он старался все разговоры Льва Николаевича
записывать подлинными словами ~~Льва Николаевича~~. Эти запис-
ки дневник подкупают своей безусловной искренностью, чест-
ностью и правдивостью. Доктор Д. П. Маковицкий не скрывает
здесь ничего. Он повидимому записывает все без пропусков. Мы
находим здесь отрицательные взгляды Льва Николаевича на
многие вопросы, о которых Лев Николаевич в своих произведе-
ниях в обработанном виде никогда не писал и даже то, что
как бы сорвалось с языка Льва Николаевича. Д. П. Маковицкий
совершенно объективно относится ко всем посетителям Льва
Николаевича и их беседам с ним и также почти стенографичес-
ки записывает все это, несмотря на то, ^{на что чувствуется}, что
он знает, что когда эти места ^{некоторые места} будут опубликованы, они ^{не}
будут ^{привнесут} пользы Толстому и толстовцам.

С литературной стороны эти записки написаны легко, живо
и интересно, с несомненным дарованием, читаются увлекательно.
Эта часть записок Маковицкого посвящена 1905 г., т. е. то-
му году, когда еще продолжалась русско-японская война.

Рецензия В. Д. Бонч-Бруевича на «Яснополянские записки»
Д. П. Маковицкого, готовившиеся к печати Госиздатом. 1928.
Страница первая. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

бы опубликован как можно скорее.Его появление в свет даст толсто-
ведам большой материал для изучения и пополнения тех пробелов в
биографии и характеристике творчества Толстого, который еще до сих
пор не заполнен

Влад. Бонч-Бруевич

Рецензия В. Д. Бонч-Бруевича на «Яснополянские записки»
Д. П. Маковицкого, готовившиеся к печати Госиздатом,
1928. Страница последняя с автографической подписью
В. Д. Бонч-Бруевича. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Письменный стол и кресло Д. П. Маковицкого. Липтовский музей
в городе Ружомберке

*Стефан Калафа (во втором ряду первый слева)
среди родственников Д. П. Маковицкого и учёных.
Братислава, 1991 г.*

Общий вид города Ружомберока

Использованные материалы

1. *Аннинский Л. Д.* Лев Толстой и кинематограф. М., 1980.
2. *Апостолов Н. Н.* Живой Толстой. М., 2001.
3. Центральный государственный исторический архив. Фонд 857. Оп. 1. Ед. хр. 298. Фонд А. С. Зарудного.
4. Российская национальная библиотека. Фонд 874 (архив С. Н. Шубинского). Оп. 1. № 124.
5. *Бирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. Кн. 2. М., 2010.
6. *Булгаков В. Ф.* О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1964; 1978.
7. *Булгаков В. Ф.* Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1989.
8. В гостях у Толстого. М., 2012.
9. *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959; 2002.
10. *Гусев Н. Н.* Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневники бывшего секретаря Л. Н. Толстого. 1907–1908. Издание Толстовского музея. М., 1928.
11. *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М., 1960.
12. Medzi mlynni a bankami Dejiny rodu Makovickovcov. Duriska, Zdenko. Slovenska genealogicko-heraldicka spolocnost'. 2007 (*Дюршица* 3. Между мельницами и банками. История рода Маковицких. Словацкая генеалогическо-геральдическая компания, 2007).
13. *Жданов В. А.* Памятка о музее на станции Лев Толстой. М., 1959.
14. *Жданов В. А.* Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1993.
15. *Зверев А. М., Туниманов В. Д.* Лев Толстой. М., 2006.
16. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Архив Л. Л. Толстого.
17. Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986.

18. *Кашменский П.Д.* Домик на станции Лев Толстой. Липецк. 1959.
19. *Кораблев В.Н.* Лев Толстой и славянство. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. М., 1934.
20. *Ксенофонтов А.И.* Заповедник музея-усадьбы «Ясная Поляна». Тула, 1970.
21. *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Яснополянские записки. М., 1979.
22. *Мейлах Б.С.* Уход и смерть Льва Толстого. М, 1979.
23. *Нестеров М.В.* Давние дни. М., 1959.
24. *Никитина Н.А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М., 2007.
25. *Опульский А.И.* Страницы жизни Льва Толстого. М., 1964.
26. *Порудолинский В.И.* Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины. СПб., 2012.
27. Последние дни Л.Н. Толстого. Альбом рисунков В.И. Россинского. М., 1911; Тула, 1995.
28. *Прокеш И.* Л.Н. Толстой в Словакии конца XIX—начала XX в. Восприятие, критика, переводы, традиции в словацкой литературе. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. На правах рукописи. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982.
29. Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М., 1980. Калафа С.Я. «Словацкий друг Толстого».
30. *Рокина Г.В.* Словаки и толстовский пацифизм в период Первой мировой войны. «Запад — Восток: научно-практический ежегодник». Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета (МарГУ), 2014.
31. Ружомберок. Монографический справочник, отражающий историю и современную жизнь города. Банска Быстрина: Гармония, 2009.
32. *Сергеенко А.П.* Рассказы о Л.Н. Толстом. М., 1978.
33. *Сиротинин А.Н.* Россия и славяне. СПб., 1913.
34. *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1981.
35. Смерть Толстого по новым материалам. М.: Изд-во Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1929.
36. *Толстая А.Л.* Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989, 2001. Т. 2.

37. Толстой И.Л. Свет Ясной Поляны. М., 1986.
38. Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 2000.
39. Л. Н. Толстой в Астапове и царская власть. Рязань, 1995.
40. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, 1978. Т. 2.
41. Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986.
42. Лев Толстой и музыка. М., 1977.
43. Л. Н. Толстой и о Толстом. Юбилейный сборник. М.-Л., 1928.
44. Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1998.
45. Л. Н. Толстой и художники, М., 1978.
46. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 68–69. Письма. 1894–1895; Т. 70–71. Письма. 1897–1898.
47. Толстой С.Л. Очерки былого. М., 1949.
48. Уход и смерть Льва Толстого. Корреспонденции, статьи, очерки. СПб., 2010.
49. Черкасов Д.Б. Форум о Словакии: «Яснополянский сборник» № 52.
50. Чертков В.Г. О последних днях Л. Н. Толстого. М., 1911.
51. Ходулин В.Г. Кузнецкая слобода. Стихи. Тула, 1987. С. 87–88.
52. Шилов А.Д. Я слышал по радио голос Толстого. М.: Искусство, 1989.
53. Шифман А.И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983.
54. Эфендиев М. Я знал Льва Толстого и его семью. Махачкала, 1964.
55. Яснополянский сборник. Тула, 1955, 1960, 1962, 1974, 1976, 1984, 1988, 1992.

Немного об авторе

Валерий Михайлович Романовский родился в Ленинграде 2 декабря 1943 г. Работал станочником на промышленных предприятиях. В 1973 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Участвовал в подготовке к изданию первого тома «Аграрной истории Северо-Запада России» под редакцией д.и.н., проф. А. Л. Шапиро. Имеет несколько публикаций о статистической обработке писцовых книг конца XIV – начала XVII в. по Ореховскому уезду Водской пятины Новгородской земли. В газете «Невское время» 11 февраля 2011 г. опубликована его статья «Татьяна Ларина. Кто она?».

Два десятилетия работал экскурсоводом в Бюро путешествий, Бюро экскурсий, в Петергофе и в музее-памятнике «Исаакиевский собор». Водил пешеходные, автобусные и теплоходные экскурсии по 23 темам.

В настоящее время, будучи пенсионером, занимается активной концертной деятельностью в качестве ведущего и чтеца.

Содержание

Вступление.....	3
Глава I. Врачебная практика Д. П. Маковицкого.....	5
Глава II. Яснополянские записки.....	42
Глава III. Юбилейное утро Толстого	46
Глава IV. Жизнь: будни и праздники.....	50
Глава V. Толстой о литературе в изложении Маковицкого	69
Глава VI. Маковицкий – участник музыкальных вечеров.....	83
Глава VII. Толстой и изобразительное искусство в записях Маковицкого.....	86
Глава VIII. Злоба дня.....	93
Глава IX. Накануне грозы	117
Глава X. «Друг познаётся в беде»	127
Глава XI. Десятилетие Маковицкого без Толстого.....	152
Использованные материалы	182
Немного об авторе	185

12+

Валерий Михайлович Романовский

И эскулап, и летописец.
Душан Петрович Маковицкий

Издание второе, исправленное и дополненное

Корректор *Д. А. Синецкина*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 24.01.2022. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 12
Тираж 300 экз. Заказ № 2524

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_history@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243-32-82